

T.ME/ANONYMOUSBOOKS148

КЛЯТВА НЕПРАВДИ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY

К. ХАЛЛМАН

Пенни

Раньше я думала, что лучше него. Я процветала в частной школе для одаренных детей, а он едва справлялся с учебой в общественной школе. Я была умнее, и при каждом удобном случае давала ему это понять. Затем я солгала, лишь бы доставить ему проблем и убрать с дороги.

Оказалось, что карма — сука.

Спустя пять лет моя некогда многообещающая жизнь стала лишь угасающим воспоминанием. Я опустилась на самое дно. И когда я думала, что хуже быть уже не может, судьба приготовила для меня еще один жестокий поворот.

Райдер

Я ненавижу ее с того момента, как мы встретились. С годами моя ненависть только росла. Из-за нее я потерял все, попал в тюрьму и стал тем, кем являюсь сегодня.

Так что, когда она появляется в моем клубе, не в состоянии вернуть долг, я не могу поверить в свою удачу. Она должна мне больше, чем пять тысяч, и я с удовольствием заставлю ее заплатить.

К. Халлман

Клятва ненависти

Перевод выполнен: tg. клуб анонимных читателей / t.me/anonymousbookclub

Для Джози,

*Моей лучшей подруге, партнеру по преступлению,
писательской второй половинке и воображаемой жене.*

Ты мне нравишься, даже когда забываешь о всяком дерьме.

Всегда с любовью,

Кэсси

PS: Если ты добавляешь ранч, то это уже салат.

Пенни

Моя рука начинает болеть, в том месте, где за нее держится парень в три раза больше меня. Его пальцы впиваются в мою кожу с такой силой, что наверняка у меня останется множество синих и фиолетовых синяков. Я едва поспеваю за его темпом, пока он тащит меня внутрь громкого байкерского бара.

Рок-музыка гремит из динамиков, заставляя мои уши содрогнуться. Здесь темно, а воздух густой от дыма, который раздражает мое горло. Здесь много народу, и все взгляды устремлены на меня, в то время как парень ведет меня в заднюю часть большого зала.

В своих узких джинсах, белых кроссовках и розовом свитере — я привлекаю всеобщее внимание. На плече у меня висит фиолетовый рюкзак, в котором хранится все, что у меня есть.

Большинство людей здесь — мужчины, одетые в черное, в тяжелых ботинках и со злобным выражением лица. У каждого парня, которого я вижу, руки и шея покрыты татуировками, некоторые из них я нахожу красивыми, но большинство ужасают и оскорбляют. Точно так как вы и могли представить себе группу байкеров.

Здесь есть несколько женщин; все они полуголые или полностью обнаженные. Мы проходим мимо девушки, стоящей на коленях и отсасывающей у парня, словно это совершенно нормальное явление в мире. Еще две девушки танцуют голыми на столе, а парни лапают их тела. Пытаюсь отвести взгляд, но игнорировать это просто невозможно. Музыка здесь не такая громкая, но парню рядом со мной все равно приходится повышать голос.

— Босс, я нашел сучку, которая задолжала вам деньги.

Страшный на вид мужчина, сидящий за столом, поднимает голову и оглядывает меня. Выражение его лица выражает лишь смутный интерес к моему присутствию. На нем черная футболка под черным кожаным жилетом, украшенным кучей нашивок. На одной нашивке написано *The Iron Sights*. В этом месте почти у каждого человека есть такая нашивка на жилете или куртке.

Из-под одежды выглядывают татуировки и шрамы. Самый заметный шрам — на лице. Он тянется от брови вниз по щеке. Его глаза мгновенно начинают скользить по моему телу, и я неожиданно начинаю чувствовать себя незащищенной.

До сего момента я ожидала, что они избьют меня, поскольку я не могу выплатить долг. Тот факт, что мне и в голову не пришло, что они могут сделать с моим телом что-то еще, приводит меня в ярость. Я в полной заднице.

— Пять штук, а? Полагаю, у тебя нет денег в этом твоём рюкзачке?

В моем горле образовался неприятный ком размером с теннисный мяч, не позволяющий вымолвить ни слова. Я качаю головой и держусь за лямку рюкзака так, словно от этого зависит моя жизнь.

— Ты знаешь, что мы делаем с людьми, которые не возвращают наши деньги? — он делает паузу, выжидательно поднимая бровь. Притворяясь, что он просто задал мне риторический вопрос, я жду, когда он вынесет мне приговор.

Устав ждать, он продолжает:

— Мы приводим их в пример. Обычно это влечет за собой несколько сломанных костей и потерю нескольких зубов, но тебе повезло, красотка, — его губы растягиваются в злобной

улыбке, а глаза сверкают от вожделения. — Я достаточно любезен, чтобы позволить тебе отработать свой долг вместо этого.

Окинув взглядом комнату, я замечаю, что половина парней смотрят на меня, как на идеально приготовленную индейку на обеденном столе в День Благодарения. Мой желудок совершает кульбит, и на секунду я думаю, что меня может стошнить.

— Посмотрите, кого это сюда занесло, — знакомый голос заглушает шум в комнате. Я оглядываюсь, пытаюсь найти обладателя голоса, который всегда вызывал у меня мурашки по коже. Он стоит в десяти футах от меня. Он выше и мускулистее, чем в последний раз, когда я его видела. Нижнюю половину его лица покрывает борода, а большую часть тела, насколько я могу судить, скрывают татуировки. Глаза у него все те же пронзительно-голубые, как я и помнила. На мгновение я забываю, как дышать.

— Райдер? — его имя слетает шепотом с моих губ.

— Ты знаешь эту цыпочку? — спрашивает парень, в руках которого, очевидно, находится моя судьба.

— О да, мы давно знакомы. Не так ли, маленькая сова?

Маленькая сова.

Он прожил в моей семье больше года, и ни разу не назвал меня по имени. Маленькая сова — это одно из наиболее приятных прозвищ, которые он придумал для меня.

— Сколько времени прошло? Пять лет? — он делает несколько шагов ко мне, и я хочу сделать несколько шагов назад. Парень позади меня сложен как танк, поэтому убежать невозможно. — Думаю, я позабочусь о ней сам.

— Я бы предпочла, чтобы ты просто избил меня и отпустил, — говорю я, ничуть не шутя.

Весь бар разражается хохотом.

— Все еще умничаешь, я вижу, — Райдер подходит ко мне, резко хватая меня за руку и тащит сквозь толпу к двери рядом с баром. На двери висит табличка «*только для сотрудников*». Либо он здесь работает, либо ему все равно.

Мы оказываемся в ярко освещенном коридоре. Как только мы остаемся одни, он толкает меня к стене, прижав щекой к холодному кирпичу. Его рот расположен прямо возле моего уха, когда он шепчет:

— Я почти не узнал тебя без очков и испорченных передних зубов.

В его дыхании ощущается запах сигарет и выпивки. И то, и другое мне хорошо знакомо. Мое тело мгновенно напрягается, ассоциируя эти запахи с болью. Я закрываю глаза и жду, что вот-вот последует боль, но Райдер просто держит меня на месте.

— Не волнуйся, ты сможешь отработать свой долг со мной, — он проводит рукой по моим волосам и ловит прядь между пальцами. Я жду, что он резко потянет за локон, но он просто продолжает играть с ним, словно проверяя на мягкость.

— Ты приятно пахнешь.

Он наклоняется ближе, его нос касается кожи на моем горле.

— Ты боишься, маленькая сова? — я думаю, что не на шутку напугана. Я боялась так долго, что иногда трудно сказать, что я чувствую. — Ответь мне, — рычит он мне в ухо, заставляя меня подпрыгнуть.

— Да, — шепчу я.

— Хорошо, тебе стоит бояться. Ведь я собираюсь заставить тебя заплатить за то, что ты сделала со мной... Я собираюсь сломать тебя.

Я почти смеюсь над его словами. *Он собирается сломать меня? Уже нечего ломать. Я уже сломлена до неузнаваемости. Моя жизнь разбилась на такое количество осколков, что собрать все части воедино — невозможно. Я никогда не смогу склеить все части обратно.*

— Эй, я хочу получить свою очередь с этим прекрасным куском задницы, — кричит какой-то парень откуда-то из коридора.

Райдер отстраняется от меня, но оставляет одну руку между моих лопаток, удерживая меня прижатой к стене.

— Ты знаешь, как это работает, Бак.

— Ага, ага, ты получаешь права первым, — ворчливо говорит парень по имени Бак. — Но это не значит, что я не могу получить ее позже...

Моя кровь стынет в жилах. Пожалуйста, *Господи, нет!*

Райдер резко разворачивает меня.

— Пойдем, маленькая сова, уединимся где-нибудь.

Не убирая руку, он ведет меня в комнату в конце коридора. Она маленькая и темная, с двуспальной кроватью и креслом в углу. Бетонный пол и голые стены без всякой отделки делают эту комнату больше похожей на тюремную камеру, чем на спальню. Он закрывает дверь и запирает ее за нами, прежде чем сесть в кресло.

— Раздевайся! — приказывает он, глядя на меня, как король на своем троне.

Обхватив себя руками, словно это может защитить меня, я качаю головой.

— Я не могу этого сделать, Райдер. Я не могу сделать это с тобой.

— Хорошо, — он пожимает плечами. — Вот дверь.

Он вздергивает подбородок к единственному выходу из этой комнаты.

— На этот раз я даже позволю тебе выскользнуть через черный ход. Но после этого ты будешь сама по себе. Если кто-то из моих парней поймает тебя, ты станешь честной добычей.

Карма умеет возвращаться к вам, и я думаю, что это яркий пример. Я наделала ошибок, много... и теперь пришло время расплачиваться.

У меня нет вариантов, и он это знает. Либо он, либо какие-то парни, которых я никогда не встречала. Райдер может ненавидеть меня, но, по крайней мере, он не какой-то незнакомец. Я могу дать ему это, может быть, это искупит мой поступок. Может быть, это облегчит чувство вины, пожирающее меня заживо.

Я могу это сделать; я просто не могу сделать это с кем-то другим.

— Если я сделаю это с тобой, ты скажешь своим людям не трогать меня?

— Я еще не решил. Посмотрим, чем закончится сегодняшняя вечер.

Мое сердце бьется так быстро, что я думаю, что могу потерять сознание. Дрожащими руками я стягиваю с себя свитер. Когда я расстегиваю джинсы и тяну молнию вниз, мое тело дрожит. Я выскальзываю из туфель, стягиваю штаны по ногам и переступаю через них. На полу остается лужа одежды, и я остаюсь в трусиках и лифчике.

— Все, — приказывает он с самодовольным видом.

Я тянусь назад, чтобы расстегнуть лифчик и позволить ему соскользнуть с моих рук. От прохладного воздуха в комнате мои соски твердеют и покалывают. Отбросив эти ощущения, я стягиваю трусики — последний предмет одежды, защищающий меня от его дразнящего взгляда и злобной ухмылки на его красивом лице. Очевидно, он наслаждается собой.

— Иди сюда, встань на колени между моих ног.

Благодаря Томми я привыкла выполнять приказы без раздумий. В три шага я сокращаю

расстояние между нами и опускаюсь перед ним на колени. Бетон холодный и немилосердный к моей голой коже. Я не могу не задаться вопросом, сколько других девушек стояли здесь на коленях до меня. Думали ли они о холодном полу? Наверное, нет.

Я положила руки на колени, ожидая его указаний. Почему-то сейчас, когда я стою на коленях так близко к нему, я чувствую себя лучше, чем когда стояла на демонстрации. Он растегивает молнию на своих джинсах, и его эрекция вырывается наружу. Я нервно сглатываю. Полагаю, он хочет, чтобы я сделала ему минет. Должна ли я сказать ему, что никогда прежде этого не делала?

— Не стоит так волноваться, маленькая сова. Я просто слегка трахну твое лицо. Потом твою киску... и, возможно, задницу после этого.

— Я раньше никогда этого не делала, — промурлыкала я.

— В какую из? — хихикает он.

— Любую из них, — признаюсь я.

Он в шоке смотрит на меня в течение нескольких секунд, прежде чем рассмеяться так сильно, что стул заскользил по полу.

— Ты, блять, серьезно?

Я киваю, уставившись на какое-то воображаемое место на стене. Мои щеки пылают, и я не знаю, почему сейчас мне стало еще стыднее, чем десять минут назад.

— Ну, если ты думаешь, что это остановит меня от того, чтобы вытрахать из тебя все твои мозги, то ты сильно ошибаешься. Ты в долгу передо мной не в одном смысле.

Я знаю. Боже, я знаю.

Он хватается меня за верхнюю часть рук и приподнимает на несколько дюймов, притягивая меня к своим коленям. Мои руки машинально взлетают вверх, чтобы опереться на его ноги. Его руки перемещаются вверх к моей голове.

— Открой рот, и для твоего же блага следи за своими зубами.

Как только я это делаю, он притягивает мою голову к своему паху, погружая кончик своей твердой эрекции в мой рот. Он теплый и гладкий на моем языке. Он вводит и выводит член несколько раз.

— Расслабь горло и дыши через нос.

Это единственное предупреждение, которое я получаю, прежде чем он толкает мою голову вниз. Теперь он упирается в заднюю стенку моего горла, заставляя меня задыхаться. Я инстинктивно впиваюсь пальцами в его бедра, стараясь отстраниться, но он крепко держит меня. Он продолжает проникать в мое горло, не давая возможности дышать. Слезы текут и стекают по моему лицу. В панике я сжимаю челюсть, и мои зубы задевают верхнюю часть его члена.

— Осторожно! — он дергает меня за волосы и полностью вытаскивает свой член, позволяя мне глубоко вдохнуть. От боли в коже головы я вздрагиваю и паникую еще больше. Закрыв глаза, я пытаюсь успокоиться.

— Посмотри на меня, — приказывает Райдер, но мои глаза остаются закрытыми. — Посмотри на меня, — повторяет он, его голос приобретает иной оттенок. Возможно, более спокойный.

Открыв глаза, я смотрю на него. Вблизи его глаза выглядят иначе. Они темнее и насыщеннее, чем я когда-либо видела раньше. Я могу потеряться в этих глазах, не обязательно в хорошем смысле, скорее как потеряться в темном лесу, где вот-вот меня съедят волки.

Он удерживает мой взгляд, снова проникая в мой рот, на этот раз слегка нерешительно. Входит и выходит, проникая каждый раз немного глубже, но не разрывая зрительного контакта.

— Я думаю, тебе понравится быть моей маленькой игрушкой для траха. Держу пари, ты уже мокрая для меня.

От его грубых слов мои бедра сжимаются, и незнакомое чувство зарождается в глубине живота.

Нет! Он ошибается, мне это ни за что не понравится.

Мгновение спустя он возвращается к прежнему темпу, непрерывно двигая моей головой вверх и вниз, глубоко насаживая меня. Так как мое горло более расслаблено, я не задыхаюсь и не паникую, как раньше.

Он продолжает в том же духе не знаю сколько времени. Трахая мой рот без устали и позволяя мне сделать несколько глубоких вдохов. К тому времени, когда он останавливается и отпускает меня, я испытываю легкое головокружение и дезориентацию. Я откидываюсь на пятки, раскачиваясь в стороны. Все еще пытаюсь перевести дыхание, когда он встает, возвышаясь надо мной.

Он наклоняется и подхватывает меня под мышки, как взрослый подхватил бы маленького ребенка. Подняв меня, словно я ничего не вешу, он бросает меня на кровать, заставляя подпрыгнуть на матрасе.

— Ложись на спину и раздвинь ноги.

Подвинувшись на кровати, я делаю то, что он сказал, и ложусь на спину. Раздвинув ноги, я, к своему полному ужасу, понимаю, что внизу я вся мокрая.

Неужели я сейчас возбуждена?

Я настолько не в ладах со своим телом, что даже не знаю, возбуждена я или нет. У меня нет времени задерживаться на этой мысли. В следующее мгновение Райдер проводит двумя пальцами по моим складочкам и торжествующе улыбается.

— Я знал, что ты будешь мокрой. Тебе это нравится?

«*Нет!*» — мысленно кричу я.

Райдер опускается вниз, пока не оказывается между моих ног. Не успеваю я опомниться, как его язык оказывается на моей самой чувствительной части тела. Теплое, влажное ощущение — чужое, и я не знаю, что с ним делать. Я ожидала избиения, когда пришла сюда. Мое тело не получило предупреждения о таком повороте событий. Я не могу не ожидать, что в любую минуту мне станет больно. Не в силах расслабиться, я лежу неподвижно, пытаюсь отключиться.

Просунув обе руки под мои бедра, Райдер раздвигает их еще шире, чтобы получить лучший доступ. Лаская языком мой клитор, он посылает странный импульс по моему телу. От меня требуется все, чтобы не двигаться и не издавать ни звука. Я отгоняю все эти непрощенные ощущения удовольствия прочь и подавляю их в своем теле, как меня учил Томми.

Райдер продолжает облизывать меня, с каждым движением языка надавливая все сильнее, и от этого удовольствие в моем ядре усиливается. Мне приходится прикусить внутреннюю сторону щеки, чтобы не издавать звуков, и я зажмуриваюсь, пытаюсь не двигаться.

Райдер выпрямляется и смотрит на меня.

— Ну, черт, теперь я точно оскорблен.

Все, что я могу делать, это смотреть на его влажные, блестящие губы.

— Мне жаль, — говорю я, хотя и не знаю, за что именно я извиняюсь.

Он качает головой.

— Ты такая странная, — он хватает подол своей футболки и одним быстрым движением стягивает ее, обнажая четко вычерченную верхнюю часть тела. Мои глаза прикованы к его мускулистой груди и к тому, как напрягаются его мышцы при движении.

Неожиданно он оказывается сверху, вдавливая меня в матрас. Он окружает меня со всех сторон, теснит и не оставляет места и возможности дышать. Он опускает свою голову рядом с моей и упирается локтями в мое тело, заключая меня в клетку.

К моему разочарованию, от него приятно пахнет — чистым мылом и какими-то мужскими пряностями. Я не хочу искать в нем ничего приятного. Мне нужно ненавидеть его. Это единственное чувство, которое я должна испытывать к нему, потому что я знаю, что это единственное чувство, которое он когда-либо будет испытывать ко мне.

Я чувствую, как его гладкая головка упирается в мой вход, заставляя меня резко втянуть воздух. Он проталкивается внутрь совсем чуть-чуть. Ощущая, как мои внутренние стенки с трудом пытаются приспособиться и принять его, я изо всех сил стараюсь расслабиться. Это то, что они всегда говорят, правда? Просто расслабься, и будет не так больно. Просто расслабься.

Без предупреждения и одним сильным толчком он погружается глубоко внутрь меня. Из моего горла вырывается болезненное хныканье. Полнота и боль почти невыносимы. Я пытаюсь оттолкнуть его, но он не сдвигается ни на сантиметр.

— Шшш, расслабься, — говорит он, почти успокаивая, но я не могу. Не тогда, когда я в таком замешательстве. В замешательстве от того, что я чувствую, и от того, что он делает со мной.

— Неужели ты хранила себя для сказочного принца из одной из твоих глупых книжек? — его голос напряжен и хриловат, словно он пытается сдержать себя, держась только за счет угрозы. — Или ты просто слишком хороша для того, чтобы кто-нибудь другой раздвигал твои ноги? — насмехается он. Его лицо так близко к моему, что я чувствую его дыхание на своей коже.

Даже если бы я знала, что сказать ему, сейчас я не смогла бы вымолвить ни слова. Мое дыхание поверхностное и быстрое, и мне приходится заставлять себя расслабиться, прежде чем у меня начнется гипервентиляция. Я делаю глубокий, успокаивающий вдох и понимаю, что он не двигается внутри меня. Боль между ног уже стихает, и когда он, в конце концов, начинает двигаться, я испытываю лишь легкий дискомфорт. На смену боли приходит новое чувство. По-прежнему ощущаю полноту, но также и тепло. Я чувствую удовольствие.

Он продолжает входить в меня, и это ощущение становится все сильнее, распространяясь по моему телу, как рак. Проходит несколько минут, и вся боль исчезает, сменяясь чистым блаженством. Я пытаюсь оттолкнуть его, но мое тело, кажется, обрело собственный разум. Я просто второй пилот, смотрящий в окно. Я обвиваю Райдера ногами, а руками держусь за его бицепсы. Вместо болезненного хныканья из моего рта вырываются тихие стоны, которые я едва узнаю как свои собственные.

Райдер наращивает темп, вонзаясь в меня глубоко и сильно. Я не испытывала ничего подобного и не хочу, чтобы это заканчивалось, никогда. В моем ядре разгорается искра. На долю секунды я впадаю в панику, не зная, что это значит. Затем искра перерастает в лесной пожар, опаливая каждую частичку моего тела. Все мои мышцы напрягаются и сжимаются, а

затем снова расслабляются. Удовольствие, которого я никогда раньше не испытывала, заливает мое тело, и я впервые в жизни испытываю оргазм. Пытаясь не закричать от удовольствия, я прикусываю внутреннюю сторону щеки так сильно, что чувствую вкус крови.

Я смутно слышу, как Райдер хрипит, погружаясь в меня еще несколько раз, прежде чем остановиться. Мне кажется, что я нахожусь на облаке, плывущем по небу. Мне так тепло и спокойно. Странно, но я чувствую себя в безопасности, пока Райдер лежит на мне, словно двухсотфунтовое одеяло с подогревом.

Закрывая глаза, я наслаждаюсь каждой секундой этого внетелесного опыта. На мгновение я забываю, где я и что я здесь делаю. Я настолько удовлетворена, что чувствую себя почти пьяной.

— Я волновался, что потерял свою хватку, — бормочет он в мои волосы. Не понимая, о чем он говорит, я решаю просто молчать и держать глаза закрытыми.

— Я так не думаю. Открой глаза. — Райдер трясет меня, и я открываю свои теперь уже тяжелые веки. Я смотрю на его лицо, нависающее в дюймах над моим. — Нет времени для отдыха. Я сказал тебе, что у нас в программе.

Он слезает с меня, и я вздрагиваю, сразу же ощущая холод и пустоту.

— Поднимайся, я хочу, чтобы ты встала на четвереньки.

Я сажусь и медленно поворачиваюсь, чтобы встать на колени. К своему ужасу, я замечаю, как что-то мокрое и липкое стекает по моей ноге.

— Т-ты... ты не использовал презерватив, — не могу поверить, что я не заметила этого до сих пор. — Я не принимаю противозачаточные.

Мысль о беременности вызывает у меня тошноту. Я не могу позаботиться даже о себе. Как я могу позаботиться о другом человеке?

— Тогда тебе лучше принять таблетку экстренной контрацепции. Потому что я не собираюсь заботиться о каком-то сопляке, — непринужденно говорит Райдер, стоя перед кроватью. Он лениво поглаживает себя, наблюдая за мной. — Наклонись.

Я делаю, как он велит, и встаю на четвереньки, удивляясь тому, что он уже снова твердый. Мои мысли настолько заняты тем, что мы не использовали презерватив, что я не пугаюсь того, что будет дальше. По крайней мере, пока Райдер не устроился позади меня. Он протягивает руку между моих ног, и прикосновение к моему все еще чувствительному клитору заставляет меня вздрогнуть. Его свободная рука хватается за бедро, и он тянет меня назад. Он размазывает пальцами влагу от моей киски до самой попки. Когда его большой палец оказывается прямо над моей дырочкой, я впадаю в панику.

Сжав мое бедро, он прижимает большой палец к моему заднему входу, выписывая небольшие круги, словно массируя его. Я напрягаюсь от этого чужеродного ощущения, смущенная тем, как это чувствуется.

Как только я немного расслабляюсь, он резко отстраняется. Его рука перемещается с моего бедра, и он начинает поглаживать мои ягодицы и поясницу. Я так озадачена его внезапными нежными прикосновениями, что поворачиваю голову, чтобы взглянуть на него.

— Я передумал. Я закончил с тобой. — Райдер слезает с кровати, снова натягивает штаны и застегивает молнию. — Пойдем. Мы закончили. Тебе нужно уйти.

Потрясенная, я спрыгиваю с кровати и собираю свою одежду с пола.

— А как же деньги, которые я должна?

— Твой долг прощен. Убирайся отсюда и не возвращайся, — сурово говорит он и направляется к двери.

— Т-ты можешь это сделать? Вот так просто?

Не то чтобы я жаловалась, но, по мне, это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Уходи! — говорит он сквозь стиснутые зубы. Скрестив руки перед грудью, он сердито смотрит на меня. Теперь, когда отголоски моего оргазма прошли и его пренебрежительные слова дошли до меня, я чувствую себя использованной и отвратительной самой себе.

Не обращая внимания на липкий беспорядок между ног, я одеваюсь в рекордное время. Интересно, что я такого сделала, чтобы так его разозлить? Когда я полностью оделась, он выталкивает меня за дверь и направляет по коридору в противоположном направлении, откуда мы пришли. Он открывает другую дверь, выходящую на заднюю аллею.

— Я больше никогда не хочу видеть твое лицо, — с этими словами он в последний раз выталкивает меня за дверь и захлопывает за мной.

Из всех возможных сценариев, которые я только могла себе представить, этот не входил в их число.

Меня избьют. Я это предвидела.

Мне сломают ноги. Я рассчитывала на это.

Мне отрубят палец или ногу. Я была готова к этому.

Потеря девственности с Райдером Бриггсом и мой первый оргазм? Я не могла предположить такого и за миллион лет.

Райдер

Если бы не окровавленные простыни в качестве доказательств, то я был бы уверен, что мне просто приснилось, как я трахнул Пенни... Пенни-гребаную-Дженкинс.

Я действительно с нетерпением ожидал возможности использовать ее всю ночь и всеми возможными способами. Но те маленькие круглые шрамы от ожогов на всей ее заднице и поясице опустили мой член быстрее, чем я успел его поднять.

Покачивая головой, я натянул футболку и пошел обратно в бар. Взяв по пути пиво, я присаживаюсь рядом с Мэддоксом.

— Это было быстро, — он смотрит мимо меня. — Где она, черт возьми? За тобой в очереди стояло трое парней.

— Я отослал ее и простил долг, — я знаю, что он будет злиться из-за этого, но меня это не волнует. Он переживет.

Он швыряет свою бутылку на стол.

— Какого хрена, Райдер? Это было пять шгук!

Я пожимаю плечами.

— Зато я сорвал ее вишенку.

— И что? Это не вернет наших денег и не сделает других парней счастливыми, — он качает головой и наблюдает, как я делаю длинный глоток пива.

— Если бы ты не был моим вице-президентом, я бы кастрировал тебя прямо сейчас.

— Мне насрать на деньги. Не притворяйся, что пять тысяч — это прорва в нашем доходе. Если ты так беспокоишься об этом, вычти это из моей следующей зарплаты. Это было личным. Я отомстил, и теперь я просто хочу, чтобы она исчезла с моих глаз и находилась как можно дальше, — я смотрю на Мэддокса, моего лучшего друга и президента нашего МК.

— Не смотри на меня так. Я не могу сейчас иметь с тобой дело, — я встаю, едва не ударив парня рядом со мной только потому, что мне так хочется.

Выбегая на улицу, я на мгновение забываю, что мой мотоцикл в мастерской. Я несусь к своему грузовику, дергая дверь с такой силой, что дверная ручка рискует оторваться. Что за дерьмовый день.

Я еду по дороге, все еще пытаюсь осознать, что только что произошло. Проходит совсем немного времени, прежде чем я вижу ее, идущую по тротуару посреди ночи, с ее детским фиолетовым рюкзачком и нелепым розовым свитером. Она больше похожа на двенадцатилетнего ребенка, чем на двадцатилетнюю женщину.

Мне следует предоставить ей возможность самой добраться до дома, она это заслужила. Так же, как она заслужила то, что я трахнул ее раньше. Затем образ ее покрытой шрамами кожи цвета слоновой кости вторгается в мое сознание. После того, что она сделала со мной, я не должен испытывать к ней ничего, кроме ненависти. Но мысль о маленьких шрамах от ожогов, так похожих на мои собственные, пробуждает во мне еще одно нежелательное чувство. Закатив глаза на самого себя, я замедляю движение грузовика и опускаю окно.

— Залезай, — кричу я.

Покачивая головой, она бросает на меня мимолетный взгляд, но не замедляет шаг. Более того, она ускоряет темп.

Ускорив машину, я въезжаю на бордюр, располагаясь под углом, так что он преграждает ей путь.

— Залезай!

Она колеблется еще мгновение, но затем все-таки забирается в грузовик. Она пристегивается, пока я выезжаю на дорогу. Я улыбаюсь этой маленькой победе, мне нравится тот факт, что она явно испытывает дискомфорт и недовольство.

— Как твоя киска?

Она смотрит в окно, изо всех сил стараясь игнорировать меня.

— Сегодня вечером тебе придется хорошенько помыться между ног. Ты, наверное, не знаешь этого, но сперма засыхает очень забавно, — я чувствую себя кошкой, играющей с маленькой мышкой, и мне это очень нравится. Боже, *я ублюдок*. — Куда тебя отвезти?

— Я просто выйду здесь, — говорит она так тихо, что я почти не слышу. — Остаток пути я пройду пешком.

Я осматриваюсь. Здесь нет ничего, кроме нескольких старых промышленных зданий.

— Не будь смешной и скажи мне, где ты живешь, чтобы я мог избавиться от тебя. Рядом с нами нет ни одного жилого района. Какой-нибудь псих спустит с тебя кожу живьем и бросит в канаве. Я не хочу, чтобы копы нашли труп так близко к клубу. Так что рассказывай.

Я вот-вот потеряю терпение.

— Женский приют.

Какого. Хрена?

Женский приют? Когда я видел ее в последний раз, она была лучшей в своем классе в какой-то выдающейся частной школе, изучая алгебру на уровне колледжа. Мне было интересно, чем она занимается, занимая у нас деньги, но я не был настолько заинтересован, чтобы спрашивать. А теперь интересно.

— Почему ты живешь в женском приюте?

— Должно быть, ты действительно наслаждаешься этим.

— Больше, чем ты можешь себе представить, — искренне говорю я. — Это как Рождество, день рождения и выигрыш в лотерею, объединенные в один день.

— До этого я жила со своим парнем. Но ничего не вышло. Я бросила его, но у меня не было денег и некуда было идти.

Эта история теряет все больше смысла. Почему она не вернулась домой к родителям? И как она жила с парнем и осталась девственницей?

— Итак, давай подытожим. Ты жила с мужчиной под одной крышей, который был твоим парнем. Который, как я предполагаю, не гей, но каким-то образом ты совершенно не занималась сексом? Как?

Она вновь умолкает, отвернувшись к окну, так что я не вижу ее лица. Я пытаюсь решить представленную мне головоломку. Я бы никогда не сказал ей, но Пенни — красивая девушка. Она была красивой, когда ей было пятнадцать, но сейчас она просто горячая штучка. Парни будут чертовски злы, что я не разделил ее. Как вообще парень мог жить с ней и не трахать ее до беспамятства? Потом я вспоминаю шрамы на ее спине, и фрагменты медленно встают на свои места.

— Твой бывший не мог заставить свой член стать твердым, поэтому он избивал тебя и тушил сигареты о твою кожу, чтобы почувствовать себя настоящим мужчиной?

Ее тело слегка смещается, и со стороны пассажирского сиденья доносится негромкий всхлип. Отлично, теперь она плачет. Учитывая ее реакцию, я думаю, что не ошибся в своей

теории.

Достав свой телефон, я включаю навигатор и ищу женский приют. До него всего десять минут езды. Еще десять минут, и я навсегда уберу этот беспорядок из машины и своей жизни. Но сначала о главном. Я подъезжаю к круглосуточной аптеке и паркуюсь.

— Иди туда и купи таблетку экстренной контрацепции. Я хочу увидеть, как ты ее примешь.

Когда я трахал ее без презерватива, беременность была самой далекой вещью в моей голове. Единственное, что я слышал — *девственница*, и моему члену необходимо было оказаться внутри нее.

Она поворачивается ко мне. С жалким видом, покрасневшими глазами и залитыми слезами щеками, она сопит.

— У меня нет денег.

Конечно, я качаю головой, выхожу из грузовика и иду внутрь. Женщина на кассе уходит в подсобку и достает для меня таблетки. Я беру бутылку воды, пока жду.

— Ваша общая сумма составляет 48,59 доллара, — говорит она.

Я смотрю на маленькую упаковку, которую продавщица запикивает в пластиковый пакет.

— Пятьдесят долларов за одну таблетку? Лучше бы внутри была крошечная азиатская проститутка.

Я бросаю пятидесятидолларовую купюру и хватаю пакет, не желая ждать сдачи. Вернувшись в машину, я швыряю пакет на колени Пенни, прежде чем выехать со стоянки. Уголкем глаза я наблюдаю, как она принимает таблетку и запивает ее водой.

Видя, как двигается ее горло, когда она пьет воду, мне становится ясно, как сильно я хочу кончить ей в рот. Я даже не включаю навигатор. Вместо этого я еду по своему обычному маршруту обратно к дому.

Я не уверен, понимает ли она, что мы едем не туда, или просто боится что-либо сказать. В любом случае, она держит рот на замке, пока я не заезжаю на свою подъездную дорожку.

— Где мы находимся?

— У меня дома. Ты останешься здесь на некоторое время и отработаешь свой долг.

Ее глаза расширились, и она вцепилась в рюкзак на коленях, словно он защитит ее от меня.

— Ты сказал, что простил мой долг.

— Ну, я солгал. Ты все еще должна мне, и ты пойдешь со мной, чтобы отработать долг.

— Ты не можешь так поступать!

— Как, лгать? Ты лучше других знаешь, что лгать вполне можно, — я вижу, как она тяжело сглатывает при напоминании о том, что она сделала пять лет назад. — На самом деле, я солгал тебе сегодня в общей сложности три раза.

— В чем заключались две другие лжи?

— Тебе придется выяснить это самостоятельно.

В первый раз я солгал, когда сказал, что почти не узнал ее. Я мгновенно понял, кто она. Пожалуй, сейчас она старше и взрослее. Очков нет, и она выправила щель между двумя передними зубами, но в остальном она осталась прежней. Большие карие глаза, слишком большие для ее лица. Маленький курносый носик, который всегда напоминал мне Динь-Динь, и полные губы, которые, кажется, находятся в постоянном надутым состоянии.

Единственное, что я не узнаю в ней, это ее поведение. Раньше она никогда не упустила

возможности остроумно высказаться и во всем спорила со мной. Новая Пенни вроде как податливая, и я пока не знаю, какая из них мне нравится больше.

Во второй раз я солгал, когда сказал ей, что не буду заботиться о своем ребенке. Мне не нравится идея иметь маленького сорванца, но если бы вдруг девушка забеременела от меня, я бы позаботился о ребенке. Я вырос без родителей и не позволил бы своему ребенку расти так же, если бы мог помочь.

— Ты собираешься войти в дом, как большая девочка, или мне нужно закинуть тебя на свое плечо и занести внутрь?

Она опускает голову в знак поражения, отстегивает ремень и открывает дверь.

— Я дойду сама.

По пути к входной двери она нервно оглядывается по сторонам, словно собирается убежать. Я почти хочу, чтобы она попыталась, погоня за ней звучит забавно. Я отпираю дверь одной рукой и хватаю Пенни другой. Как только я открываю дверь, Моджо приветствует нас глубоким рыком и демонстрацией острых зубов. Пенни пытается отпрыгнуть назад, но я крепко держу ее рядом с собой.

— Успокойся, Моджо, — говорю я своему крупному ротвейлеру. Он садится, когда я ввожу ее в дом. — Хороший мальчик.

Пенни идет скованно, не сводя глаз с собаки. Отлично, она боится его. Я усаживаю ее на свой черный кожаный диван. Она выглядит нервно и не в своей тарелке.

— Присмотри за ней сейчас, слышишь меня. Не позволяй ей уйти, — приказываю я Моджо и ухмыляюсь шокированному выражению лица Пенни.

Я исчезаю в ванной, снимаю одежду и иду в душ. Включив воду на максимум, я позволяю своим мышцам расслабиться и смываю с себя запах секса и пота. После душа я насухо вытираюсь и выхожу в гостиную, не потрудившись накинуть на себя полотенце.

Пенни сидит там, где я ее оставил. Похоже, она не сдвинулась ни на дюйм. Ее глаза расширяются, когда она видит меня, и я замечаю, как она сжимает бедра вместе. Я опускаюсь на диван рядом с ней и закидываю руки на спинку дивана.

— Я хочу еще один минет.

Она смотрит на Моджо, словно ожидая его разрешения. Он просто сидит и смотрит на нее, пока она медленно встает и опускается на колени между моих ног. Она облизывает свои губы. Смотря на меня сквозь густые ресницы своих больших глаз. От ее взгляда кровь в моем теле приливает к члену в рекордные сроки.

— Дай мне свою руку.

Она протягивает мне ее без вопросов, и я снова удивляюсь тому, как изменился ее характер. Прежняя Пенни непременно дала бы мне хорошего пинка по яйцам. Я подношу ее руку ко рту, втягиваю щеки и сплевываю ей на ладонь. Она издает легкий звук отвращения, но ничего не говорит. Интересно, как далеко я смогу завести ее, прежде чем с нее хватит, и прежняя Пенни снова появится.

Я кладу ее руку на свой уже полностью эрегированный член и заставляю ее пальцы обхватить его. Я несколько раз провожу её рукой вверх-вниз, прежде чем отпустить её.

— Просто продолжай в том же духе.

Я закрываю глаза и откидываю голову назад на диван.

Ее неуверенная рука поглаживает меня некоторое время, и хотя это приятно, я не смогу кончить так. Я уже собираюсь сказать ей, чтобы она перегнулась через диван, когда чувствую ее пухлые, теплые губы на головке моего члена. Затем ее горячий, влажный язык.

Поглаживая мой член, она нежно проводит языком вверх-вниз.

Трахните. Меня.

Я опускаю взгляд на нее как раз в тот момент, когда она полностью берет меня в рот и начинает активно сосать. Ее щеки впалые, а глаза закрыты в сосредоточенности. Она толкает себя вниз, пока я не упираюсь в заднюю стенку ее горла, делая самостоятельно то, что я заставлял ее делать раньше. Она держит одну руку на основании моего члена, а другая покоится на моем бедре, как будто ей там самое место.

Проходит совсем немного времени, прежде чем я чувствую покалывание внизу позвоночника, и мои яйца плотно сжимаются. Я думаю о том, чтобы предупредить ее, что вот-вот кончу, но решаю сделать ей сюрприз. Мгновение спустя я перехожу грань. Я хватаюсь за диван, и с глубоким стоном кончаю в ее рот. *Сюрприз!*

Когда последняя волна наслаждения проходит через меня, я окидываю ее взглядом. Она держит меня во рту вплоть до последней секунды, и я вижу, как она все еще глотает, слизывая остатки моей спермы с нижней губы.

— Я не собираюсь лгать. Ты только что заработала себе несколько дополнительных очков, — я отталкиваю ее назад, пока она не садится на пятки, и встаю. Направляясь в свою спальню, я говорю ей: — Я оставлю тебя в покое до конца дня. Теперь ты можешь принять душ, и тебе разрешено спать на диване.

Пенни

Мои глаза задерживаются на его упругой заднице, когда он заходит в свою комнату и закрывает за собой дверь. Как только я подумала, что он не может быть еще большим мудаком, он говорит такие вещи, как: «Теперь ты *можешь* принять душ» и «Тебе *разрешено* спать на диване». Мудак.

Осмотревшись, я замечаю еще одну дверь в нескольких футах рядом со спальней, в которую он только что вошел. Я предполагаю, что это, должно быть, ванная комната. Схватив рюкзак, я направляюсь к ней. Я более чем рада, что адская гончая Райдера последовала за ним в спальню. Я бы не сдвинулась с дивана, если бы этот зверь находился в комнате.

Я захопываю за собой дверь и поворачиваю замок на ручке. Впервые за сегодняшний вечер я чувствую, что в мои легкие поступает достаточно кислорода.

Я чищу зубы, избавляясь от соленого послевкусия во рту.

После того, как я раздеваюсь, оставляя свою мерзкую одежду в куче на полу, я улучаю момент, чтобы осмотреть себя в большом зеркале. Даже спустя шесть недель я так и не привыкла к тому, что на моем теле нет синяков. Так долго они были частью моего повседневного отражения. Я поворачиваюсь, чтобы рассмотреть маленькие круглые шрамы на гладкой в иных отношениях коже.

Так вот почему Райдер остановился? Должно быть, он был потрясен моей изуродованной кожей. До сих пор мне не приходило в голову, что Томми сделал это специально. Вероятно, он специально оставил на мне шрамы, зная, что у парней это вызовет отвращение. Когда я думала, что наконец-то избавилась от него, он вернулся, преследуя меня вновь. Доказательства многолетнего насилия с его стороны навсегда останутся на моем теле.

Пытаясь забыть эту тревожную правду, я включаю душ и встаю под струи. Опустив взгляд между ног, я вижу, что доказательства того, что Райдер лишил меня девственности, смываются в канализацию. По моим бедрам стекает смесь запекшейся спермы с примесью крови.

Я долго стою в душе, позволяя горячей воде ласкать мою кожу, а в голове прокручивается все, что произошло за последние несколько часов. Когда я увидела Райдера, и он затащил меня в подсобку, я ожидала, что он будет делать ужасные вещи. Я думала, что он будет бить, пытаться и насиловать меня. Может быть, даже убьет меня. У него всегда был ужасный характер, и сейчас он явно находится не на той стороне закона.

Удивительно, но он не причинил мне вреда. Было бы большой ложью сказать, что я не наслаждалась сексом. Сначала это было странно, особенно потому, что это был Райдер, но как только я расслабилась, все оказалось совсем не так, как я ожидала.

Мне не понравилось делать ему первый минет, это было слишком много и слишком быстро. Хотя, очевидно, моему телу это нравилось. Одна мысль об этом заставляет мои внутренние мышцы сжиматься. Второй минет, однако, понравился мне душой и телом. Он дал мне контроль, к чему я совсем не привыкла. Он сказал, что собирается оставить меня в покое до конца дня, словно это было одолжением. По правде говоря, я хотела снова заняться сексом.

Покачав головой от этой нелепой мысли, я выхожу из душа и хватаю одиноко висящее

полотенце — оно уже влажное. Не имея другого выхода, я вытираюсь тем же полотенцем, которым вытирался Райдер. Странно, но этот факт заставляет меня осознать, насколько все это интимно. Я в его доме, голая, пользуюсь его душем, вытираюсь его же полотенцем.

Почему-то это кажется более интимным, чем сам секс. Секс был очень холодным и отстраненным. Никаких поцелуев или объятий после, только секс. Быть в его доме и пользоваться его вещами — это совсем другая история.

Я натягиваю леггинсы и безразмерную футболку из своего рюкзака и запихиваю в него свою грязную одежду.

На диване нет ни одеяла, ни подушки, а благодаря кондиционеру здесь прохладно. Я сворачиваюсь калачиком на диване. В этот момент мой желудок объявляет, что мне нужна еда. Я не ела с самого утра, и ощущение пустоты и спазмы в желудке заставляют меня с болью осознать это. Отодвинув все эти нежелательные ощущения в сторону, я зажмуриваю глаза и заставляю себя заснуть.

Я замерзну и умру от голода, прежде чем попрошу Райдера о чем-либо.

Я просыпаюсь от того, что кто-то стягивает с меня одеяло. Я мгновенно сворачиваюсь калачиком, пытаюсь удержать быстро уходящее тепло. Я хочу вернуть одеяло. Подождите. *Одеяло?* Откуда взялось одеяло?

— Проснись и пой, маленькая сова.

Я вздрагиваю при голосе Райдера. Осознание обрушивается на меня, как товарный поезд, и я открываю глаза. Они сухие, а мои контактные линзы прилипли к глазным яблокам. Я моргаю от неприятного ощущения.

Райдер стоит перед диваном, и действительно держит в руках одеяло. Стоя во весь рост, в серых трениках и черной рубашке, он смотрит на меня сверху вниз с самодовольной ухмылкой на своем раздражающе красивом лице. Прежде чем я успеваю сказать хоть слово, он бросает что-то теплое мне на грудь.

Я сажусь и смотрю на упакованный сэндвич. *Еда!* Развернув, я с жадностью начинаю есть. Теплый, ароматный сэндвич, возможно, лучший из всего, что я когда-либо ела.

— Ты всегда спишь до полудня?

Я не слишком удивлена, я давно не спала хорошо.

— Я не очень-то выспалась в женском приюте, — говорю я в перерывах между значительными укусами. На самом деле это преуменьшение, я вообще почти не спала. Из-за того, что соседка по комнате переживала ломку, спать было невозможно. Да и до этого мне редко удавалось хорошо выспаться. Постоянный страх приводит к подобным последствиям.

— Я беру Моджо на пробежку. Принес продукты. Разложи их, а потом жди меня на кровати. Голая, конечно.

Входная дверь захлопывается, и он уходит.

Я доедаю свой сэндвич, осматривая дом Райдера. Это простая однокомнатная квартира, кричащая *«здесь живет одинокий парень»*. Обстановка скудная, декораций нет. Весь дом выглядит так, словно ему нужна хорошая уборка. Посуда сложена в раковине, пустые коробки из-под хлопьев валяются на стойке.

На кухонном столе лежат коричневые бумажные пакеты, наполненные продуктами. Взяв один из них, я несу его на кухню. Первое, что я достаю, — лоза с помидорами. Фу, ненавижу помидоры. Второе, что я достаю, — арахисовое масло, на которое у меня сильная аллергия. Затем я достаю майонез, он же гной в банке. Далее... авокадо. Когда я ела его в

последний раз, у меня началась крапивница, из-за которой я попала в реанимацию.

Боже мой! Вот придурок!

Я вытряхиваю остатки из пакета. Прodelав то же самое с другими пакетами со стола, я подтверждаю свое открытие. Этот придурок купил только то, на что, как он знает, у меня аллергия или что мне не нравится. Я не уверена, должна ли я быть в ярости или впечатлена тем, что он все это помнит. Я хочу выбросить все это в окно, как большое «пошел ты». Однако, учитывая, насколько хорошо я умею делать то, что мне говорят, я, как всегда, проглатываю свою гордость и раскладываю продукты в холодильнике и шкафчике.

Когда я заканчиваю, то делаю еще одну вещь, которую он потребовал, и иду в его комнату. Вхождение в спальню Райдера пробуждает множество чувств. Я нервничаю из-за того, что он собирается сделать со мной, когда вернется. Но я также взволнована тем, что кое-что из этого мне, возможно, понравится. Я немного взволнована тем, что он сказал мне войти сюда, хотя мне никогда не разрешалось входить в его комнату, когда мы были детьми. А еще мне грустно и я чувствую себя виноватой. Грустно от того, чего он лишился пять лет назад. А виноватой потому, что это была моя ошибка.

Я раздеваюсь и ложусь на его кровать. Мне все равно, что он собирается сделать, я заслужила это. Что бы он ни задумал, я позволю ему использовать мое тело, как он хочет, и не буду сопротивляться. Это самое малое, что я могу сделать.

В ожидании, коротая время, я пропускаю его мягкие простыни между пальцами. Эта кровать удобная, отмечаю я. Подушка мягкая, а плед плюшевый. Я не помню, когда в последний раз спала на чем-то таком уютном. Кровати в женском приюте — это не что иное, как потрепанные одеяла, жесткие подушки и матрасы, похожие на простыни на пружинах.

Звук открываемой двери эхом разносится по дому, и через несколько мгновений в спальню входит Райдер.

— Хорошая девочка, — покровительственно говорит он. Сняв испачканную потом футболку, он бросает ее в корзину для белья в углу. — Если бы пять лет назад ты была хотя бы наполовину такой же покладистой, мы бы, возможно,ладили.

Нет, мы бы не ладили, думаю я про себя. Я была слишком ревнива и эгоистична, чтобы дать ему хоть малейший шанс.

— *Что значит, вы усыновляете кого-то еще?* — спрашиваю я, моя голова идет кругом. *Мои родители удочерили меня, когда мне было четыре года, и с тех пор я была их единственным ребенком. Я даже не знала, что они хотят взять кого-то еще. Почему они скрывали это от меня? Они заменяют меня? Неужели меня недостаточно?*

— *Пока что мы не усыновляем, а только берем на воспитание,* — объясняет моя мама. — *Этому мальчику очень нужен дом, и Марисса сказала, что он отлично нам подойдет.*

— *Мальчик?*

— *Да, его зовут Райдер, и он примерно того же возраста, что и ты,* — говорит мне папа. *Он улыбается мне, но я ни за что на свете не отвечаю на его улыбку. Я слишком зла, слишком напугана. Почему они так поступают со мной? Меня все устраивает. Я не хочу, чтобы что-то менялось.*

— *Я не думаю, что это хорошая идея,* — качаю я головой, — *Я не хочу, чтобы кто-то еще жил с нами.*

— *Пенни, это не тебе решать. Райдер будет жить с нами, и ты должна принять*

его, — предупреждает мой отец, его голос строг. Он почти никогда не использует этот тон по отношению ко мне.

— Ну, я не буду. Я уже ненавижу его!

И я ненавидела, ненавидела его еще до того, как познакомилась с ним. Не обращая внимания на зовущих меня родителей, я врываюсь в свою комнату, захлопываю за собой дверь и падаю на кровать.

Они мои родители и только мои.

Я сделаю все, что потребуется, чтобы избавиться от него...

— Одевайся и убирайся из моей кровати. Это была всего лишь проверка, — голос Райдера вырывает меня из воспоминаний. Его пренебрежительный тон — суровое напоминание о том, кто я для него и какова моя цель. Он избавляется от остатков одежды и исчезает в ванной.

Я встаю, снова одеваюсь и иду в гостиную, где усаживаюсь на диван.

Когда через несколько минут он снова появляется, полностью одетый, я задаю ему вопрос, который так и вертится у меня в голове.

— Как долго мне нужно здесь оставаться?

— Ну, давай посмотрим. Ты должна пять тысяч. Проститутка в этом районе берет пятьдесят баксов в час. Сегодня и вчера вместе взятые сбрасывают сотню, но я также заплатил пятьдесят за твои таблетки и принес тебе завтрак. Ты спала здесь, пользовалась моим душем, и я купил продукты. Так что, думаю, мы вернулись к пяти тысячам.

Вскочив с дивана, я чуть не упала на лицо.

— Ты не можешь... Ты не можешь так поступить. Я не просила у тебя ничего из этого.

Как только слова покидают мой рот, я жалею о них. Огрызаясь, я всегда попадаю в еще большие неприятности. Я готовлюсь к тому, что он ударит или пнет меня, но он просто начинает смеяться.

— Я могу это сделать, и я это сделаю. А теперь, если ты хочешь принять душ, сделай это сейчас.

Нуждаясь в возможности побыть одной, я киваю и спешу мимо него в ванную. Под горячим душем я привожу себя в порядок и пытаюсь собраться с мыслями. Он планирует держать меня здесь бесконечно? Я не волновалась до сих пор, потому что думала, что это временно. Я думала, он заставит меня расплатиться, а потом отправит восвояси. Но это совсем иная история. Я не выдержу так долго.

Когда я полностью вымылась, я надела вчерашнюю одежду и вернулась в гостиную. Райдер лежит на диване, на котором я спала, и играет на своем телефоне. Его собака растянулась на полу рядом с ним, не обращая на меня никакого внимания.

Набравшись смелости, я сажусь на диван рядом с ним.

— У меня есть предложение.

— Вот как? — хмыкает он.

Я высоко поднимаю голову и говорю:

— Я стою больше, чем пятьдесят долларов в час, — внутри я смеюсь. Я не думаю, что это то, о чем говорила дама на занятиях по повышению самооценки на прошлой неделе.

— Сказал кто?

— Сказала я. Я хочу пятьсот в час, — говорю я ему, сохраняя ровный и сильный голос.

— Пятьсот? Ты думаешь, что у тебя какая-то киска единорога?

— Нет, но я не думаю, что другие проститутки отдали тебе свою девственность, —

прежде чем он успеваает ответить, я продолжаю: — Так же, вместо того, чтобы брать с меня плату за пребывание здесь и еду, я готова делать для тебя другие вещи.

Я демонстративно оглядываю комнату, когда говорю:

— Например, убираться.

Он рассматривает меня с минуту.

— Вот что я тебе скажу. Я дам тебе пятьсот за вчерашний день и двести в час с этого момента.

Сдерживая свою радость, я спрашиваю:

— А как насчет остального?

— Если ты хочешь быть моей маленькой служанкой в обмен на то, что останешься здесь, тогда валяй. Мне будет приятно, если ты станешь моей личной рабыней. Может быть, я куплю тебе ошейник с поводком, — шутит он.

Мысль о том, что на моей шее будет что-то болтаться, приглушает триумф, который я испытываю от того, что заключила эту сделку. Я смогу это пережить. Видит Бог, я пережила и худшее.

Гордая собой, я встаю, чтобы прибраться на кухне. Вслед за мной поднимается Райдер.

— Меня не будет несколько часов. Не стесняйся сделать себе сэндвич с помидорами и авокадо, пока меня не будет.

Смешно.

К моему облегчению, он забирает Моджо с собой, когда выходит за дверь.

Следующие пару часов я занята уборкой дома, мытьем посуды и стиркой белья Райдера. Когда мой урчащий желудок становится невыносимым, я возвращаюсь на кухню, чтобы найти что-нибудь, что я действительно могу съесть. Не имея большого выбора, я решаю приготовить спагетти, а из свежих помидоров сделать домашний соус для макарон.

Как раз когда соус уже дошел до кипения, и я собиралась слить воду с макарон, в дверь вошел Райдер. Остановившись посреди комнаты, он оглядывает свой теперь уже чистый дом. Его взгляд блуждает по комнате и останавливается на кухонном столе, накрытом двумя тарелками и столовым серебром. Выражение его лица не поддается прочтению, и его молчание пугает меня. Томми часто становился молчаливым прямо перед тем, как вспыхнуть и превратиться в кровожадного маньяка. Я всегда знала, что это произойдет, подобно затишью перед бурей.

То, что Райдер такой тихий и неподвижный, вызывает во мне глубоко укоренившийся страх. Я была глупа, полагая, что можно готовить или что он захочет есть со мной.

— Прости! — пролепетала я, моя грудь уже тяжело вздымается от надвигающейся панической атаки.

— Что, блять, с тобой не так? — кричит он, уделяя мне все свое внимание.

О Боже, он в бешенстве. Я такая идиотка. Мои легкие перестают работать, когда приступ паники охватывает меня, подобно руке, обхватившей мое горло. Спотыкаясь, я делаю два шага назад, пока прохладный металл холодильника не касается моей спины. Закрыв глаза, я заставляю окружающий мир исчезнуть, чтобы погрузиться в темное место внутри меня, где царит онемение, и где никакая боль никогда не сможет меня достать.

Я пытаюсь втянуть драгоценный кислород, но, кажется, в легкие почти ничего не поступает. Черт, я не могу дышать. Я задыхаюсь. Мои легкие горят, паника полностью овладела моим телом.

Ледяная вода брызгает мне в лицо, возвращая меня к реальности. Я резко вдыхаю и

открываю глаза. Кожа на моем лице и груди словно покрыта тысячами маленьких иголок. Я быстро моргаю, пока вода, налипшая на ресницы, не позволяет мне снова видеть. Райдер стоит передо мной, держа в руках пустой стакан воды.

— Ух ты, этот парень действительно здорово постарался, — говорит он, прежде чем вернуться к кухонному столу и занять место перед одной из тарелок. — Ты собираешься принести мне поесть или как?

Не в силах пошевелиться, я концентрируюсь на каплях воды, стекающих по моему лицу и капающих на футболку в устойчивом ритме. Я продолжаю стоять так в течение долгого времени. Райдер больше ничего не говорит. Он просто терпеливо сидит за столом.

Когда я наконец прихожу в себя, я вытираю лицо кухонным полотенцем и достаю из духовки запеченную моцареллу.

Я заканчиваю сливать воду с макарон и перекладываю их в большую миску, которую я подготовила. Выливаю сверху соус и завершаю создание моего простого блюда. Я несую миску и моцареллу к столу и сажусь рядом с Райдером, который все еще терпеливо смотрит на меня. Я использую сервировочную ложку, чтобы наложить ему большую порцию, а себе накладываю гораздо меньшую, после чего добавляю несколько кусочков моцареллы в каждую тарелку.

— Раньше ты не любила моцареллу или что-либо с помидорами, — замечает Райдер, пока я откусываю кусочек сыра в панировке.

— Я преодолела свою привередливость в еде, — я пожимаю плечами. Мне все еще не нравится ни то, ни другое, но теперь я буду есть все. Все лучше, чем голодать.

— Почему ты не остановилась у родителей после того, как ушла от него?

— Это было бы первым местом, где он стал бы меня искать, и... — я запнулась, пытаюсь сдержать свои эмоции во время разговора. — Кроме того, я не разговаривала с ними три года.

Взглянув на Райдера, я вижу, как на его лице отражается удивление, но он больше не задает вопросов. Правда в том, что я думала об этом — о том, чтобы позвонить им, но я думаю, что разрыв между нами слишком велик. Теперь я для них лишь разочарование.

Мы заканчиваем трапезу в тишине, что меня вполне устраивает. Это даже приятно. Сидя вместе за столом и ужиная вот так, я чувствую себя нормальным человеком, а не рабом.

Райдер съедает всю щедрую порцию, которую я ему положила, и откидывается на спинку стула.

— Это было довольно вкусно. Думаю, я смогу привыкнуть к этому, — он обводит рукой комнату. — Возвращаться в чистый дом, еда готова, киска доступна для траха.

Его взгляд падает на мою все еще мокрую футболку. Ткань прилипла к моей коже, демонстрируя отсутствие лифчика. Глаза Райдера задерживаются на моих сосках, которые сейчас напряженно торчат.

Он поднимается так быстро, что его стул скользит по полу, издавая скрип.

— Спальня. Голая. Сейчас же.

Райдер

Я специально пропускаю ее вперед. Таким образом, я могу наслаждаться мягким покачиванием ее бедер и тем, как ее попка образует два упругих шарика, когда она наклоняется, чтобы спустить леггинсы с ног.

Затем она снимает футболку, оставаясь обнаженной перед моей кроватью. Она робко смотрит на меня, явно ожидая моих указаний. Мой член настолько тверд, что болит.

— Я хочу, чтобы ты легла на спину.

Она забирается на кровать, открывая мне великолепный вид на свою уже блестящую киску, а затем ложится, как я и просил. Она остается неподвижной, но наблюдает за мной как ястреб, пока я снимаю с себя одежду и залезаю на кровать, чтобы устроиться на ней сверху.

Нависая в дюймах над ее телом, я опускаю голову, захватывая один из ее сосков в рот и посасывая его. Я чувствую, как розовый пик твердеет от моего прикосновения, когда она слегка выгибает спину, прижимая свои сиськи ближе к моему лицу. Это так утонченно, что я не думаю, что она даже осознает, что делает это. Я дразню ее грудь, пока она не начинает извиваться подо мной, не в силах оставаться неподвижной, хотя я знаю, что она пытается, после чего я уделяю внимание и ее другой груди.

Уголкем глаза я замечаю, как ее рука поднимается, как будто она собирается схватить меня за плечо. На мгновение ее рука замирает в воздухе, словно Пенни пытается понять, можно ли ей ко мне прикасаться. Затем она опускает руку рядом с нами и цепляется за простыни. Я не знаю, что я почувствую, если она прикоснется ко мне. Особенно если это то, чего она хочет.

Я разрываюсь между желанием помучить ее и желанием трахнуть ее до бесчувствия. Но я хочу, чтобы мои девочки хотели меня. Я хочу чувствовать, как они кончают, пока я их трахаю. Я хочу слышать их стоны и мольбы.

Устав сосать ее сиськи, я сажусь. Хватаю ее за ноги и подтягиваю к себе, чтобы иметь возможность наблюдать за тем, как я погружаю свой член в ее теплую дырочку. Блять, она ощущается как рай. Я наблюдаю за ее лицом, слежу за каждой эмоцией. Она выглядит некомфортно, но ее киска вся мокрая. Я знаю, что она желает этого, по крайней мере, на определенном уровне, но она слишком сильно погружена в свои мысли, чтобы признаться в этом даже самой себе.

Я продолжаю трахать ее так в течение нескольких минут, погружаясь в нее медленными, но глубокими толчками. Жду, когда она расслабится, издаст стон или задохнется от потребности, но она просто лежит с закрытыми глазами. Ее тело напряжено, словно она борется сама с собой, стараясь не двигаться и не издавать ни звука.

Она была такой вчера, когда я ел ее, но как только я начал трахать ее, она вынырнула из этого состояния. Я знаю, что она кончила. Я чувствовал, как ее киска сжимает мой член, и слышал стоны, вырывающиеся из ее рта. Интересно, что изменилось теперь, потому что мне это не нравится. Это как трахать бревно.

— Скажи мне, как ты хочешь, чтобы я тебя трахал, — требую я.

Она не открывает глаза и не отвечает, но я вижу, как двигается ее горло, словно она тяжело сглатывает. Я хватаю ее за бедра и сильно врезаюсь в нее.

— Скажи мне! — повторяю я, и ее глаза распахиваются.

— Я не знаю... Я не понимаю, о чем ты, — она смотрит на меня, сбитая с толку. — Все в порядке. Я не хочу, чтобы ты... ну, знаешь... засунул его мне в задницу.

Не удержавшись, я ухмыляюсь, как мудака, которым я и являюсь.

— Я думаю, тебе бы понравилось, — она еще больше напрягается от моих слов, поэтому я успокаиваю ее. — Ладно, никакого анала. Так что, блять, расслабься.

Она немного расслабляется, но не так сильно, как мне хотелось бы. Возможно, дело в позиции. Я вновь опускаюсь вниз, так что оказываюсь на ней сверху, положив голову рядом с ее головой на подушку. Почти сразу я чувствую, как ее тело поддается. Ее напряженные мышцы расслабляются, а бедра раздвигаются еще на несколько дюймов. *Ах, так лучше.*

Я снова захожу в нее до упора, достигая конца ее киски. Она ощущается так хорошо; я не могу сдерживаться. Просунув руку под ее спину, я удерживаю ее на месте, пока резко захожу в нее, теряя себя в ее глубинах.

Как и в прошлый раз, когда я трахал ее в таком положении, она поддается и перестает думать об этом. Ее маленькие ручки цепляются за мои руки, а ноги обхватывают меня, пытаясь подтянуть к себе. Она тихо стонет подо мной, когда я чувствую, как ее внутренние мышцы сжимаются вокруг моего члена. Ее ногти впиваются в мою кожу, а все ее тело напрягается, заставляя меня переступить через край вместе с ней. Я утыкаюсь лицом в ее шею и вдыхаю, пока кончаю глубоко внутри нее.

Большая часть моего веса лежит на ней, пока я пытаюсь восстановить контроль над своим дыханием. Похоже, она довольна тем, что я нахожусь на ней, так как ее руки все еще покоятся на моих руках, хотя хватка ослабла.

Когда кровь отходит от моего члена в мозг, я поднимаюсь. Как только я выхожу из нее, я понимаю, что снова не использовал презерватив. *Черт.*

Заметив мое выражение лица, она говорит:

— Думаю, я в порядке, так как приняла таблетку всего несколько часов назад, но мы не можем продолжать в том же духе.

Я киваю головой в знак согласия, но мой член уже протестует. Она ощущается так хорошо без презерватива, и мысль о том, что я единственный, кто был внутри нее, сильно возбуждает. Она встает и проходит мимо меня в ванную. Натянув свои треники и футболку, я веду Моджо на прогулку.

Когда я возвращаюсь, Пенни прибирается на кухне, моет посуду и убирает остатки еды. Чувствуя себя великодушным сегодня, я беру дополнительную подушку из шкафа и оставляю ее на диване. Одеяло, которым я укрывал ее сегодня утром, аккуратно сложено на подлокотнике.

Два добрых дела за один день, я просто святой.

— Завтра меня не будет весь день. Мне нужно, чтобы ты выпускала Моджо каждые несколько часов.

Она роняет тарелку в раковину, забрызгивая водой себя и столешницу.

— Собаку?

— Нет, семифутовую альпаку, — отвечаю я. — Конечно, собаку. Тебе не нужно его выгуливать, просто открой заднюю дверь. Он сделает свои дела и тут же вернется обратно.

— Хорошо, — неуверенно произносит она.

Я чуть было не говорю ей, что собираюсь уйти чертовски рано утром и что сейчас я иду спать, но потом вспоминаю, что не обязан ей ничего объяснять. С Моджо на хвосте, я

направляюсь в свою спальню и падаю на кровать.

Когда я просыпаюсь, на улице еще совсем темно. Я одеваюсь, выпускаю Моджо и кормлю его. Пенни, укутанная в свое одеяло, как буррито, даже не шевелится на диване. Ее губы слегка приоткрыты, а лицо расслаблено, отчего она выглядит на несколько лет моложе.

Сейчас она больше похожа на ту девушку, которую я знал раньше, на ту Пенни, которая относилась ко мне так, словно я был не более чем раздражителем.

Постучав по дверному косяку, я делаю шаг в ее комнату.

— Я не говорила, что ты можешь войти, — насмехается Пенни.

— Дверь была открыта, — язвлю я, а она закатывает глаза.

— Что тебе нужно, Райдер? — спрашивает она с вечным снисходительным тоном в голосе.

— Нет ли у тебя лишнего карандаша или точилки, которыми я могу воспользоваться?

Она водружает очки на нос и вздергивает подбородок.

— Нет, у меня нет.

— Вот там несколько штук, — я указываю на ее стол, на котором стоит целый стаканчик с наточенными карандашами.

— Я не говорила, что у меня их нет. Ты спросил, есть ли у меня карандаши, которыми ты можешь воспользоваться... а у меня их нет. Я не хочу, чтобы ты пользовался моими вещами. Достаточно того, что мне приходится делить с тобой этот дом. Кроме того, в школе, куда ты ходишь, кто-нибудь вообще проверяет домашние задания?

Не обращая внимания на ее язвительный комментарий, я подхожу к ее столу и беру один из карандашей.

— Эй! — она пытается помешать мне выйти из комнаты, но я просто продолжаю идти. — Я заставлю тебя пожалеть, что ты вообще появился здесь! Я ненавижу тебя! — усмехается она и толкает меня в спину. Думаю, она решила, что раз уж она не может меня остановить, то может помочь мне двигаться быстрее.

— Спасибо, маленькая сова.

Покачивая головой, я возвращаюсь в свою комнату. Она раздражает меня, но я с удовольствием буду терпеть ее истерики, лишь бы остаться здесь. Это первая приемная семья, которая мне действительно понравилась. Впервые я чувствую себя в безопасности. Я сделаю все, чтобы стать частью этой семьи, даже если для этого придется терпеть крики Пенни.

Тогда я еще не подозревал, что она преуспеет в стремлении избавиться от меня.

В памяти всплывает воспоминание о другой жизни, но оно по-прежнему вызывает знакомые чувства ненависти и разочарования, хотя сейчас эти эмоции притуплены.

Изначально я забрал ее ради мести, я хотел увидеть ее страдания. Хотя я все еще хочу заставить ее заплатить более чем одним способом, мне действительно нравится, что она здесь. Эта мысль беспокоит меня, но я не могу избавиться от этого чувства. Иметь киску под рукой двадцать четыре часа в сутки — потрясающе. Возможность делать с ней все, что я хочу, и знать, что я единственный, кого она когда-либо имела внутри себя, — это глазурь на торте. Сейчас она гораздо более терпима, чем пять лет назад. Может быть, я отправлю ее бывшему корзинку фруктов.

Для меня это неплохая сделка. Мой дом выглядит хорошо, ужин был превосходным, а секс, ну, самый лучший, который у меня когда-либо был... а у меня его было много. На

задворках сознания я уже думаю о том, какую ложь я смогу сочинить, чтобы удержать ее здесь подольше.

Я веду грузовик в клуб, где меня уже ждут Шон и Такер. Дорога до места встречи занимает два часа, и я не слишком радуюсь тому, что мне придется провести четыре часа в этом фургоне футбольной мамы. Однако Мэддокс прав: это самый неприметный автомобиль, который мы смогли найти. Оружие уже упаковано в багажнике, и как только я добрался туда, мы загрузились в машину и тронулись в путь. Я хочу покончить с этим и вернуться домой. Честно говоря, я не хотел ехать сегодня, но я не могу позволить этим двум болванам поехать одним и все испортить.

— Мэддокс был очень зол на тебя той ночью. Что ты сделал? — спрашивает Такер.

— Я отпустил ту девушку, которая задолжала нам деньги, — отвечаю я, надеясь, что на этом его вопросы закончатся. Конечно, они не заканчиваются.

— Это была отличная задница, я бы не отказался позволить ей отработать деньги. Почему ты отпустил ее так быстро? Мог бы хотя бы разок пустить ее по кругу.

Мои коренные зубы скрежетнули от его слов.

— Во-первых, я делаю то, что, блять, хочу. Во-вторых, она отрабатывает свой долг... со мной.

— Так, погоди, ты не отпустил ее?

— Отпустил, но потом подобрал ее на обочине дороги, когда уехал. Я отвез ее домой, трахнул еще раз и решил, что она достаточно приличная шлюха, чтобы держать ее рядом. Я прощаю ей двести баксов за каждый день игры в мою маленькую секс-рабыню, пока она не выплатит пять тысяч.

— Откуда ты знаешь, что она не исчезнет до того, как расплатится?

— Я держу ее у себя. Ей больше некуда идти. К тому же, Моджо следит за ней.

Они оба разразились смехом.

— У тебя есть домашняя шлюха? — спрашивает Шон, и мне в который раз не приятно слышать, что он так ее называет.

Проглотив это чувство, я отвечаю, прикрывая свое раздражение игривым тоном:

— В общем-то, да. Не буду врать, это чертовски потрясающе. Секс, как и когда захочешь.

— Черт, мне нужна такая же, — восклицает Такер, и когда я смотрю на него, то вижу блеск в его глазах. Он думает обо всех вещах, которые могли бы сойти ему с рук, имея в своем распоряжении такую девушку. Мысль о полном контроле над другим человеком заставляет его мрачно усмехаться. Только одна мысль проносится у меня в голове, пока я наблюдаю за ним.

Ты не получишь Пенни. Она моя.

Пенни

Я просыпаюсь со странным ощущением, будто за мной кто-то наблюдает. Я открываю глаза, и мое сердце замирает, прежде чем вновь начать работать в неестественном ритме. На расстоянии трех дюймов от моего лица сидит и смотрит на меня мокроногая демоническая собака с острыми зубами и карими глазами, похожими на человеческие.

Медленно поднимаясь, я не свожу глаз с черно-коричневой собаки, у которой слишком большая голова на плечах. Мое лицо искажается в неловкой улыбке, как будто я могу как-то очаровать собаку своими неубедительными попытками флирта. Покачивая головой, я медленно встаю и осматриваю дом. Дверь в спальню открыта, но я больше никого не вижу и не слышу. Райдер, должно быть, уже ушел. Я подхожу к задней двери, плотно обернув одеяло вокруг себя, и выпускаю Моджо.

Как и сказал Райдер, он снова у двери и готов войти через несколько минут. Он лениво входит и садится напротив меня.

— Думаю, сегодня только мы вдвоем.

Я съедаю немного хлопьев, прежде чем запрыгнуть в душ и одеться. После того, как я закончила стирку оставшегося белья Райдера, я занялась реорганизацией шкафов на кухне.

Проверив время, я понимаю, что уже полдень. Я снова выпускаю Моджо на улицу, прежде чем сделать сэндвич с индейкой. Я разрезаю его пополам и сажусь есть. Как раз когда я откусываю первый кусочек, я вижу, что Моджо сидит рядом со мной и выжидательно смотрит вверх. Я медленно опускаю сэндвич и предлагаю ему. Он выхватывает его у меня из рук, к счастью, не прихватив палец, и садится рядом со мной. Может быть, мы теперь друзья.

К тому времени, когда я заканчиваю есть, меня охватывает беспокойство. Мне нечем заняться. Я одна, и мне нечем занять свои мысли. Этого не может быть. Если я перестану двигаться, у меня не останется ничего, кроме времени на размышления. Размышлений о том, через что я прошла и через что прохожу сейчас. Думать обо всех ошибках, которые я совершила, обо всем, что я потеряла, и обо всех трудностях, которые ждут меня в будущем.

В отчаянии я брожу по гостиной. Все чисто, все белье сложено. Мне нужно чем-то заняться. Я смотрю на шкаф в гостиной и подхожу к нему. В мгновение ока я вытряхиваю все содержимое полки одним движением руки.

Моджо смотрит на меня, наклонив голову набок, словно пытаюсь понять меня. Я убираю беспорядок, который только что устроила, не торопясь, чтобы это продолжалось как можно дольше. Последняя вещь на полу — какая-то старая книга с таким старым переплетом, что я не могу разобрать название. Я беру книгу и открываю первую страницу. Там есть графа: *«Эта книга принадлежит»*, а под ней написано: *«Райдеру»*. Очевидно, что писал маленький ребенок, так как надпись сделана неровными печатными буквами. Внизу той же страницы написано: *«Моему милому мальчику, с любовью, бабушка»*.

Мое сердце сжимается в груди. Я знаю, что Райдер жил у бабушки, когда был младше. Когда она умерла, он попал в приемную семью. Когда мне было пятнадцать, я была настолько эгоистичной и самовлюбленной, что мне даже в голову не приходило, через что пришлось пройти Райдеру. Мне повезло, что мои родители удочерили меня, когда я была совсем маленькой. Они были прекрасными родителями для меня, и они были хорошими приемными родителями для Райдера — пока я все не испортила.

Я переворачиваю следующую страницу, на которой есть заголовок: «Приключения Питера Пэна». Я закрываю книгу с тяжелым сердцем, вспоминая всю боль, которую я причинила Райдеру и моей семье.

— Пенни, иди посиди с нами, — зовет кто-то, и я быстрее прохожу мимо группы парней, тусующихся перед местной заправкой. Я видела этих ребят раньше, они ходят в государственную школу вместе с Райдером, и мама не раз говорила мне держаться от них подальше. Плохое влияние, говорила она.

Обычно я даже не хожу домой этим путем, но другой путь, более безопасный, — гораздо длиннее, к тому же сегодня идет дождь. Моя одежда уже промокла, а пальцы ног, кажется, вот-вот отмерзнут.

Из-за сильного дождя я не слышу, когда один из этих парней подходит ко мне сзади. Он хватается меня за руку и резко разворачивает к себе.

— Я с тобой разговариваю.

Дрожащими пальцами я поправляю тяжелые очки на носу.

— Мне нужно домой, — говорю я кротко.

— Не будь такой, посиди с нами, — его глаза блуждают по моему телу, задерживаясь там, где свитер облегает мою грудь, и я чувствую, как пылают мои щеки. Я не привыкла к такому вниманию, и, что еще хуже, парень передо мной действительно симпатичный.

— Мне нужно домой, — робко повторяю я, пытаюсь сделать шаг назад, но он крепче сжимает мою руку и притягивает меня ближе к себе. Настолько близко, что я чувствую запах алкоголя в его дыхании.

— И мне нужно, чтобы ты посидела со мной, — он ухмыляется, не двигаясь с места, и только в этот момент во мне просыпается настоящий страх.

— Отпусти ее, Келлер, — зовет знакомый голос, и я поворачиваю голову, чтобы увидеть Райдера, шагающего к нам, словно он на военном задании. Парень, который, как я предполагаю, является его другом, отпускает меня, толкнув, и мои плечи опускаются в облегчении.

Мгновение спустя Райдер оказывается рядом со мной, заменяя руку своего друга своей. Ухватившись за мою руку, он тащит меня прочь от заправки и вниз по улице.

— Я не нуждалась в твоей помощи. Со мной все было в порядке, — говорю я себе под нос, когда мы направляемся к нашему общему дому.

— Не похоже, что ты была в порядке, — рычит Райдер, как раз перед тем, как кто-то пихает его сзади. Райдер отпускает мою руку и резко разворачивается. Я спотыкаюсь и беспомощно смотрю, как двое из парней бьют Райдера по лицу.

Все происходит так быстро, что я с трудом успеваю за всеми. В одну минуту мы идем, в следующую на Райдера нападают, а затем Райдер сбивает одного из них с ног, резко припечатывая его тело к земле. Голова парня отскакивает от земли, как баскетбольный мяч, и его глаза закатываются, прежде чем он теряет сознание.

Другой парень, Келлер, как назвал его Райдер, продолжает наносить удары. Райдер уклоняется от большинства из них, пока не ловит один из летящих кулаков и выкручивает Келлеру руку. Он стонет, его лицо превращается в маску агонии, и он падает на колени.

Райдер использует эту возможность и начинает бить Келлера кулаком по лицу снова и снова, пока его лицо не становится неузнаваемым. Пока Келлер не теряет сознание, а с костяшек пальцев Райдера не капает чужая кровь. Пока полицейские сирены не приблизятся к месту происшествия, а жизнь, которую я знала, не заканчивается.

Когда я ставлю книгу обратно на полку, и последний образ этого далекого воспоминания покидает мое сознание, мои руки дрожат и не слушаются. Почему я не могла просто рассказать правду о том, что произошло в тот день? Все, что мне нужно было сделать, это сказать правду.

Что-то выскальзывает из-под страниц в тот момент, когда я кладу книгу на прежнее место. Я смотрю, как фотография падает на пол, словно лист, упавший с дерева в осеннюю пору. Подбрав снимок, я держу его дрожащими пальцами. Четыре знакомых лица смотрят на меня: Райдер, я и мои родители.

Боль в груди мгновенно становится слишком сильной. Не в силах смотреть на нее, я поспешно убираю фотографию обратно и возвращаю книгу на прежнее место. Пытаясь отогнать все эти ненужные воспоминания, я оглядываю дом в поисках другого занятия.

Все начинается с единственной слезинки и заканчивается тем, что мое зрение затуманивается, а голова пульсирует от боли. Мне так хорошо удавалось держать все в себе. Я проливали слезы то тут, то там, но никогда так, как сейчас.

Когда здесь никого нет и нечем заняться, я не могу сдержать поток эмоций. Я лежу на полу в позе эмбриона и плачу так сильно, что все мое тело дрожит. Горе и отчаяние накатывают на меня волна за волной, и я чувствую, что тону, не в силах удержать голову над водой.

Большой влажный язык проводит по моему лицу, оставляя на коже слюни и собачье дыхание. Приоткрыв глаза, я обнаруживаю Моджо в нескольких сантиметрах от моего лица. Я всхлипываю, так как дрожь все еще сотрясает мое тело. Моджо издает тихий скулеж и ложится рядом со мной. Я кладу руку ему на спину, позволяя пальцам скользить по его мягкому меху. Он придвигается ближе ко мне, пока его большое, пушистое тело не оказывается полностью прижатым к моему.

Обняв его и зарывшись лицом в его густую шерсть, я понимаю, что перестала плакать. Мое тело расслабляется, а разум успокаивается. Я уже почти погрузилась в сон, когда услышала, как открывается и закрывается входная дверь. Не в силах пошевелиться, я прижимаюсь к Моджо. К счастью, он, похоже, тоже не хочет вставать.

— Предатель! — голос Райдера разносится по комнате.

Я поднимаю голову и вижу, что он стоит перед нами, качая головой на Моджо. Видимо, не обращая внимания на мои стенания на полу, он говорит:

— Ты выглядишь как дерьмо.

Я и чувствую себя как дерьмо.

Я ненавижу, что Райдер является свидетелем этого. Я нахожусь в самой низкой точке своей жизни, а он сидит в первом ряду и наблюдает за главным событием. Конечно, я — творец всего этого. Я никогда не смогу забыть об этом. Я заварила кашу, я и расхлебываю. Я не могу злиться на него за то, что он наслаждается этим.

Все еще глядя на нас сверху вниз, он приказывает:

— Вставай.

О Боже, я не хочу заниматься сексом прямо сейчас. Я просто хочу заползти в нору и никогда оттуда не вылезать. Несмотря на боль в теле и хаос в голове, я встаю, как он хочет. Мои движения отрывистые и медленные, но Райдер не жалуется, что я двигаюсь с низкой скоростью.

— Пойдем, купим настоящих продуктов, — говорит он, и я вздыхаю с облегчением.

К тому времени, как мы добираемся до продуктового магазина, мое лицо снова

выглядит почти нормально. Глаза все еще красные и слегка опухшие, но, по крайней мере, я не выгляжу так, будто только что провела десять раундов на боксерском ринге. Я и раньше так выглядела, и это не было красиво.

Ходить по проходам продуктового магазина в маленьком городке рядом с Райдером — все равно что ходить рядом с гигантским рекламным щитом, говорящим: *«Посмотрите сюда»*. Он высокий, мускулистый и всегда одет в черное. Татуировки покрывают не только его руки, но и кисти, и шею. В целом, он похож на преступника, плохого парня, который, не задумываясь, уничтожит все вокруг себя. Никто не знает, что я такая же. Может быть, я даже хуже него.

Райдер заставляет меня толкать тележку, пока он на ходу бросает туда случайные товары.

— Ты знаешь, я взял тебя с собой, чтобы ты могла выбрать кое-какие продукты.

— О, — на самом деле мне было интересно, почему он заставил меня пойти с ним. — Ты хочешь, чтобы я выбрала, что приготовить для нас обоих?

Я не хочу предполагать, что он хочет есть мою еду. Вчерашний совместный ужин был приятен для меня, но я понятия не имею, чувствует ли Райдер то же самое. Может быть, ему не нравится моя еда.

— Если все, что ты готовишь, по вкусу похоже на то, что ты приготовила вчера вечером, тогда да, готовь.

Кивнув, скорее себе, чем ему, я положила продукты в тележку. Когда мы подходим к кассе, Райдер прислоняется к стойке с журналами и смотрит, как я выгружаю все из тележки. Кассир — молодая девушка с фиолетовыми волосами и пирсингом в нижней губе. Она сканирует и упаковывает продукты на ленте, пока я складываю их обратно в тележку.

— С вас 128,73 доллара, — объявляет она, выжидательно глядя на меня. Я смотрю на Райдера, который все еще стоит на том же месте и выглядит крайне позабавленным.

Кассир поднимает на меня глаза.

— Мэм?

Я смотрю на Райдера.

— Райдер?

Он ухмыляется.

— Да?

Ух, он действительно это делает.

Я хочу кричать так громко и долго, как только позволят мои легкие. Я хочу броситься на пол, брыкаться и кричать, как двухлетний ребенок во время истерики. Именно так я чувствую себя внутри. Однако снаружи я натягиваю на лицо свою обычную каменную маску и спрашиваю самым вежливым тоном, на который только способна:

— Райдер, не мог бы ты заплатить?

Кассир, очевидно, очень смущенная нашей небольшой беседой, отводит взгляд, словно пытаюсь нас проигнорировать.

Спустя, казалось бы, вечность, он подходит и протягивает свою карточку. Прежде чем ввести пин-код, он снова смотрит на меня.

— Что скажешь?

Пожалуйста, кто-нибудь, убейте меня сейчас.

— Спасибо, — говорю я. Каким-то образом я делаю это, не крича ему в лицо. Он вводит свой четырехзначный код и ждет, пока бедная девушка за кассой вручит ему чек.

Он садится на водительское сиденье, как только отпирает грузовик, оставляя меня загружать продукты и возвращать тележку. Когда я сажусь в машину, не забыв пристегнуться, он хмыкает.

— Это было весело.

Ага... очень весело.

Райдер

Спустя несколько дней мы входим в некое подобие рутины. Пенни остается в доме, даже никогда не просясь выйти. Она убирает, стирает, готовит ужин к моему приходу. Когда я прошу о сексе, она, кажется, с готовностью соглашается.

Я уже потерял счет тому, сколько раз мы занимались сексом и сколько денег она отработала. Надеюсь, она по-прежнему должна много денег. Я не хочу, чтобы она уходила.

Отбросив эти мысли, я сосредоточился на сегодняшнем дне и на том, что сегодня я получу свой мотоцикл обратно.

Прошло две долгих недели в ожидании починки моего байка. Поэтому, когда Мэддокс говорит мне, что заедет за мной, чтобы забрать его, я чувствую себя маленьким ребенком в рождественское утро.

— Я скоро вернусь, — говорю я Пенни и выхожу за дверь как раз в тот момент, когда Мэддокс подъезжает на своем внедорожнике. Странно видеть его не на его Харлее, но я рад, что он приехал на машине, потому что я ни за что на свете не поехал бы с ним на одном мотоцикле.

Как только я сажусь в машину, я чувствую, что что-то не так. Мэддокс еще более угрюм, нежели его обычная задумчивость. Его хмурый взгляд стал более заметным, блеск в глазах немного нездоровый, а хватка на руле слишком крепкая.

— Что, черт возьми, с тобой не так? — спрашиваю я, спустя несколько минут езды.

— Я думаю, кто-то ворует деньги, — проговорил он. — Показатели низкие, хотя дела идут по-старому. Кто-то нас наебывает, и я не думаю, что это один из тех, с кем мы имеем дело.

— Что ты хочешь сказать? Что это делает один из наших собственных парней?

— Я не знаю, Райдер, но я собираюсь это выяснить, и я надеюсь, что ты меня в этом прикроешь.

Я почти фыркнул.

— Это вообще вопрос? Ты знаешь, что я тебя прикрою. Всегда.

Я не могу поверить, что он вообще спрашивает. Мы с Мэддоксом были лучшими друзьями на протяжении многих лет. Я готов на все ради него, и я доверяю ему свою жизнь.

— Я знаю, но это совсем другое. Нам никогда не приходилось заниматься нашими. Возможно, нам придется убить одного из наших братьев, и хотя все знают правила, кто-то может с ними не согласиться. Как минимум, они будут возмущены тем, что мы это сделали, а это влечет за собой целый ряд других проблем.

— Тогда мы разберемся и с ними. Мы убьем того, кого нужно убить. Как ты сказал, все знают правила. Знают, что будет, если украдешь из клуба. Мне плевать, кто будет переживать из-за убийства одного из наших, если он нарушил закон клуба. Кроме того, ты — президент. Ты принимаешь решения, и я буду рядом с тобой, что бы ни случилось.

— Я догадывался, что ты скажешь что-то подобное, но мне нужно было убедиться, прежде чем проводить расследование. Мы выясним, кто набивает карманы, а затемотрежем ему яйца.

— Вот это разговор, — усмехаюсь я. Мое наслаждение насилием всегда было необычным. Оно приводило меня в беду больше раз, чем я могу сосчитать. Вот почему я

вице-президент МК, а не обычная канцелярская крыса.

* * *

По возвращении в дом меня встречает множество ароматных запахов. Она приготовила что-то вроде курицы с соусом из трав и лимона. Я не знаю названия блюда, но меня это не волнует. Знаю только, что это вкусно.

— Как ты научилась готовить? — я помню, что готовка не была лучшим атрибутом ее мамы, так что она, должно быть, научилась этому где-то еще. На мой вопрос ее лицо скривилось, словно воспоминание вызвало боль.

Это становится все менее забавным и все более депрессивным. Мне нравится наблюдать за ее болью, но только когда причиной боли являюсь я. Кроме того, я не хочу, чтобы она была настолько сломлена, чтобы совсем не сопротивлялась. Я хочу от нее какой-то реакции, кроме слез. Я все жду, когда она сорвется. Разозлится настолько, что ответит мне остроумным замечанием или хорошим оскорблением. Я был уверен, что она сломается в продуктовом магазине, но, по-моему, мы даже не пустили трещину в ее стене.

Я хотел, чтобы она разозлилась и накричала на меня. Но вместо этого она сделала именно то, что я ей сказал. Она не просто проглотила свою гордость; где-то на протяжении последних пяти лет она пережевала ее и выплюнула.

В какой-то момент мне кажется, что она вообще не ответит, но потом она говорит:

— Все свое время я проводила в нашем доме. Он не хотел, чтобы я куда-то ходила, поэтому я заказала кучу кулинарных книг и научилась готовить, — ее голос ровный и монотонный, как будто она перечисляет список покупок, а не говорит о воспоминаниях.

Это уже начинает надоедать. Это не весело, когда она так несчастна. Мне нужно починить ее, чтобы потом снова сломать.

После ужина я наблюдаю, как она прибирается на кухне, прежде чем сказать ей следовать за мной в спальню. Похоже, секс — это то место, где она забывает о нем. Лишь в эти минуты я вижу, как она отпускает себя и немного расслабляется.

Я снимаю одежду и ложусь на кровать. Она стоит обнаженная у изножья моей кровати и ждет указаний.

— Сядь на мое лицо.

— Что? — спрашивает она, словно не расслышав меня.

— Сядь на мое лицо, — повторяю я чуть медленнее и протягиваю руку. Она принимает ее, и я тяну ее на себя, направляя ее кистку к моему рту. Она сладкая и мягкая на моем языке.

Как и в прошлый раз, когда я ел ее, сперва она была скованной. Я позволяю своим рукам бродить по ее бедрам и чувствую, как ее тело смягчается и становится более нуждающимся. Опираясь руками о стену надо мной, она старается удержаться. Она не смотрит на меня, но я внимательно наблюдаю за ней. Ее лицо покраснелось, глаза закрыты, а рот приоткрыт. Она тяжело дышит и тихо стонет, но я не думаю, что она близка к тому, чтобы кончить. По какой-то причине она не может вот так просто освободиться.

Я пытаюсь понять, то ли она не хочет отпустить, то ли не знает как. Я продолжаю посасывать ее клитор, позволяя языку скользить по нему, прежде чем погрузить его внутрь нее. Я чувствую вкус ее возбуждения, чувствую, как дрожат ее бедра, но когда я поднимаю взгляд, ее глаза закрыты, а челюсть сжата, словно она скрежещет зубами. Что, блять, с ней не так? Почему она не может кончить вот так?

Смирившись, я сталкиваю ее со своего лица и переворачиваю, чтобы трахнуть ее раком. Я вхожу в нее сзади одним быстрым рывком, заставляя ее задыхаться. В течение минуты я

двигаясь медленно, наслаждаясь тем, какая она тугая в этой позиции. Ее тело все еще жесткое, и кажется, что ее тонкие руки вот-вот рухнут под собственным весом. Мне нужно больше кормить ее. Она слишком худая. Она даже не может удержать вес собственного тела в таком положении.

Я провожу рукой по ее позвоночнику, что вызывает у нее дрожь. Когда моя рука оказывается между ее лопатками, я толкаю ее вниз. Она со вздохом опускает верхнюю часть тела на матрас. Я вижу, как расслабляются ее плечи, и чувствую, как смягчается ее тело. Теперь, когда она расслабилась, я могу вернуться к получению удовольствия.

Ухватившись обеими руками за ее бедра, я начинаю трахать ее в полную силу. Я вхожу в нее снова и снова, пока не чувствую, как напрягаются мои яйца, готовые вот-вот излиться. Ее тело подается вперед с каждым толчком. В пылу момента я отвожу руку назад и шлепаю ее по заднице ладонью. В одну секунду я нахожусь глубоко в ее тугой киске. В следующую секунду она уже на другой стороне кровати, прижимается к изголовью.

— Не делай так, — хнычет она и добавляет тише: — Пожалуйста.

Я должен был знать, что ей это не понравится. Но, честно говоря, я не думал, когда делал это. Шлепки меня не очень-то возбуждают. Я занимался этим в прошлом, поскольку девушки хотели этого. Похоже, большинству девчонок это нравится, но я не вижу в этом ничего привлекательного.

— Вернись сюда. Мой член замерзает, — хмуро говорю ей.

— Я-я позволю тебе делать все, что ты захочешь, но ты не можешь бить меня.

— *Бить* тебя? — я не могу не закатить глаза. — Не будь смешной. Я не *бил* тебя. Я шлепнул тебя по заднице. Это большая разница. Поверь мне, если бы я тебя ударил, ты бы об этом знала.

От ее обвинения у меня закипает кровь. Взрослые мужики сваливают с дороги, когда видят, что я приближаюсь. Мне не нужно бить женщину, чтобы почувствовать себя сильнее других. Я, блять, знаю, что я сильнее всех остальных.

— Я не позволю тебе ударить меня, — повторяет она, ее голос дрожит, и я знаю, что она снова на грани слез.

Я не собирался продолжать шлепать ее по заднице, но ее выбор слов привлек мое внимание.

— Ты не *позволишь* мне? — я ухмыляюсь. — И как ты собираешься помешать мне делать с тобой все, что я захочу?

— Я буду... я буду бороться с тобой, — ее голос тихий и дрожащий, хотя я могу сказать, что она изо всех сил старается сохранить его сильным и ровным.

— Может быть, мне понравится, как ты будешь бороться со мной, — я придвигаюсь ближе к ней, и она в ответ прижимается к изголовью кровати.

— Я не останусь здесь. Я уйду.

Я придвигаюсь еще ближе, и она закрывает глаза, как будто это заставит меня исчезнуть. Когда я оказываюсь в дюйме от ее лица, я шепчу:

— Тогда я запру тебя здесь, прикую наручниками к кровати, чтобы я мог использовать тебя, когда захочу. Может быть, в этот раз я отшлепаю тебя по-настоящему.

Ее глаза расширяются, встречаясь с моими с чистым ужасом, и я понимаю, что зашел слишком далеко. Дерьмо, так я до нее не доберусь. Так я только еще сильнее ее запугаю. Я выпрямляюсь, оставляя между нами некоторое пространство.

— Убирайся, — рычу я. Ее глаза расширяются, а затем она медленно слезает с кровати,

не сводя с меня взгляда, словно ожидая, что я наброшусь на нее, как дикий зверь. Я рассматриваю ее небольшую фигуру, пока она двигается. Она такая маленькая и худенькая, ее конечности стройные, а кожа бледная. На мой взгляд, она выглядит хрупкой, как стеклянная статуэтка, которая разобьется на тысячу осколков, если ее уронить.

— Спи на диване и даже не думай уходить. Я найду тебя, куда бы ты ни пошла, а потом запрю по-настоящему, поняла?

— Поняла, — пробормотала она, прежде чем выйти из комнаты.

Ну, это отстой. Теперь мне придется драть в одиночку.

Пенни

Когда я возвращаюсь в гостиную, в груди у меня все еще гулко колотится сердце. Только вернувшись к дивану, я замечаю, что даже не забрала свою одежду. Я стою в комнате совершенно голая. Дрожь пробегает по всему телу, пока я пытаюсь сообразить, что мне делать. Мне просто лечь спать на диване, как он сказал, или успокоиться и вернуться туда?

Часть меня знает, что на самом деле он меня не бил. Возможно, я неопытна в постели, но даже я знаю, что шлепки во время секса — обычное дело. Тем не менее, это было слишком для меня. Слишком близко к той боли, которую я испытывала ежедневно. Мне потребовалось так много, чтобы уйти от боли. Я никогда не позволю этому случиться вновь.

В итоге я ложусь на диван, укрываясь одеялом, которое дал мне Райдер. Я закрываю глаза и пытаюсь заснуть, но не могу избавиться от дурацкого желания вернуться в его спальню и извиниться. Он выглядел взбешенным, когда я обвинила его в том, что он меня ударил. Я знаю, что Райдер ненавидит меня, и он может сделать со мной какую-нибудь хреновину, но я не думаю, что он действительно ударил бы меня. Райдеру нравится морочить мне голову, но он не причиняет мне физическую боль. Не так, как Томми.

Я кручусь и ворочаюсь, не в силах уgomонить свой разум. Не знаю, сколько прошло времени, но, должно быть, несколько часов. Я не смогу заснуть, пока не извинюсь.

Я встаю и направляюсь к его комнате. Тихо открываю дверь. Внутри абсолютно темно и тихо. И я понимаю, что он спит. *Конечно, он спит. А с чего бы ему не спать?* Тихо проклиная свою глупость, я снова закрываю дверь, когда низкий рык заставляет меня остановиться на месте. *Моджо.*

— Какого черта ты делаешь? — сонный голос Райдера достигает моих ушей.

— Прости... Я не хотела тебя будить. Я... о том, что было раньше... Я-я... прости.

— Иди спать, — бормочет он, и я слышу шелест простыней, который дает понять, что он ложится обратно.

Из комнаты я выхожу на цыпочках и возвращаюсь к своему дивану. Я не уверена, потому ли, что я извинилась, или потому, что я так устала, но когда моя голова касается подушки, я почти сразу же отключаюсь.

* * *

Когда я просыпаюсь, то снова нахожусь одна. С одеялом, обернутым вокруг моего тела, я прохожу по дому. Райдера здесь нет, и где бы он ни был, он забрал Моджо с собой. Я совершенно одна, и по какой-то глупой причине я ненавижу это. Лучше бы он оставил здесь свою собаку.

Позавтракав, я решаю скоротать время, приняв душ. Используя одноразовые бритвы, которые я нашла под раковиной, я побрила ноги, женские части тела и подмышки. Закончив с этим, я одеваюсь и протираю ванную.

Когда все чисто, включая меня, Райдер все еще не вернулся. Здесь больше нечем заняться, и я чувствую, как мой разум начинает работать в усиленном режиме. Мне нужно чем-то заниматься. Черт, я не могу продолжать в том же духе. Мне нужен план. Я достаю из рюкзака маленький блокнот и смотрю на список работ, которые я могла бы выполнять, и занятий, которые я могла бы посещать. Между страницами вложены брошюры о программах и организациях, которые могут мне помочь.

Но сначала мне нужно погасить свой долг. Я записываю пять тысяч сверху пустой страницы и минусую те деньги, которые Райдер обещал мне за каждый раз, когда я с ним сплю. Прошлую ночь я не считаю, так как заставила его остановиться на полпути. Пока я записываю числа, то стараюсь не думать о том, что теперь я, по сути, проститутка, и вместо этого притворяюсь, что просто веду бухгалтерию на какой-то нормальной работе.

Когда я заканчиваю, я думаю о своем следующем шаге. Мне нужно найти работу, накопить достаточно денег на квартиру или хотя бы на комнату, потом на колледж. Может быть, я подам документы на гранты или стипендии. Мне нужно сходить в библиотеку. Там я смогу воспользоваться компьютером и начать подавать документы.

Вчера вечером Райдер сказал, что не хочет, чтобы я уходила, но, может быть, он отпустит меня на несколько часов, если будет знать, где я. Я могу ездить на автобусе туда и обратно.

Мои мысли прерываются, когда открывается задняя дверь, и вбегает Моджо. Он направляется прямо к своей миске с водой и начинает хлебать воду, как будто только что бегал. Мгновение спустя входит Райдер. На нем кроссовки, шорты и мокрая от пота футболка, которая прилипла к его телу.

Я стараюсь не таращиться на него, но это очень трудно. Он высокий, мускулистый, и в нем есть что-то такое, что подчиняет себе комнату, как только он входит. Он смотрит на меня, но ничего не говорит. Снимая обувь, он проходит мимо меня и направляется в ванную. Должно быть, он все еще злится из-за вчерашнего вечера.

Как только он скрылся из виду, я снова впадаю в панику. Что, если наша сделка отменяется? Что, если он покончил со мной и вернет меня в клуб, чтобы другие мужчины могли овладеть мной?

Я слышу, как мой пульс стучит в ушах, и чувствую, как мое дыхание учащается, готовое перейти в полноценную паническую атаку. Прежде чем мой страх успевает выйти из-под контроля, рядом со мной появляется Моджо, кладет свою тяжелую голову и одну лапу мне на колени. Он смотрит на меня снизу и слегка поскуливает, словно ему жаль меня. Может быть, даже говорит мне, что все будет хорошо. Я тянусь к нему и поглаживаю его по шее и за ухом.

Мне требуется мгновение, чтобы понять, что паника прошла, а дыхание выровнялось. Я почти смеюсь вслух. Моджо, адская гончая, успокаивает меня.

Мое спокойствие длится недолго, поскольку задняя дверь внезапно распаивается. Я вскакиваю на ноги и уже готова бежать, когда Моджо начинает рычать рядом со мной.

— Воу, воу, успокойся, Моджо, — говорит парень, поднимая руки.

Моджо слушает его команду и перестает рычать, но все равно остается рядом со мной. Я смотрю на мужчину, стоящего на кухне. На нем та же одежда, что носит Райдер: жилет, украшенный нашивками, темные джинсы и черные ботинки. Его руки покрыты татуировками, и, как и Райдер, он высокий и мускулистый. Последнее, что у него есть общего с Райдером, — это то, как он смотрит на меня... Этот парень хочет заняться со мной сексом. Я вижу похоть в его глазах.

— Я друг Райдера, — объясняет он, не удивляясь тому, что я здесь. Он достает из кармана пачку сложенных бумаг и бросает на стол, после чего снова обращает все свое внимание на меня.

И тут меня осеняет. Неужели Райдер позвонил этому парню, чтобы он забрал меня? О Боже, он избавляется от меня, отдает меня им. Я тупо смотрю на дверь спальни, желая,

чтобы Райдер сейчас вышел, хотя знаю, что он мне не поможет. Он не защитит меня ни от этого парня, ни от кого-либо другого. *Больше нет.*

— Не бойся. Я — Такер, — говорит он мне, и на его губах появляется ухмылка. — Как тебя зовут, милая?

По какой-то причине я не хочу говорить ему свое имя, я действительно не хочу говорить ему, но в итоге я все равно это делаю:

— П-Пенни.

— Не будь такой нервной, *Пенни*, — говорит Такер, приближаясь ко мне. — Я заплачу тебе столько же, сколько платит Райдер. Я хочу попробовать эту сладкую киску.

— Нет... — я делаю несколько шагов назад, пока не упираюсь в стеллаж в гостиной.

Он склоняет голову набок.

— Нет? — его глаза темнеют и бросают на меня убийственный взгляд. — Это не выбор, сука. Ты отработываешь деньги клуба, так что каждый в клубе имеет право трахнуть тебя.

Страх овладевает мной и удерживает на месте. Не в силах пошевелиться, я просто стою и дрожу как осиновый лист. Он поднимает руку и хватает мою футболку, разрывая ее. Затем он хватается за мою грудь, болезненно сжимая ее, и в этот момент я вырываюсь. Боли, которую он причиняет, достаточно, чтобы заставить меня двигаться.

Я отталкиваю его от себя, прикрывая грудь одной рукой и пытаюсь пройти мимо него. К сожалению, я недостаточно быстра. Он хватает меня за руку и толкает обратно к стеллажу.

— Сука, я не говорил, что мы закончили, — рычит он. Прежде чем я успеваю попытаться освободиться, его кулак врезается в мое лицо. Моя голова откидывается назад, ударяясь об угол полки. Слишком знакомая боль распространяется по моему лицу и затылку. Я зажмуриваю глаза, ожидая новых ударов.

По комнате разносится пронзительный предупреждающий рык. Мои глаза открываются как раз вовремя, чтобы увидеть, как большое тело Моджо приближается сбоку и вгрызается в ногу Такера.

— Какого хрена? — Такер отступает назад, на его лице написаны шок и гнев. Пользуясь случаем, я бросаюсь к задней двери. Мысленно поблагодарив Моджо за то, что он спас меня от этого засранца, я вылетаю за дверь и бегу так быстро, как только могут нести меня мои ноги. Я не знаю, куда иду и что делаю. Сейчас у меня на уме только одно.

Сбежать.

Райдер

Как только я выключаю воду, я слышу громкий лай Моджо, раздающийся из другой комнаты. Я натягиваю шорты, не удосужившись вытереться, прежде чем выбежать из ванной. Такер лежит на полу, пытаясь защитить свое лицо. Моджо нависает над ним, все еще в режиме атаки, а Пенни нигде нет.

— Убери от меня свою гребаную собаку! — кричит он и пинает ногой, едва не задев Моджо. На его темных джинсах огромная дыра, под которой видны кровавые следы укусов.

Что за хрень? Я оглядываю комнату. Куда делась Пенни?

— Моджо, иди сюда! — моя собака рычит на Такера, но слушается моей команды и садится возле моей ноги. — Что, блять, только что произошло?

Такер поднимается на ноги.

— Эта твоя гребаная шлюха велела твоей тупой шавке напасть на меня. Вот что, блять, произошло!

Я перехожу от растерянности к ярости, минуя раздражение и гнев. Только я могу обзывать Пенни, и никто не называет мою собаку шавкой. Но что меня действительно задевает, так это то, что он просто солгал мне в лицо. Я знаю Пенни, и я знаю Моджо. Я еще не знаю, что произошло, но я знаю, что Такер лжет об этом.

— Тебе лучше пойти и промыть рану, может, даже наложить несколько швов, — небрежно говорю я.

Дать ему понять, что я сейчас чувствую на самом деле, — плохой ход. Так что я разыгрываю представление и делаю вид, будто все это меня не волнует. Прихватив пиво из холодильника, я замечаю, что задняя дверь открыта. Я сажусь на диван и закидываю ноги на журнальный столик, наблюдая, как Такер осматривает свою ногу. Когда он, наконец, с ворчанием встает, то даже не смотрит на меня.

— Бумаги на столе, — рычит он и, прихрамывая, уходит.

Я слушаю, жду, когда его мотоцикл покинет мою подъездную дорожку, а затем вскакиваю и выбегаю через заднюю дверь. Мой сосед выходит из своей задней двери и бросает на меня неприязненный взгляд. Наверное, потому что на мне одни шорты, но мне все равно.

Моджо следует за мной по пятам, когда я обыскиваю задний двор и дом.

— Найди ее! — приказываю я ему, и он обнюхивает двор.

Ему не требуется много времени, чтобы уловить ее запах и пойти по следу. Ведя меня через соседские дворы, он приводит меня к небольшому парку в конце дороги. Пенни сидит под большим дубом, подтянув ноги к телу и обхватив колени. Я не вижу ее лица, потому что ее голова свисает вниз, а лоб прижат к коленям. Ее волосы свисают по бокам, как занавес, из-за чего невозможно увидеть ее глаза. Тем не менее, я знаю, что она плачет, по слышным всхлипам и по тому, как ее тело вздрагивает при каждом звуке.

Я смотрю, как Моджо толкает ее ноги своей головой, и она медленно разжимает одну из своих рук, чтобы потянуться к нему. Она зарывается пальцами в его густой мех и слегка двигает рукой. Моджо воспринимает это как приглашение и ложится своим большим телом рядом с ней. Странно наблюдать, как она так общается с моей собакой. Моджо всегда был привязан ко мне, слушался только моих команд, и он никогда не защищал кого-то другого. Я

еще не знаю, что я чувствую по поводу этого нового развития событий.

Я присаживаюсь рядом с Пенни на землю.

— Ты собираешься рассказать мне, что произошло?

Нет ответа.

Мы сидим так несколько минут, и я просто позволяю ей выплакаться. Когда она, кажется, немного успокоилась, я снова спрашиваю ее:

— Что случилось?

Вместо того чтобы дать мне объяснение, она вызывает еще больше вопросов, говоря:

— Я не хочу спать ни с ним, ни с твоими друзьями. Пожалуйста, я не могу, — затем она поднимает голову и смотрит на меня. — Пожалуйста, не заставляй меня делать это. Я исправлюсь. Я сожалею о прошлой ночи. Я справлюсь с этим. Я больше не буду тебя останавливать. Обещаю, я сделаю все, что ты захочешь.

Я чувствую, как кровь в моем организме начинает качаться с удвоенной скоростью и нагревается на два градуса, когда я вижу ее лицо.

Вот ублюдок.

Ее нижняя губа распухла и треснула, а нижняя часть челюсти уже приобрела синий оттенок. Она вытирает слезы тыльной стороной ладони. У меня возникает иррациональное желание обнять ее прямо сейчас, но, как и в случае с Такером, лучше не показывать ей, что я действительно чувствую.

Сохраняя ровный тон, я спрашиваю:

— Это ты сказала Моджо напасть на Такера?

Она яростно трясет головой, пряди ее темных волос падают на ее лицо.

— Нет, клянусь! Ничего такого не было.

Я так и думал, но все равно хотел, чтобы она подтвердила. Слегка кивнув, я даю ей понять, что верю. После этого она слегка расслабляется, но слезы не перестают катиться по ее лицу. Мне уже порядком надоело сидеть здесь и молча киснуть.

— Пойдем, приведем тебя в порядок.

Я встаю, и, слава богу, она следует моему примеру. Еще одна волна ярости пробегает по моим венам, когда я вижу, что ее футболка разорвана от воротника до груди. Наружу выглядывает лифчик, и если бы на мне сейчас была футболка, я бы, наверное, отдал ее ей.

Она шагает рядом со мной, только вот ее ноги кажутся гораздо более шаткими, чем обычно. Ее шаги напоминают мне новорожденного олененка, делающего свои первые шаги. Обняв ее, я прижимаю ее к себе, чтобы убедиться, что она не упадет по дороге домой. Она кажется слегка отрешенной, и даже не напрягается, когда я притягиваю ее к себе.

Вернувшись в дом, я укладываю ее на диван, прежде чем убедиться, что все двери и окна заперты. Я редко это делаю, Моджо — лучшая система сигнализации, но сейчас я чувствую, что должен это сделать.

Закончив с этим, я иду в ванную и включаю душ. Я возвращаюсь к дивану, чтобы раздеть теперь уже вялую Пенни. Когда она полностью обнажена, я вылезаю из шорт и поднимаю ее на руки. Прнося ее по дому, я вижу, что Моджо весело смотрит на меня, и я качаю головой.

Я захожу под душ, все еще прижимая ее к своей груди дольше, чем нужно. Ее щека прижимается к моей коже, и когда вода попадает на нас, она поворачивает голову, зарываясь лицом в мою грудь.

Через несколько минут я опускаю ее на пол.

— Ты сможешь стоять?

Она кивает так слабо, что я почти не уловил этого. Я ставлю ее и начинаю мыть ее волосы. Она не двигается и ничего не говорит, только закрывает глаза, когда я смываю шампунь. Намыленной мочалкой я мою ее тело, уделяя особое внимание чувствительной части между ног. Я думал, что это выведет ее из транса, в котором она сейчас находится. Не помогло.

Ее глаза открыты, но я не думаю, что она действительно что-то видит или чувствует. Она словно оцепенела внутри и снаружи.

Наверное, это ее механизм выживания. Когда она не может с чем-то справиться и жизнь становится слишком тяжелой, она просто отключается. Каким-то образом она может оцепенеть. Я не психотерапевт, но я не могу поверить, что это помогает ей. Ей нужно выпустить это наружу. Выбить дерьмо из чего-нибудь или ударить битой по машине. Вместо того чтобы отпустить свой гнев и страх, она держит их запертыми где-то глубоко внутри своего разума. Мне просто нужно найти ключ и отпереть эту часть ее души. Выпустить старую Пенни наружу. А если я не смогу найти ключ, мне придется просто выбить дверь.

Когда мы заканчиваем в душе, я заворачиваю ее в большое полотенце и несу на диван. Как только я накрываю ее одеялом, она сворачивается клубочком и закрывает глаза.

— Полагаю, ты не хочешь обедать?

Никакой реакции.

Я открываю холодильник и достаю стейк, который мы вчера купили в магазине. Я бросаю один из них Моджо и смотрю, как он ловит его в воздухе.

— Хороший мальчик, — я глажу его по голове, пока он поглощает гору мяса в два больших укуса. — Ты заслужил это.

* * *

Пенни весь оставшийся день лежит, свернувшись калачиком на диване, поднимаясь лишь несколько раз, чтобы сходить в туалет. Мне не удавалось заставить ее съесть что-нибудь, но она не увянет от пропущенного приема пищи, так что я оставил все как есть.

Она слегка перепугалась, когда я отошел на заправку, но я заверил ее, что никто не вернется, и она успокоилась. Она выглядела счастливой, когда я вернулся, хотя это странная концепция, о которой стоит задуматься.

Ближе к полуночи я наконец-то забираюсь в свою кровать, хотя знаю, что не смогу заснуть прямо сейчас. Некоторое время я пялюсь в потолок, пытаюсь понять, что делать с этим комочком радости на моем диване. Все оказалось гораздо сложнее, чем я предполагал. Это последний раз, когда я позволяю своему члену принимать решения. *Ага, точно.*

Десять минут спустя, когда я уже почти заснул, дверь моей спальни со скрипом открывается, и в дверном проеме появляется силуэт Пенни. Слабый свет, проникающий из гостиной, подчеркивает каждый изгиб ее тела, заставляя мой член подрагивать.

— Что? — рывкаю я, не давая ей понять, что на самом деле рад ее видеть.

Она подходит ко мне и останавливается рядом с моей кроватью. Я не могу разглядеть ее лица из-за света, идущего из-за ее спины, но тон ее голоса говорит мне, что она напугана и чувствует себя неловко. Ну, по крайней мере, она ходит и говорит.

Она робко спрашивает:

— Могу я поспать с тобой в твоей кровати?

Огромная ухмылка расплывается по моему лицу.

— Почему? — *Боже, какой же я мудака.*

Она нервно переминается с ноги на ногу.

— Я... я боюсь.

— Звучит как личная проблема.

— Пожалуйста.

В ее мольбе есть что-то такое, от чего в моей груди начинает болеть дурацкая штука.

Что-то, что заставляет меня хотеть защитить ее.

— Хорошо, ложись.

Она заползает в кровать и устраивается рядом со мной под моим одеялом. Это слишком близко, слишком интимно. Прежде чем я понял, что делаю, я говорю:

— Конечно, мне придется приковать тебя.

Она задыхается.

— Что? Почему?

— Я не доверяю тебе спать рядом со мной. Ты можешь зарезать меня во сне, — это маловероятно, поскольку она вошла голой, не имея возможности спрятать нож. Но дело не в этом.

— Я бы никогда!

— Ага... ну, ты давно лишилась моего доверия. Так что, либо я пристегну тебя наручниками к кровати, либо ты можешь вернуться на диван.

Она с минуту обдумывает мое предложение, прежде чем согласиться на наручники. Я включаю ночник на тумбочке и достаю из ящика наручники. Я застегиваю их вокруг ее запястий и продеваю через одно из перил на изголовье кровати. Я смотрю вниз на ее стройное тело, обнаженное и связанное. Мой член такой твердый, что я мог бы вырубить им кого-нибудь.

Я провожу рукой по ее телу, начиная с шеи. Мои пальцы пробегают по ключицам, груди, плоскому животу, пока я не оказываюсь между ее ног. Она слегка раздвигает их для меня, и я принимаю приглашение и просовываю два пальца между ее складок, находя ее влажной для меня.

— Райдер, я не хочу спать с твоими друзьями, — повторяет она дрожащим голосом.

Я обдумываю, что я могу ей сказать. Не правду. Я не могу дать ей понять, как сильно я ее хочу, и мне нужно что-то такое, чтобы держать над ее головой.

— Возможно, тебе придется. Мне становится скучно с тобой, а тебе нужно как-то выплачивать долг, — лгу я. Не думаю, что мне когда-нибудь наскучит ее тело.

— Пожалуйста, я рассчитаюсь с тобой другим способом. Пожалуйста, не позволяй им, — продолжает умолять она. Она напугана, я думаю, больше, чем когда-либо она боялась меня, и я не могу не задуматься. Возможно, я только что нашел ключ. Может быть, если я надавлю на нее немного сильнее, она сломается, и прежняя Пенни выйдет поиграть.

— Почему бы мне не позволить кому-то другому трахнуть тебя? Очевидно, Такер очень хочет немного этого, — говорю я, проталкивая палец до конца. — Еще двое парней в клубе спрашивали о тебе. Ты могла бы потрахаться с ними со всеми одновременно.

Ее глаза расширяются до невозможности.

— Нет... — ее голос тверд. Сила и решимость берут верх над ее страхом.

— Ты сможешь быстрее погасить свой долг. Они могут дополнительно заплатить тебе, если ты позволишь им трахать тебя одновременно. Я думаю, тебе бы понравилось двойное проникновение.

В мои планы не входит делиться или позволять кому-то еще прикасаться к ней, даже

парням, но, кажется, я наконец-то пробился к ней. Она сопротивляется, слегка натягивая свои путы.

— Пожалуйста, Райдер, остановись, — ее голос напряжен, и я знаю, что она близка к переломному моменту. Я вижу, как ее гнев побеждает страх. Мне просто нужно подтолкнуть ее еще немного. Я нависаю над ней, не придавливая ее своим весом, поскольку знаю, что это ее успокаивает.

Я шепчу ей на ухо:

— На самом деле, я думаю, что позвоню им прямо сейчас, поскольку ты мокрая и готовая. Парни будут наслаждаться тобой в таком виде, связанной и беспомощной. К тому же, они смогут спокойно перевернуть тебя. Использовать твою маленькую тугую попку. Тебе бы это понравилось, не так ли? Быть использованной таким образом. Когда с тобой обращаются так, будто ты всего лишь дешевая шлюха.

Эта угроза окончательно добивает ее. Ее глаза становятся безумными, ее лицо искажается в чистом гневе, и она превращается в дикую фурию подо мной.

— Отвали нахрен от меня!

Вот она.

Она дергает за наручники, как сумасшедшая. Зная, что она собирается навредить себе, натягивая металлические наручники, я опускаюсь на нее и достаю ключ из ящика. Мне с трудом удастся удержать ее в неподвижном состоянии настолько, чтобы расстегнуть наручники. Я не уверен, что она вообще осознает, что свободна, или знает хоть что-нибудь, если на то пошло. Ее глаза дикие, как у львицы, готовой к убийству.

Как только я слезаю с нее, она бросается на меня. Набрасывается на меня, как одичавший зверь, бьет, пинает и царапает. Все, что вылетает из ее рта, не слова, а скорее первобытные вопли и крики.

Некоторое время я позволяю ей выплескивать все на меня. В основном это даже не больно. Несколько раз она довольно сильно царапает меня по лицу. Повернув голову, я прикрываю лицо рукой, чтобы она больше не смогла меня достать.

Между ударами ногами и руками, одно из ее коленей поднимается и бьет меня по верхней части бедра, в нескольких дюймах от моих яиц. *Ладно, хватит. Слишком близко к сокровищам.*

Я обхватываю ее руками, поднимаю и позволяю нам обоим упасть на кровать. Я подминаю ее под себя и за несколько секунд полностью обездвиживаю. Я чувствую, как ее сердце бьется о мою грудь, как отбойный молоток. Она пытается оттолкнуть меня, но она слишком слаба.

Через некоторое время ее дикий львиный рев превращается в слабое поскуливание побежденной домашней кошки. Вскоре после этого она полностью затихает.

— Ты закончила?

— Да, — отвечает она, ее голос сухой и хриплый.

Я медленно слезаю с нее. Моя грудь мокрая от ее слез, а ее лицо красное и опухшее по той же причине. Мы остаемся так, глядя друг на друга, кажется, целую вечность. Я не могу прочитать выражение ее лица. Только знаю, что никогда не видел ее такой, и часть меня задается вопросом, не пожалею ли я о том, что разозлил ее. У меня такое чувство, что все, что с ней только что произошло, изменит ее душевное состояние.

Вопрос только в том, к лучшему или худшему?

Пенни

Я поднимаю взгляд на его лицо и вижу ярко-красные царапины на его щеке. Царапины, которые оставила я. В любой момент он собирается напасть на меня. Он схватит меня и выбьет из меня все дерьмо. И я ничего не в силах сделать. Томми гораздо меньше Райдера, и у меня не было с ним ни единого шанса. Мне повезет, если я переживу избиение Райдера, так что лучше больше не рисковать.

Несколько раз, когда я пыталась бороться с Томми, он просто бил меня в два раза сильнее. Поэтому я перестала бороться с ним, и в итоге превратилась в ту слабую личность, которой являюсь сейчас. Тряпка, вот кто я. Позволяю людям делать со мной все, что они хотят, лишь потому, что они могут. Я отказалась от всех своих надежд и мечтаний и позволила другим людям управлять моей жизнью.

Сидя с этим открытием, я жду, отсчитывая секунды и мысленно готовлю свое тело к тому, что произойдет. Время тянется, но он все еще не двигается. Он просто стоит там, уставившись на меня с пустым выражением лица.

Когда он наконец шевелится, я вздрагиваю, отодвигаясь на несколько дюймов назад по матрасу, но все, что он делает, это обходит кровать и ложится с другой стороны.

— Ложись и спи, — бормочет он и выключает прикроватный светильник.

Я в смятении. Проходит минута, прежде чем я могу пошевелиться. В темноте я медленно опускаюсь на кровать и ложусь рядом с Райдером. Мы не касаемся друг друга, но я чувствую его тело рядом со своим. Он не связал меня снова, и я не знаю, специально ли это или он просто забыл. Моя голова опускается на подушку, и меня захлестывает волна усталости. Если бы не дрожь в теле, я бы, наверное, легко заснула.

Свернувшись калачиком, я стараюсь как можно быстрее расслабиться, чтобы дрожь утихла, но никак не могу успокоиться. Не раньше, чем Райдер переместился рядом со мной, обхватил мой торс и притянул меня к себе.

На мгновение я думаю, что он, должно быть, спит и принимает меня за кого-то другого, но затем он шепчет мне в волосы:

— Спи, маленькая сова, — тогда я понимаю, что он делает это сознательно.

Несмотря на пульсацию в челюсти, я расслабляюсь. Закрываю глаза и успокаиваюсь от прикосновений Райдера. С моим утомленным разумом и телом прошло совсем немного времени, прежде чем сон овладел мной и увлек во тьму.

* * *

На следующее утро, когда я открываю глаза, на моих ресницах образуется корочка, а за веками пульсирует от слез. Эта боль еще сильнее, чем боль в челюсти от удара, который нанес мне Такер.

Кроме боли, я чувствую, что со мной происходит что-то еще, и я не думаю, что это связано с тем, что я проснулась в постели Райдера. Я чувствую себя... по-другому. Мне нужно время, чтобы понять, что это. Сегодня я могу дышать немного легче. Я напугана меньше, нежели когда-либо в течение долгого времени. Чувствую, что груз на моих плечах немного уменьшился. Он не исчез, конечно, но впервые за долгое время я чувствую себя лучше, чем накануне.

Я быстро замечаю, что Райдера нет со мной в кровати, что заставляет меня вспомнить,

как мне было комфортно с ним рядом прошлой ночью. Я почти смеюсь. Рядом с Райдером я чувствовала себя в безопасности. Я забралась в его кровать, позволив ему надеть на меня наручники, только чтобы остаться с ним. Такер, должно быть, повредил что-то в моей голове.

Я пытаюсь отогнать это чувство, но в глубине души понимаю, что это правда. Рядом с Райдером я чувствую себя в безопасности. Он не отдал меня и не встал на сторону своего друга, как я думала. Он не ранил меня, напротив. Он позаботился обо мне, помог мне раздеться и принять душ. Он был нежен, его прикосновения были осторожными. Ничего подобного я от него не ожидала.

До вчерашнего вечера я сомневалась, ударит ли он меня когда-нибудь. Теперь я знаю, что он и пальцем меня не тронет, во всяком случае, не так. Я дралась с ним, била его, пинала, даже расцарапала ему лицо, а он все равно не ударил меня в ответ. Он просто держал меня, пока я не успокоилась.

Встав с кровати, я обернула простыню вокруг своего обнаженного тела. Мне нечего надеть в его комнате, и я не хочу выходить из комнаты полностью обнаженной.

Я нахожу его на кухне, он переворачивает омлет. Он оглядывается через плечо, услышав мое приближение.

— Прошлая ночь была разовой сделкой. Ты спишь на диване или на полу. Единственный раз, когда я разрешаю тебе лечь в мою постель, это чтобы потрахаться, — рычит он, и я удивляюсь его резкому тону, хотя не должна была бы.

Возможно, сегодня я чувствую себя по-другому, но моя ситуация не изменилась. Любая доброта, которую он был готов оказать мне прошлой ночью, — это все. Я должна быть благодарна ему за тот маленький кусочек комфорта, который он мне подарил. Вместо этого я разочарована тем, что он не хочет предложить мне больше.

— Хорошо, — шепчу я, прежде чем исчезнуть в ванной, чтобы надеть какую-нибудь одежду. И тут я понимаю, что моя единственная чистая футболка разорвана. Черт. Я могла бы зашить ее, но не хочу напоминаний о том, что произошло, поэтому я выбрасываю ее в мусорное ведро. Схватив свою грязную одежду, я выхожу в леггинсах и лифчике.

— Могу я одолжить футболку, пока не закончу со стиркой?

Райдер, который в данный момент сидит за кухонным столом и ест, вскидывает на меня бровь. Он оглядывает меня, прежде чем кивнуть.

— Просто возьми одну из моего комода.

Я не жду, пока он передумает. С одеждой в руках я возвращаюсь в его комнату. Бросаю свою стопку на его грязную одежду в корзину для белья. Я снимаю леггинсы, лифчик и трусы и бросаю их туда же, прежде чем взять футболку из его комода.

Я натягиваю большую черную хлопковую футболку через голову и спускаю вниз по телу. На ощупь она приятная и мягкая, сидит на мне скорее как платье. Я забираю корзину для белья и несую к стиральной машине, чтобы запустить стирку.

Вернувшись в гостиную, я обнаруживаю Райдера на диване, его ноги лежат на журнальном столике, он что-то делает в своем телефоне. Моджо лежит прямо под его ногами и тихо похрапывает. Райдер не смотрит на меня, когда я прохожу мимо него на кухню и хватаю его тарелку, которую он оставил на столе по дороге. Я убираю беспорядок, который он устроил на кухне, и беру яблоко на завтрак.

После того, как я поела, решаю, что мне нужно спросить его, могу ли я уйти сегодня. Мне нужно сходить в библиотеку, чтобы подать заявление на несколько программ, может

быть, даже найти работу. Я сажусь на единственное кресло, а не рядом с ним на диван.

— Я хотела спросить, можно ли мне сегодня сходить в библиотеку?

— Нет, — говорит он, даже не отрываясь от своего телефона.

— Это займет всего несколько часов, и я могу доехать на автобусе туда и обратно...

— Я сказал, нет, — от его повышенного голоса воздух в моих легких замирает. — Я сказал тебе, ты не уйдешь.

Ужас проникает в меня от его слов. Он не отпустит меня. Я так сильно боролась, чтобы освободиться от Томми, а теперь понимаю, что всего лишь променяла одну тюрьму на другую.

— Нет, пока ты не выплатишь свой долг, — уточняет Райдер. — Тогда ты можешь идти, куда захочешь.

Я впитываю его слова. Он отпустит меня после того, как покончит со мной. По крайней мере, так он говорит сейчас, но он признался, что лгал мне раньше, так что я не знаю, можно ли ему верить.

— В любом случае, что тебе нужно в библиотеке?

— Я хотела воспользоваться компьютером, чтобы заполнить несколько заявлений.

— Ты можешь сделать это, когда я с тобой закончу. А пока ты останешься здесь. Поняла?

— Поняла.

— Знаешь что? Я передумал. — Райдер ухмыляется. Я смотрю на него, сбита с толку. — Ты не можешь одолжить мою футболку. Сними ее.

— Вся моя одежда в стиральной машине, — говорю я, прекрасно понимая, что он знает об этом. Он лишь бросает на меня самодовольный взгляд, пожимая плечами.

Я встаю и хватаюсь за подол футболки, задирая ее вверх и снимая с себя, оставаясь совершенно голой посреди гостиной. Я уже настолько привыкла к тому, что Райдер видит меня обнаженной, что не чувствую себя неловко перед ним. Однако мой взгляд метнулся к задней двери, надеясь, что она заперта и что сюда больше никто не войдет, особенно кто-то вроде Такера.

— Двери заперты. Здесь только мы, — говорит Райдер, словно читая мои мысли.

Я аккуратно складываю его футболку и убираю ее в комод. Все это время я чувствую на себе его взгляд. Следит за каждым моим движением. Даже через всю комнату я слышу, как его дыхание становится все более затрудненным. По моим рукам бегут мурашки, и не потому, что мне холодно. Совсем наоборот, мне кажется, что моя кожа горит. От осознания того, что Райдер хочет меня и что он может получить меня, когда захочет, у меня стынет кровь и сердце колотится в груди.

Он ничего не говорит, и я ничего не иницирую, хотя часть меня хочет этого. Я и через миллион лет не признаюсь в этом вслух, но часть меня жаждет прикосновений Райдера. Он пробудил во мне то, о существовании чего я даже не подозревала.

Я иду на кухню, чтобы вытереть и убрать посуду, которую я мыла ранее, а затем снова протираю прилавки, хотя я уже сделала это дважды.

— Эй, маленькая сова, подойди сюда, когда закончишь уборку, — зовет меня Райдер. Низкий, соблазнительный тон его голоса посылает еще одну волну мурашек по моей коже.

Я сглатываю, бросаю мокрую тряпку в раковину и вытираю руки о полотенце, прежде чем пройти в гостиную. С каждым шагом влага между моими бедрами увеличивается, а жар внутри меня нарастает. Когда я останавливаюсь перед тем местом, где сидит Райдер, мой

взгляд сразу же падает на огромную выпуклость в его шортах.

— Видишь что-нибудь, что тебе нравится? — дразнит Райдер, и мое лицо резко приобретает более темный оттенок.

Да. Я вижу кое-что, что мне нравится.

Райдер

Ее язык высунулся, увлажняя губы, и я почувствовал, как на кончике моего члена выступила капелька спермы. Этот контроль над ней похож на наркотик, которым я не могу насытиться, и на опасную привычку, которую я не могу бросить. Я привык управлять людьми. Большинство боятся меня, и вполне заслуженно. Но я не думаю, что Пенни на самом деле боится меня — нет, у меня над ней другой вид контроля. Даже более сильный. Она хочет меня, она никогда в этом не признается, но я могу сказать, что она хочет. Ей нравятся мои прикосновения. Возможно, она даже нуждается в них, определенно желает их. Ее тело жаждет меня, а я жажду власти, которую оно мне дает.

Просунув большой палец под пояс, я стягиваю шорты, освобождая свою пульсирующую длину.

— Повернись и сядь на мой член.

Все еще полностью обнаженная, она поворачивается, открывая мне великолепный вид на свою идеально сложенную попку. Медленно она наклоняется и усаживается на мои колени, направляя себя на мою твердую эрекцию. Она такая мокрая, что я легко скольжу внутри нее — ее тугие стенки окружают меня, как шелковисто-гладкая перчатка, созданная специально для меня.

Схватив ее за бедра, я тяну ее вниз, заполняя ее, пока кончик моего члена не упирается в конец ее канала, а мои яйца не шлепаются о ее кожу. Она задыхается, ее руки падают назад и опускаются на мои бедра, поддерживая себя. На мгновение я просто наслаждаюсь ощущениями — тем, как она обхватывает мой член, а ее маленькие ручки ощущаются на моих ногах. Она поворачивает голову, выгибает шею и смотрит на меня через плечо, словно ожидая моих указаний.

— Двигайся вверх-вниз, — приказываю я, приподнимая ее на дюйм, а затем снова опуская вниз, показывая ей, как я хочу, чтобы она двигалась. Она двигается нерешительно, но пытается подражать движениям.

После нескольких попыток она попадает в устойчивый ритм, поглащая мой член своей киской. Положив руки на ее плечи, я толкаю ее вниз, погружая свой член еще глубже. В ответ ее маленькие ноготки впиваются в мои бедра, и я с удовольствием смакую жгучую боль.

Ее голова откидывается назад, и пряди ее длинных каштановых волос щекочут кожу на моем животе. Она тихо стонет, и мне вдруг захотелось посмотреть на ее лицо, увидеть, насколько ей это нравится.

— Повернись, — говорю я, слегка отстраняя ее от себя.

Она немедленно выполняет мою команду, встает, чтобы повернуться и снова опуститься на меня, на этот раз лицом ко мне. Как только она оказывается на моем члене, я понимаю, что это была плохая идея. Сейчас ее лицо находится всего в нескольких сантиметрах от моего, и это ощущается слишком близко. Мне нужно держаться отстраненно. Это слишком интимно, и мне это не нравится.

Но что мне нравится, так это то, как она двигается, скачет на мне, словно от этого зависит ее жизнь. Это так чертовски приятно; меня даже не волнует, что она держит руки на моих плечах, прикасаясь ко мне, как будто мы любовники. Главное, что она насаживается

своей киской на мой член, пока покалывание в позвоночнике не подсказывает мне, что я вот-вот кончу. Я закрываю глаза и откидываю голову на спинку дивана, позволяя ей выполнять всю работу.

С закрытыми глазами я пытаюсь представить на ее месте кого-то другого, может быть, одну из клубных шлюх, с которыми я когда-то трахался. Но когда я это делаю, ощущения уже не такие приятные. Только когда я снова смотрю на нее и вижу перед собой ее раскрасневшееся лицо, покалывание в моих яйцах возвращается.

Блять. Блять. Блять.

Каким-то образом мои руки очутились на ее бедрах, удерживая ее, чтобы она не смогла вырваться. Что еще хуже, я чувствую, как дрожат ее бедра, как пульсируют ее стенки вокруг моего члена, и я знаю, что она вот-вот кончит.

Не успел я опомниться, как она уже кончает, ее узкая киска сжимает меня, а с ее губ срываются стоны наслаждения. Она наклоняется вперед, зарываясь лицом в мою шею, а я обхватываю ее тело руками и еще дважды глубоко погружаюсь в нее, после чего кончаю так сильно, что вижу звезды.

Я заполняю ее своей спермой, пока она не начинает стекать по моим бедрам. Мои яйца чувствуются пустыми, а весь я истощен. Она прижимается своим телом к моему, и мы остаемся в таком положении, похожем на объятия.

Хотя я знаю, что должен оттолкнуть ее, отпихнуть от себя, сказать ей, чтобы она убиралась... Я не делаю этого, поскольку это чертовски приятно. Мы остаемся в таком положении некоторое время. Она не шевелится, и я делаю вид, что мне все равно, хотя на самом деле я наслаждаюсь тем, как она прижимается ко мне, задаваясь вопросом, что, черт возьми, она со мной делает.

* * *

После этого я отдаю ей свою футболку. Я понятия не имею почему, но мне нравится, что она носит мою одежду. Может быть, дело в том, как ее маленькая фигура утопает в ткани, выкроенной по моим размерам. А может в том, что создается ощущение, что она принадлежит мне.

Закончив со стиркой, она снова переодевается в свою одежду.

— Обувайся. Мы кое-куда идем, — говорю я ей без дальнейших объяснений. К моему удивлению, она не задает вопросов, обуваясь, как я просил. Только когда мы садимся в машину, и я включаю зажигание, ее любопытство берет верх.

— Куда мы едем? — в ее голосе слышится легкая дрожь, и я знаю, что она боится, что я отведу ее в клуб или отдам одному из парней.

— Не беспокойся об этом, — огрызаюсь я, наблюдая, как она ерзает на своем месте.

Блять. Я засранец.

— Я не буду спать ни с кем другим, — заявляет она, говоря по существу.

— Я понял это еще прошлым вечером, — я показываю на царапину на своем лице. — Вопрос в том, почему нет? — спрашиваю я, с искренним любопытством. — Ты не сопротивлялась, когда дело дошло до того, чтобы потрахаться со мной.

Она колебалась, но она не была такой напуганной или нежелающей.

— Это другое, — шепчет она.

— Правда? — после долгого молчания я теряю терпение и продолжаю: — Вот что я тебе скажу: дай мне ответ, в который я поверю, и я не отдам тебя никому другому в клубе.

Глядя в окно, она сжимает пальцы на коленях, вероятно, пытаюсь подобрать нужные

слова.

— С тобой все по-другому... Я-я не знаю, я... — она запинаясь на словах и откидывается на спинку кресла. — Думаю, потому что я знаю тебя... и часть меня знает, что ты не причинишь мне вреда, — она пробормотала последнее слово, но я услышал ее громко и четко в тесном пространстве грузовика.

Прежде чем я успеваю ответить, она продолжает:

— Кроме того, если я буду делать это только с тобой, это будет меньше похоже на...

— Меньше похоже на то, что ты шлюха? — я замечаю краем глаза, как она вздрогнула, и начинаю жалеть, что сказал это в таком ключе.

— Ты мне веришь? — спрашивает она через мгновение.

— Ага, я не отдам тебя своим братьям в клубе, — я вижу, как она расслабляется, ее плечи опускаются, и она вздыхает с облегчением.

Через несколько минут мы подъезжаем к центру гинекологии, который я искал ранее. Пенни смотрит в окно и читает вывеску.

— Почему мы здесь?

— Ты собираешься пройти обследование и получить таблетки, — говорю я ей.

— У меня нет медицинской страховки.

— Ага, я так и подумал.

Вот почему у меня в кармане пачка денег.

* * *

— Что значит, вы не можете ее обслужить? Я плачу наличными, — рычу я на администратора.

— Не имеет значения, как вы оплачиваете счет. Нам все равно нужно какое-то удостоверение личности. Водительские права, карточка социального страхования, свидетельство о рождении, что-нибудь в этом роде. Мы не можем просто выписать ей таблетки, не имея ничего, что доказывало бы, что она та, за кого себя выдает.

— Ну, это полная чушь, — выкрикиваю я, ударяя кулаком по стойке. Никто из посетителей в зоне ожидания не поднимает головы, и я понимаю, что устраиваю большую сцену, чем нужно. Бросив взгляд на Пенни, я замечаю, что ее огромные глаза прикованы к моему лицу и виновато смотрят на меня.

— Я могу сходить за документами, — шепчет она, и я вижу страх в ее глазах, когда она это произносит. Я уверен, что ее дерьмо находится в том месте, куда она предпочла бы не возвращаться, но не иметь возможности отвести ее к врачу также не очень хорошо. Я задаюсь вопросом, сможет ли медик из клуба осмотреть ее и выписать таблетки, но потом представляю его мясистые пальцы у нее между ног и быстро отбрасываю эту идею.

— Ладно, пойдем, — говорю я, кивая в сторону выхода.

Пенни бросает взгляд на администратора и беззвучно произносит «извините», прежде чем мы выходим и направляемся к грузовику.

— Где все твое дерьмо?

— В доме моего бывшего парня, — робко говорит она. — Он сейчас должен быть на работе. Я смогу забрать еще немного одежды, пока буду там.

Я не упускаю из виду легкую дрожь в ее голосе. Она боится возвращаться туда, и, наверное, вполне обоснованно. Тем не менее, я позволяю ей сказать мне адрес и отвожу ее туда. В любом случае, если он на работе, ей не придется иметь с ним дело... да и мне тоже.

Пенни

Мы подъезжаем к дому, который снится мне в кошмарах. Он совсем не изменился. Двор перед домом не скошен и не ухожен, фасад грязный, окна завешены занавесками.

Как я и ожидала, на подъездной дорожке нет автомобиля. Томми на работе, поэтому дом пуст. Тем не менее, мысль о том, чтобы войти внутрь, пугает больше, чем я ожидала. Я думала, что смогу это сделать, но теперь, когда я здесь, я сомневаюсь, что смогу заставить свои ноги работать.

— Поторопись и забери свое дерьмо, — бормочет Райдер со стороны водителя, прежде чем включить музыку и достать свой телефон.

Сделав глубокий успокаивающий вдох, я заставляю себя выйти из машины, повторяя себе, что у меня все получится. Его здесь нет; со мной все будет в порядке. Я просто найду туда, чтобы взять свою одежду, а потом уеду отсюда навсегда — не нужно волноваться.

— Давай. У меня нет целого дня, — приказывает Райдер, перекрикивая громкую музыку.

Собрав все свое мужество, я делаю последний вдох, прежде чем распахнуть дверь и выбраться из грузовика. Я подхожу к входной двери и достаю спрятанный ключ из-под цветочного горшка, стоящего на крыльце. Дрожащими руками я вставляю ключ в замок и отпираю дверь.

Первое, что я отмечаю, когда вхожу внутрь, — знакомый запах сигарет и алкоголя. Говорят, что запахи чаще всего вызывают воспоминания... и они правы.

Мой желудок скручивается, а голова идет кругом, когда подавленные мысли и чувства наводняют мой разум. Воспоминания о бесконечных ночах боли, страданий, отчаяния и безнадежности обрушиваются на меня. Я закрываю глаза, пытаюсь успокоиться и сосредоточиться на текущей задаче. Мне просто нужно забрать свои вещи и убраться отсюда навсегда.

Я ненадолго задумываюсь о том, чтобы выбежать обратно на улицу и умолять Райдера купить мне новую одежду или пойти со мной в дом. Эта мысль почти заставляет меня рассмеяться. Почти.

Нет, я должна это сделать. Заставляя свои ноги двигаться, я прохожу дальше в дом. С каждым шагом в меня просачивается все больше ужаса, наполняя меня глубоко укоренившимся страхом. Если Томми обнаружит, что я пробралась в дом, он убьет меня. Он убьет меня до смерти за то, что я его бросила. Вот чем он всегда угрожал: если я попытаюсь уйти, он убьет меня. Так и произошло, я ушла.

На дрожащих ногах я вхожу в спальню и быстро нахожу в шкафу сумку. Бросив ее на не заправленную кровать, я начинаю беспорядочно хватать одежду и торопливо запихивать в сумку.

— Смотри-ка, кто это, — наполняет комнату голос Томми, и я замираю. Страх охватывает меня так крепко, что мои мышцы блокируются, и я буквально не могу сдвинуться ни на дюйм. Единственное, что движется, — это мое бешено бьющееся сердце. Оно бьется так быстро, что может случиться сердечный приступ. Скрипят половицы, когда Томми делает несколько шагов, так что он оказывается рядом со мной.

— Я говорил тебе, что случится, если ты попытаешься уйти от меня? — его голос, как

яд, парализует меня и затрудняет дыхание. — Нечего сказать?

— П-прости, — выдавливаю я из себя.

— Прости? Я не думаю, что тебе жаль. Но не волнуйся, ты пожалеешь, — угрожает он с извращенной ухмылкой на лице.

В такие моменты я обычно отключаюсь. Тело немеет как только возможно, а мысли устремляются куда угодно, только не сюда. Но сегодня что-то останавливает меня, что-то изменилось. Раньше у меня никогда не было причин бороться или кричать, потому что у меня не было никого, кто мог бы мне помочь, и мне некуда было идти. Сегодня мне нужно только добраться до грузовика. Мне нужно добраться до Райдера. Он поможет мне, я думаю.

Томми делает шаг ко мне, его губы кривятся в рычании, руки сжимаются в кулаки, а глаза еще больше темнеют, по сравнению с их обычным карим цветом. Вместо того чтобы трусить перед ним и позволить ему ударить меня, я делаю шаг назад. Его брови приподнимаются, и я использую его мгновенное удивление в своих интересах. Я разворачиваюсь и выбегаю из комнаты, бегу по коридору так быстро, как только могу.

Я уже почти у двери, мои пальцы в дюйме от медной ручки. Так близко, что я практически чувствую холодный металл на своей коже. Еще один сантиметр, и я дотянусь до нее, но у меня нет возможности даже прикоснуться к ней. Томми хватает меня за руку и дергает назад так грубо, что, кажется, она может выскочить из сустава. Обычно я бы проглотила свой крик или хотя бы попыталась его заглушить, но зная, что Райдер сидит в машине, я кричу во всю мощь своих легких.

Боль пульсирует во мне, когда Томми втаскивает меня глубже в дом. Схватив меня за волосы, он тащит меня за них на кухню и бросает на пол. Я грубо падаю на спину. Из легких вышибает воздух, и прежде чем я успеваю вдохнуть, Томми оказывается на мне.

— Ты гребаная сука! — кричит он и начинает бить меня по лицу. Затылок отскакивает от безжалостного кафельного пола, так как он продолжает наносить мне удары без устали. Я пытаюсь прикрыть лицо и голову, но он все равно продолжает бить по моим рукам и кистям.

Моя голова раскалывается от боли, а зрение мутнеет. Я даже не уверена, от слез или у меня травмирована голова. Все, что я знаю, это то, что я хочу, чтобы пришел Райдер. Услышал мои крики, забрал меня отсюда и увез подальше от Томми.

Пожалуйста, Райдер. Мысленно повторяю беззвучную молитву. Пожалуйста, пусть он придет и найдет меня.

Пожалуйста!

Райдер

Включив музыку на автомобильной стереосистеме, я рассчитываю досадить людям в этом районе, пока жду возвращения Пенни. Просматривая свой телефон от скуки, я понимаю, что пропустил несколько сообщений и звонков от девушки, с которой я часто трахался в клубе. Она была моей любимой добычей до того, как у меня появилась удобная киска в доме круглосуточно. Я удаляю все сообщения и кладу телефон обратно в карман.

Посмотрев в сторону дома, я все еще не вижу Пенни. Я начинаю слегка беситься из-за того, что она так долго собирает свое дерьмо, как вдруг меня пронзает иное чувство. Может ли она быть настолько глупой, чтобы попытаться сбежать от меня? От этой мысли маленькие волоски на моей шее вздымаются. Она не станет.

Прежде чем я успеваю подумать об этом, песня заканчивается. Между окончанием этой песни и началом следующей наступает небольшой отрезок тишины. В эти две секунды я слышу что-то похожее на крик, доносящийся из дома.

Я вскидываю голову и смотрю на дом, выключая радио одной рукой, а другой держась за дверную ручку. Когда я слышу второй высокий крик, мое тело движется само по себе. Я выхожу из машины и в мгновение ока оказываюсь у входной двери.

Не потрудившись проверить, не заперта ли дверь, я использую импульс своего бега, чтобы с ходу ударить ногой в эту дерьмовую дверь. Дерево легко поддается, и дверь слетает с рамы, когда я вхожу в дом.

По дому разносится эхо криков, и я следую за звуками, пока не оказываюсь на кухне. Пенни лежит на полу, ее руки пытаются защитить лицо. Какой-то парень навалился на нее сверху, удерживая ее туловище, и осыпает ее ударами.

Всепоглощающая ярость пронзает меня, заполняя все фибры моего существа, когда я наблюдаю за происходящим передо мной. Я чувствую, как вибрируют мои мышцы, как мое тело готовится к драке. В следующее мгновение я уже нахожусь в другом конце комнаты и руками обхватываю шею парня. Он был так занят избиением Пенни, что даже не заметил и не услышал моего приближения.

Я оттаскиваю его от нее за шею, отбрасываю к ближайшей стене и готовлюсь выбить из него всю душу, когда вижу его лицо.

Какого хрена? Томас Келлер?

Его грудь вздымается, глаза расширены от шока, и я представляю, что выгляжу в точности так же. Толчком я отпускаю его, и он прижимается к стене, задыхаясь.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — выплевывает он мне в лицо, когда снова обретает голос.

На мгновение я так шокирован его присутствием, что просто стою и смотрю на него. Это ее парень? Он? Парень, из-за которого меня выгнали из школы. Причина, по которой меня отослали из единственной приемной семьи, которой было до меня дело.

Предательство Пенни, словно старая рана, снова открылась и режет меня, как тупой нож.

Я поворачиваюсь и смотрю на нее, все еще лежащую на полу. Одной рукой она поддерживает себя, а другой закрывает кровоточащее лицо. Слезы текут по ее лицу, и даже с расстояния в несколько футов я вижу, как содрогается ее тело. Она смотрит на меня

красными глазами, в которых отражается шквал эмоций. Я настолько погрузился в глубину этих голубых глаз, что лишь смутно осознаю, что Томас бросился бежать.

Задняя дверь открывается и захлопывается, оставляя нас с Пенни одних в доме. Остается лишь звук ее неровного дыхания.

Проходит мгновение, прежде чем я могу собраться с мыслями и спросить:

— Он? Ты жила с ним? — она только кивает, а по ее и без того опухшему лицу стекают новые слезы. Я должен, блять, оставить ее здесь... с ним. Она заслуживает этого. И все же, я не могу заставить свои дурацкие ноги двигаться.

Всхлипнув, она падает обратно на пол и сворачивается калачиком. Я пытаюсь заставить себя уйти и наслаждаться тем, как она разваливается на полу, сломанная и избитая. Все, что мне нужно, это уйти отсюда и оставить ее позади, покончить с ней... но я, черт возьми, не могу, и за это я ненавижу ее еще больше. Ненавижу ее за то, что она заставила меня волноваться.

Когда мои конечности возобновляют работу, я топаю мимо нее и прохожу через весь дом, пытаюсь найти спальню. Когда мне это удастся, я вижу наполовину полную сумку, лежащую на кровати. Я открываю шкаф и хватаю еще немного одежды, запихивая в сумку все, что могу. Когда она набита до отказа, я застегиваю молнию и перекидываю сумку через плечо.

Я возвращаюсь на кухню и иду к ней. Нагнувшись, я просовываю руки под ее маленькое, дрожащее тело и поднимаю ее. Не глядя на ее лицо, я несу ее к своему грузовику. Каким-то образом я открываю дверь, не опуская ее на землю. Усадив ее на пассажирское сиденье, я прохожу к своей стороне грузовика, бросая ее сумку на заднее сиденье.

— Тебе нужно к врачу? — спрашиваю я, садясь за руль. Я намеренно сохраняю свой голос монотонным, не желая, чтобы она знала, как сильно все это на меня повлияло.

— Нет, — хнычет она, когда я выруливаю на дорогу. *Спасибо, черт возьми.* Поход к врачу был бы сейчас настоящим затруднением.

Мы едем домой в тишине, и я все еще не решаюсь посмотреть на нее. Даже не могу заставить себя взглянуть на то место, где она сидит.

К тому времени, как мы подъезжаем к моему дому, даже ее хныканье и всхлипывания затихают. Я паркую грузовик, глушу двигатель и выхожу. Захватив ее сумку с заднего сиденья, я не обращаю внимания на то, что она вылезла из машины и последовала за мной внутрь.

Моджо обходит меня и направляется прямо к Пенни, поскуливая, когда видит ее. Я бросаю ключи на стойку и направляюсь в свою комнату, захлопывая за собой дверь. Я не могу в это поверить. Почему она была с этим членососом?

Боже, я должен был догадаться, что это он. Она продала меня и солгала, чтобы защитить его. Конечно, она осталась с ним. Возможно, она любила его даже тогда. Возможно, любит и сейчас. Иначе с чего бы ей так поступать? Почему еще она позволила ему так обращаться с ней? Пошел он и пошла она.

Когда метаться по комнате становится недостаточным, я сбрасываю ботинки и джинсы, заменяя их шортами и кроссовками. Покинув свою комнату, я спешу через дом, чтобы выйти через заднюю дверь. Как только дверь захлопывается за мной и мои ноги ступают на траву, я бегу.

Я напрягаю ноги, пока мои мышцы не начинают кричать, чтобы я остановился, но даже тогда я продолжаю бежать. Я бегу, пока мои легкие не начинают гореть, а сердце, кажется,

вот-вот разорвется. Только тогда, когда я уже довел себя до грани потери сознания, я сбавляю темп и возвращаюсь домой пешком.

Когда я возвращаюсь к дому, уже стемнело, я понятия не имею, как долго я бежал, но я уверен, что это был самый длинный забег в моей жизни. В доме все тихо, и только одна лампа горит в гостиной. Пенни свернулась калачиком на диване, Моджо раскинулся перед ней, даже не сдвинувшись с места при виде моего приближения.

Я опускаюсь на пол рядом с ним и провожу пальцами по его шерсти. Впервые с тех пор, как я нашел ее на полу в кухне, я заставляю себя посмотреть на Пенни. Действительно посмотреть.

Она спит, ее руки сложены под щекой, а губы слегка раздвинуты. Распухшая правая сторона ее лица приобрела черно-синий оттенок. Пряди волос прилипли ко лбу, и я не могу удержаться, чтобы не смахнуть их. Часть лица покрыта засохшей кровью, но больше всего беспокоит то, что ее дыхание кажется затрудненным. Черт, может, мне все-таки стоило отвести ее к врачу?

Я достаю аптечку из ванной и смачиваю тряпку. Тихо и осторожно я сажусь на пол рядом с диваном и начинаю очищать ее лицо. К счастью, она не просыпается. Не думаю, что смогу выдержать, если она будет наблюдать за мной, пока я занимаюсь этим. Черт, я не думаю, что вообще смогу выдержать ее взгляд на себе, и опять же, я не понимаю почему.

Почему это так тяжело для меня? Видя ее такой, я должен чувствовать себя лучше. Знание того, что она была с Томасом последние несколько лет, не должно иметь для меня значения. Все это не должно иметь для меня значения. *Она* не должна иметь для меня значения.

Когда я заканчиваю промывать ее раны, я поднимаюсь на ноги и натыкаюсь на журнальный столик позади себя. Шум будит ее, и ее глаза открываются. Она смотрит на меня, словно собираясь что-то сказать, но ее губы не шевелятся. Тогда я решаю заговорить вместо нее.

— Ты уверена, что тебе не нужен врач. Ты тяжело дышишь. Мне не нужно, чтобы ты умерла на моем диване.

— Я в порядке. Это просто ушиб ребра. Все будет хорошо, — говорит она, в конце ее голос ломается. — Я не умру из-за этого. Со мной все будет хорошо.

Я не уверен, пытается ли она убедить себя или меня.

Я уже собираюсь повернуться и уйти, когда она кашляет. Ее лицо искажается в маску боли, когда она закрывает рот рукой. Как только она отдергивает руку, я вижу ярко-красное пятно на ее ладони. *Гребаный Христос.*

— Ты не в порядке. Ты кашляешь кровью. Поехали, я отвезу тебя в неотложку.

— Я уверена, что все в порядке...

— Вставай, — рычу я, не давая ей закончить. Когда она пытается самостоятельно встать, я замечаю, как ей тяжело. Поскольку она едва может подняться на ноги, я хватаю ее под мышки, как ребенка, и осторожно тяну вверх.

Я помогаю ей дойти до грузовика, и мне приходится поднимать ее на сиденье. Она морщится при движении, но не жалуется.

— Ты упала с лестницы, поняла? — спрашиваю я ее, когда мы уже почти добрались до места. — Я не могу привлекать копов. Они сейчас пытаются найти что-нибудь, что можно на меня повесить.

— Поняла, — сразу же подтверждает она. Я беспокоюсь не столько о том, что Пенни

будет лгать, сколько о том, что какая-нибудь добропорядочная медсестра позвонит в полицию и скажет, что я ее избил.

Я хочу спросить ее, почему. Почему она осталась с ним, и почему она позволила ему уйти от ответственности за ее избивание. Действительно ли она так сильно любила его?

Столько вопросов, но я не осмеливаюсь задать их вслух, потому что, по правде говоря, я не хочу знать ответ, в основном потому, что я не готов его услышать.

Пенни

Как только женщина за стойкой регистрации увидела нас, она провела меня в отдельную комнату в задней части. Я не уверена, кого именно — Райдера или меня — она не хотела видеть в приемной. Возможно, нас обоих. Мое лицо выглядит так, словно я только что провела десять раундов с тяжеловесом. Райдер одет как обычно: ботинки, джинсы, темная футболка, демонстрирующая все его татуировки, и жилет с нашивками, говорящими всем, что он вице-президент байкерского клуба.

Я уверена, что единственная причина, по которой никто не вызвал полицию, в том, что у Райдера нет синяков на костяшках пальцев. Поэтому я рада, что он не ударил Томаса.

Мы были одни в маленькой комнате в течение, кажется, целой вечности. Я лежу на узкой больничной кровати, а Райдер сидит в углу комнаты на стуле, который кажется слишком маленьким для его крупной фигуры. Он также выглядит крайне раздраженным и раздосадованным тем, что находится здесь.

Тишина между нами тянется, как бесконечные крошечные белые плитки, из которых состоит потолок. Я начала считать их некоторое время назад, и мне уже дважды приходилось начинать сначала, потому что я забывала, на каком номере остановилась.

Наконец дверь открывается, и в палату входит женщина в халате. На вид она моего возраста, что является ярким напоминанием о том, какое будущее могло бы быть у меня, а не о том, где я сейчас.

— Привет, я Эми. Я буду вашей медсестрой сегодня, — говорит она.

— Привет, — говорю я так тихо, что мне кажется, она меня вообще не услышала.

— Мы собираемся поставить капельницу и дать вам обезболивающие препараты. И доктор придет и осмотрит вас, как только у нее появится возможность, — говорит медсестра, одаривая меня натянутой улыбкой. — Но сначала нам необходимо, чтобы вы сдали анализ мочи.

— Хорошо... — я поднимаюсь на кровати, не обращая внимания на резкую боль в боку.

— Я помогу вам дойти до ванной, — объявляет медсестра, на что Райдер вздыхает с явным раздражением. Медсестра либо не слышала, либо ей все равно. Она продолжает помогать мне подняться и выводит меня из палаты. У меня возникает желание взглянуть на Райдера по пути к выходу, чтобы уверить его, что я не собираюсь ничего говорить, но я не делаю этого, потому что не могу больше видеть ненависть и разочарование в его глазах.

Как только за нами закрывается дверь ванной, медсестра хватается меня за плечи и притягивает ближе.

— Вы можете рассказать мне, что произошло. Не бойтесь. Мы можем вызвать полицию в кратчайшие сроки. Я могу вывести вас отсюда прямо сейчас...

— Это был не он, — перебиваю я ее. — Он не избивал меня, и никто из его друзей тоже, если вы так подумали.

— Но кто-то же это сделал. Вы не падали с лестницы. Никто здесь вам не поверит.

— Они должны поверить, потому что это единственная история, которую они получают от меня.

Медсестра глубоко вздыхает, качая головой.

— Я отпущу вас только в том случае, если вы поклянетесь, что с этим парнем вы в

безопасности.

— Да, — мне не нужно думать над ответом, потому что я знаю, что с ним я в безопасности и всегда буду. — Он никогда не причинит мне вреда.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Это он спас меня и привез сюда, хотя я не хотела ехать.

— Что ж, я рада, что он привез вас. Мы хорошо позаботимся о вас здесь, — она искренне улыбается мне, и впервые за долгое время я тоже улыбаюсь. Я так давно не улыбалась, что это кажется мне чужим.

Она помогает мне сходить в туалет, и хотя я знаю, что ее работа — заботиться о людях, у меня возникает ощущение, что она сделала бы это, даже если бы это было не так. Это проявляется в том, как бережно она держит меня, следя за тем, чтобы я не чувствовала боли, когда двигаюсь. Ее прикосновения настолько успокаивающие и добрые, что искренность их переполняет меня, и я едва сдерживаю слезы. Ее забота и искреннее внимание ко мне, человеку, которого она не знает, заставляют мое сердце разрываться от неожиданной радости.

Когда мы закончили, она помогает мне вернуться в комнату и лечь на кровать. Я украдкой смотрю на Райдера, который бросает на меня суровый взгляд.

— Мне нужно, чтобы ты разделась и надела этот сексуальный наряд, — говорит она, протягивая мне больничный халат в бело-зеленую полоску. — Тебе помочь переодеться?

— Нет, спасибо. Я справлюсь, — она уже сделала достаточно, и я уверена, что у нее есть дела поважнее.

— Хорошо. Я собираюсь отнести это в лабораторию. Они просто сделают тест на беременность. Стандартная процедура, перед рентгеном.

При словах «тест на беременность» воздух вырывается из моих легких, а горло сжимается. У нас не раз был незащищенный секс, и я приняла таблетку экстренной контрацепции только в тот первый раз.

Эми, должно быть, замечает тревогу, написанную на моем лице.

— Как вы думаете, вы можете быть беременны? — спрашивает она.

— Я-я не знаю, — признаюсь я, не решаясь взглянуть на Райдера.

— Ну, для этого и нужен тест, — она кладет свою руку на мою и слегка сжимает прежде, чем повернуться, чтобы уйти. Она выходит из палаты, оставляя нас с Райдером наедине в тягостном молчании и ужасном напряжении.

Райдер

Тест на беременность. Два простых слова, которые заставляют мое сердце биться в неестественном ритме. Беременность подразумевает малыша, ребенка, родительство... Я — родитель. Маленькая больничная палата внезапно становится еще меньше, стены грозят поглотить меня целиком.

Я не дурак, я знаю, чем мы занимались. Я знаю, что незащищенный секс приводит к беременности, но когда я с Пенни, эта мысль напрочь вылетает у меня из головы. Неважно, насколько очевидна взаимосвязь между двумя этими вещами, эти две идеи не соединялись в моей голове до настоящего момента.

Уставившись на часы на стене, я наблюдаю за тем, как крутится стрелка. Каждый тик дразнит меня, напоминая о том, сколько времени я потратил впустую... сколько времени я теряю прямо сейчас. Сидя здесь, в этой комнате, с женщиной, которая разрушила мою жизнь и которая, возможно, растит внутри себя ребенка... нашего ребенка.

Краем глаза я наблюдаю, как она раздевается. Ее почти неслышное ворчание подсказывает мне, что она с трудом справляется сама. Зная, что она не попросит, я встаю и помогаю ей. Я стараюсь не смотреть на ее тело, я не хочу видеть ее избитой подобным образом. Мне становится физически плохо, особенно при мысли о том, что она может быть беременна. Если это так... Я выслежу этого ублюдка и прикончу его. Черт, я могу сделать это в любом случае.

Как только она облачается в больничный халат, я возвращаюсь обратно на стул и еще целую вечность жду появления доктора. Все это время мы едва смотрим друг на друга, оба избегаем зрительного контакта, насколько это возможно, каждый по своим причинам.

Когда дверь, наконец, открывается, и входит доктор, мое сердце бешено колотится о грудную клетку.

— Здравствуйте, — приветствует она нас обоих. Медсестра, которая была здесь раньше, входит в комнату следом за ней. — Я доктор Бэйли. Эми ввела меня в курс дела. Итак, вы упали с лестницы, да?

— Да, — Пенни кивает, но доктор хмурится на нее.

Она смотрит на нее так, словно говорит: «Я не верю ни единому вашему слову». Она постукивает ручкой по клипборду, который держит в руках, в ожидании момента, чтобы предоставить Пенни возможность заговорить.

Когда Пенни ничего не говорит, она, наконец, отступает.

— Хорошо... ваш тест на беременность отрицательный, поэтому мы сделаем рентген, чтобы убедиться, что вы ничего не сломали при падении.

Меня могло бы рассердить ее язвительное замечание, если бы не тот факт, что она сказала, что тест отрицательный. На меня накатывает волна облегчения. Мой пульс почти сразу же замедляется, оставляя в груди незнакомую и неожиданную тупую боль. Это почти как будто крошечная, разочарованная часть меня.

Смущенный и раздраженный, я запикиваю это чувство в самый темный угол своего сознания и сосредотачиваюсь на том, что продолжает говорить врач.

— Я собираюсь осмотреть вас. Для этого мне нужно, чтобы вы разделись. Вы не против, чтобы он был в комнате? — спрашивает врач, и я чуть не закатываю глаза. Пенни кивает, но

врач продолжает настаивать. — Я могу заставить его уйти, если так вам будет комфортнее.

— Нет, — на этот раз говорит Пенни. — Я хочу, чтобы он остался.

Ее слова врезаются в меня и оседают глубоко в груди. Не потому, что я удивлен ее словами, а потому, как она их произнесла. В них есть неоспоримое отчаяние. Словно она не просто хочет, чтобы я остался, — она нуждается в том, чтобы я остался.

Я судорожно сглатываю, в горле внезапно становится тесно.

— Хорошо, он может остаться, — говорит медсестра, и они с доктором помогают Пенни снять больничный халат.

— Итак, скажите мне, что сейчас болит больше всего?

— Мой бок... мои ребра, наверное, — говорит Пенни, указывая на свой правый бок.

— Я собираюсь прощупать здесь. Дайте мне знать, если станет слишком больно, хорошо?

Тихие хныканья Пенни заполняют тишину в комнате, и когда я уже не могу больше терпеть, я наконец-то перевожу взгляд туда. Она сидит на кровати, медсестра поддерживает ее, пока доктор осматривает ее. Синяки покрывают все ее лицо, руку и плечо, но самый страшный синяк находится на ребре.

Еще один прилив гнева проносится через меня, и я решаю, что выслежу Томаса. Он должен усвоить урок.

— Эми отведет вас в радиологию, и когда я получу рентгеновские снимки, мы приступим к дальнейшим действиям, — доктор что-то записывает на своем бланке, затем передает его медсестре и выходит из палаты.

Эми отсоединяет капельницу от держателя и присоединяет к кровати, в то время как раздается еще один стук в дверь. Через несколько секунд она открывается, и появляется седовласый мужчина.

— Извините, что прерываю. Я Чарльз из финансового отдела, — представился он и вошел в палату. — Мисс Дженкинс?

— Да, — скривилась Пенни, прежде чем прочистить горло, — это я.

— Я собираюсь отвести ее в радиологию. Это не может подождать, Чарльз? — Эми вмешивается, и я не упускаю нотку раздражения в ее словах.

— Это займет всего минуту. Политика больницы, — объясняет он. — Мисс Дженкинс, когда вы заполняли бланк, вы указали, что у вас нет медицинской страховки. Как бы вам было удобно оплатить ваш сегодняшний визит и лечение?

— Я... я не знаю, — отвечает Пенни, запинаясь и смущаясь.

— Мы предоставляем различные варианты оплаты. Вы можете внести часть денег сегодня, а остальное выплачивать частями. Если вы не в состоянии оплатить что-либо, мы можем лечить только то, что угрожает жизни...

— Мы оплатим сегодня, — прервал я его бредни.

Вытащив бумажник, я достал кредитную карту, которой редко пользуюсь, и протянул ему. В основном мы работаем с наличными, но у меня есть хорошая подушка безопасности на банковском счету.

Он без вопросов берет карту и проводит карточкой по специальному устройству на ноутбуке, который он держит в руках.

— Визит и базовый осмотр — 250 долларов. Любые другие анализы и процедуры, например, рентген, оплачиваются отдельно.

— Отлично, — говорю я ему. Он возвращает мне мою карту и просит расписаться на

маленьком цифровом планшете.

Он уходит как раз в тот момент, когда Эми выкатывает Пенни, но не раньше, чем они обе посмотрели на меня.

— Спасибо, — тихо говорит Пенни, а медсестра улыбается мне. Это далеко от тех смертельных взглядов, которые я получал до сих пор.

Дверь за ними закрывается, оставляя меня наедине с моими мыслями.

* * *

Пенни вернулась с рентгена почти через час, и мы все еще ждем результатов анализов. По крайней мере, они дали ей немного обезболивающих лекарств через капельницу. Она выглядит слегка потрясенной, но в то же время спокойной, ее дыхание ровное, и когда она тянется за водой, она не вздрагивает и не гримасничает от боли.

— Спасибо, еще раз, — шепчет Пенни, нарушая бесконечное, казалось бы, молчание между нами. — Я верну тебе деньги. Как хочешь... если все по-прежнему в порядке. Я имею в виду, если ты все еще хочешь этого.

Она говорит *«этого»*, но я уверен, что на самом деле она подразумевала *«меня»*.

Хочу ли я ее по-прежнему?

Правда в том, что я действительно не знаю...

Прежде чем я успеваю придумать ответ, доктор наконец входит в комнату, с папкой и клипбордом в руках.

— Извините за ожидание, ребята. Мы сегодня загружены, — оправдывается она. — Я только посмотрела ваши рентгеновские снимки.

Она подходит и встает рядом с кроватью Пенни.

— Все в порядке? — спрашивает Пенни.

— Ну... есть несколько моментов, которые нам нужно обсудить и просмотреть. Хорошая новость в том, что у вас перелом только одного ребра, *в этот раз*, — она делает небольшую паузу, доставая один из рентгеновских снимков. — Но я нашла ребра, которые были когда-то сломаны, но уже зажили.

Пенни молчит, не желая ничего говорить врачу. Вместо этого она просто слушает перечень всех своих травм. К счастью, большинство из них кажутся незначительными по сравнению с тем, что могло бы быть, если бы я не вмешался. Тем не менее, у нее так много синяков, что какое-то время она будет испытывать сильную боль.

— Я собираюсь отпустить вас домой, но вам нужно соблюдать постельный режим. Ваше ребро заживет само по себе, но вам нужно отдохнуть... и быть в безопасности, — говорит она, подчеркивая последнее слово.

— Я в безопасности, — шепчет Пенни, глядя вниз на свои руки.

Пенни

Долгое время я просто лежу на диване, вглядываясь в темноту и пытаюсь забыть о боли в теле.

Теперь, когда мы вернулись в дом, и у меня нет ничего, кроме тишины, чтобы составить мне компанию, я столкнулась со всем, что произошло за последние двадцать четыре часа.

Он пришел за мной.

Райдер пришел за мной. Он вытащил меня оттуда и отвез домой, даже после того, как понял, что это был Томми. У меня появилось желание пойти в его комнату и поговорить с ним. Объяснить, почему я осталась с Томми и почему я солгала все эти годы назад. Я хочу поблагодарить его и извиниться за все, что я с ним сделала... но я не делаю этого. Отчасти потому, что не думаю, что это будет иметь для него значение, а отчасти потому, что я попросту боюсь. Чего именно, я не знаю. Я просто боюсь.

Закрыв глаза, я пытаюсь заснуть, но боль не дает мне покоя. Теперь, когда действие лекарства из капельницы закончилось, боль пронизывает каждую клетку моего тела. Я не думаю, что есть часть меня, которая сейчас не болит.

Что еще хуже, мое горло сухое, как пустыня, мой желудок жаждет пищи, а мочевого пузыря кричит, требуя освобождения. Мне нужно встать, даже если каждое движение будет причинять боль. Если я не буду есть и пить, мое восстановление займет еще больше времени.

Ухватившись за спинку дивана, я подтягиваюсь на руках, стараясь держать туловище прямо и не напрягать пресс. Я скрежещу зубами и стону от боли, когда поднимаюсь в сидячее положение. После короткой передышки я заставляю себя подняться на ноги. Голова кружится, колени дрожат, но я иду на кухню, включаю свет и беру стакан из шкафа.

Включив кран, я наполняю стакан водой и выпиваю его практически залпом. Я поворачиваюсь, чтобы поставить стакан на стойку, но мое движение оказывается слишком резким, и острая боль пронзает мой бок. Мои пальцы дрогнули, и скользкий стакан выскользнул из моей руки, разбившись на миллион осколков. *Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.*

Машинально я наклоняюсь, чтобы убрать беспорядок, который я только что устроила, но меня останавливает мое собственное тело, так как боль пронзает меня насквозь. Из моего горла вырывается вскрик, и мне приходится держаться за стойку, чтобы удержаться на ногах.

Дверь спальни распаивается, и большое тело Райдера заполняет пространство.

— Какого черта ты делаешь?

— Я... просто хотела... взять... немного воды, — объясняю я между всхлипами.

— Не двигайся, мать твою, — рычит он и подходит к тому месту, где я стою. Осторожно, чтобы не наступить на осколки стекла, он подходит как можно ближе и протягивает мне руку. — Давай, — грубо приказывает он, и я беру его руку.

В отличие от его резкого тона, его прикосновение нежное, когда он тянет меня за руку и помогает мне переступить через стекло. Он помогает мне вернуться к дивану и жестом просит меня лечь.

— Мне нужно в туалет, — шепчу я. Райдер вздыхает, но, к моему очередному удивлению, не делает мне язвительного замечания. Вместо этого он ведет меня в ванную, двигаясь медленно, чтобы я могла делать маленькие шаги. Когда я оказываюсь перед унитазом, он даже помогает мне стянуть штаны для йоги. Если бы это был кто-то другой, я

бы, наверное, смутилась, но поскольку Райдер неоднократно видел меня голой и вблизи, я даже не краснею.

— Сходи в туалет. Я вернусь через несколько минут. Не пытайся встать сама, — приказывает он и выходит из комнаты.

Я делаю свои дела и остаюсь сидеть на унитазе, ожидая его возвращения. Через некоторое время он возвращается, держа в руке стакан с водой.

— Возьмите это, — говорит он, протягивая мне свободную руку. В центре его ладони лежит большая белая таблетка, и я без вопросов хватаю ее. Я кладу ее на язык и делаю глоток воды, которую он мне протягивает. Я не понимаю, почему он так мил и заботлив, но жаловаться не собираюсь.

Он помогает мне подняться и одеться, а затем берет меня за руку и ведет в свою спальню. Я смущена, но не жалуясь, когда он направляется к своей кровати. Медленно, с поддержкой Райдера, я опускаюсь на мягкий матрас.

— Спасибо, — тихо говорю я, удобно устроившись. Он ничего не произносит в ответ, только ворчит и уходит. Хотя я не могу видеть его со своего места, я слушаю, как он идет на кухню, открывает холодильник, собирает какие-то продукты и начинает готовить еду. Я подумываю спросить его, можно ли мне что-нибудь поесть, но решаю не испытывать судьбу. Сегодня он сделал для меня больше, чем я когда-либо ожидала от него. Больше, чем я заслуживаю. Я не буду просить его ни о чем другом, даже если проголодаюсь.

Через несколько минут Райдер снова появляется передо мной, ставит тарелку и бутылку с водой на тумбочку.

— Ешь, пей, а затем ложись спать, — рычит он, прежде чем повернуться и снова уйти.

Дверь спальни захлопывается за ним, и мне сразу же начинает не хватать его присутствия в комнате. Пространство кажется более холодным, пустым без него. Я подавляла мысль о том, чтобы стремиться к компании Райдера, наслаждаться его прикосновениями и позволять ему защищать меня. После сегодняшнего дня эти мысли и чувства сложнее игнорировать.

Он пришел за мной, помог мне, защитил меня, отвез в больницу и даже ухаживал за мной здесь. Теперь мне осталось выяснить его мотивы. Действительно ли ему не все равно, или он делает это только потому, что я ему должна, и он хочет, чтобы я отработала деньги?

У меня в голове крутятся вопросы без ответов, пока я откусываю крошечные кусочки от сэндвича, который он мне приготовил. Каждый кусочек тяжело ложится в мой пустой желудок. Примерно на половине бутерброда я замечаю, что ко мне подкрадывается странное чувство. Мой разум немного затуманивается, а конечности становятся тяжелее и менее подвижными. Боль в теле как будто ослабевает, пульсация в голове притупляется, а резкое жжение в грудной клетке уменьшается.

Я предположила, что таблетка, которую он мне дал, была каким-то обезболивающим или снотворным, но я не ожидала, что она подействует так хорошо. Что бы он мне ни дал, боль почти прошла через несколько минут. Отодвинув остатки сэндвича в сторону, я откидываюсь на подушки и закрываю глаза, мой разум почти сразу же отключается. Вся физическая и душевная боль исчезает буквально сразу, как только лекарство распространяется по моему телу и приносит мне долгожданное облегчение.

Райдер

Пенни спит, пока я бегаю, принимаю душ и завтракаю. Я позволяю ей, зная, что она нуждается в отдыхе.

Будучи добрым самаритянином, я даже готовлю ей яичницу. Выложив яичницу на тарелку, я ставлю ее на тумбочку вместе с еще одним перкоцетом¹ и стаканом яблочного сока.

Я говорю себе, что единственная причина, по которой я делаю это для нее, заключается в том, что я не хочу, чтобы она разбила еще больше дерьма. Я стараюсь не думать о действительности. О том, что я чувствую, заботясь о ней подобным образом. Я не понимаю, почему я это делаю. Только знаю, что это довольно приятное чувство. Мне нравится, что она нуждается во мне, зависит от меня.

Мне это слишком нравится, но я ненавижу то, что это связано с ней. Почему это не может быть кто-нибудь другой, кто заставляет меня чувствовать то же самое? Кто-нибудь другой...

Болезненный стон отвлекает меня от моих мыслей.

Она открывает глаза и смотрит на меня, растерянная и дезориентированная. Оглядевшись вокруг, она понимает, где находится, но растерянность не покидает ее лица.

— Я помогу тебе сесть, чтобы ты могла поесть.

Она слегка кивает, я просовываю руку под ее тело и поднимаю ее, подталкивая к изголовью кровати. Я протягиваю ей лекарство и сок, наблюдая, как она принимает их без колебаний.

Когда я протягиваю ей яичницу, она сразу же начинает есть. Я обхожу кровать и осторожно сажусь рядом с ней, не желая оставлять ее.

— Где ты спал? — спрашивает она между крошечными укусами.

— На диване, — признаюсь я, наблюдая, как ее глаза расширяются от шока. — Я не хотел случайно сдвинуться и причинить тебе боль.

— Почему ты так хорошо ко мне относишься?

— Я не знаю, — честно отвечаю я. Я не знаю, почему я чувствую эту потребность защищать ее, заботиться о ней и держать ее при себе. Все, что я знаю, это то, что я это делаю.

— Почему ты заняла деньги в клубе?

— Я не занимала. То есть, да, но я не знала.

— И что это должно означать?

— Томми не разрешал мне выходить из дома, но иногда он приводил людей. Своих друзей. Они конечно все знали, но никто никогда не предлагал мне никакой помощи до одной ночи. Его друг, Райан, сказал мне, что он может помочь мне уйти. Я подумала, что Томми попросил его сказать это, что-то вроде проверки, но я была готова рискнуть. Так что я согласилась.

Я молчу, пока она продолжает:

— Несколько дней спустя, когда Томми был на работе, Райан пришел и забрал меня. Он выбил дверь и заставил меня пойти с ним. Я не знала, куда мы идем. Была ли я в безопасности или просто обменяла своего тюремщика. Он припарковал машину в каком-то

переулке, и мы встретились с парнем, одним из твоих парней. Райан сказал ему, что я хочу занять пять тысяч.

Да вы, должно быть, издеваетесь надо мной.

— Прежде чем я поняла, что происходит, парни вручили ему пачку денег, — продолжает она. — Райан взял их и засунул в карман. Он сказал мне, что это его плата за то, что он вытащил меня. Затем он сел в свою машину и уехал.

В голове сразу же появляются все способы, которыми я собираюсь его покалечить. Необходимость отомстить, как-то исправить ситуацию с Пенни, одолевает меня.

У меня есть имя, я знаю, с кем он общается. Выследить его будет легко. Я заставлю его заплатить, и это доставит мне удовольствие.

* * *

Как я и предсказывал, найти его было несложно.

Я подождал, пока Пенни снова отключится, и позвонил Мэддоксу, чтобы он помог мне выследить этого Райана. Как только он прислал мне адрес, я уехал, оставив Моджо охранять Пенни.

Когда я подъехал к его дому, уже стемнело, но свет из окон подсказал мне, что он дома. Я глушу двигатель и выхожу из машины.

Когда я обхожу дом и заглядываю в окно, я не могу поверить своей удаче. Томас тоже там. Он полулежит на диване, в руке у него контроллер X-Вок. Райан сидит рядом с ним.

Отлично, я получил специальное предложение «два по цене одного».

Прокравшись к задней части дома, я достаю пистолет. Заднюю дверь, похоже, достаточно легко выбить, но прежде чем сделать это, я берусь за ручку двери и пытаюсь проверить, не заперта ли она. Я поворачиваю ручку и толкаю дверь.

Идиоты.

Улыбнувшись, я прохожу в его дом незамеченным и тихо закрываю за собой дверь. Я слеую за голосами, доносящимися из гостиной, пока не встаю в дверях с поднятым пистолетом.

Двое тупиц так увлечены своей игрой, что даже не замечают меня, стоящего в нескольких футах от них.

— Извините, что прерываю вашу вечеринку, — усмехаюсь я.

Томас и Райан вскакивают с дивана, на их лицах написаны шок и страх. Райан тянется к чему-то позади себя, но я быстрее. Я спускаю курок, и пуля простреливает его плечо.

Он стонет и падает обратно на диван, держась за то место, куда я только что выстрелил.

Прежде чем Томас успевает сделать шаг, я опускаю пистолет и снова нажимаю на курок, попадая ему в правое колено.

— Ублюдок! — кричит он и падает на пол.

Когда я вижу, что Райан снова потянулся за чем-то, я шагаю вглубь комнаты и направляю на него пистолет. Он замирает, а я обхожу журнальный столик и подхожу к тому месту, где он сидит. Подойдя к нему сзади и направив пистолет ему в голову, я вытаскиваю Glock из его пояса и отступаю назад, засовывая пистолет в куртку.

— Что тебе нужно? — простонал Райан, кровь пропитала всю переднюю часть его рубашки.

— Мне нужны мои пять тысяч, — лгу я. Сейчас мне плевать на деньги. — У тебя ведь нет такой суммы наличными, не так ли?

— Я не занимал их. Это сделала Пенни.

В тот момент, когда слова покидают его рот, я набрасываюсь на него. Мои кулаки летят, ударяя его прямо в челюсть. Его голова откидывается назад с такой силой, что я думаю, что мог сломать ему шею.

— Не смей произносить ее гребаное имя! Вообще-то, лучше вообще ничего не говори.

— О чем, черт возьми, он говорит? — простонал Томас лежа на полу.

— Ты не знал, что твой друг — тот, кто забрал Пенни из твоего дома? Не волнуйся, он не выйдет отсюда живым... и ты тоже.

* * *

Я не собирался убивать ни одного из них, но это все равно произошло. Я убил их, и ни капли не жалею об этом. Я наслаждался процессом, смаковал, как жизнь вытекает из их глаз, особенно у Томаса. В тот момент, когда он испустил последний вздох, с меня словно свалился груз. До этого момента я не понимал, как сильно я ненавидел его.

По дороге я отправил сообщение бригаде уборщиков. Они позаботятся об этом. Теперь мне нужно только объяснить все это Мэддоксу. Проблема в том, что я не знаю, как это сделать. Как мне объяснить, почему я убил его, не солгав своему лучшему другу?

Технически, Райан был тем, кто задолжал клубу деньги, но мертвецы не в состоянии расплатиться. Я должен был избить его и сказать, чтобы он вернул наши деньги, а не пускать ему пулю в мозг. И у меня нет оправдания убийству Томаса, кроме того, что я хотел этого. Не то чтобы клуб это волновало.

Словно он услышал, что я думаю о нем, мой телефон завибрировал, а на экране высветилось имя Мэддокса. Я нажимаю на зеленую кнопку.

— Да...

— Что, блять, с тобой творится? — сердитый голос Мэддокса раздается в трубке.

— Слушай, эти ублюдки заслужили это.

— Это не ответ на мой вопрос, — огрызается Мэддокс.

— Я знаю. У меня самого нет всех ответов. Ты можешь просто довериться мне в этом? Мне нужно было убить их ради собственного рассудка. Это длинная история, и я обещаю, что все объясню, но не сегодня, хорошо?

— Ты знаешь, что я доверяю тебе, но в последнее время ты ведешь себя странно. Не похожим на себя.

Я чувствую себя не похожим на себя.

— Теперь все кончено. Их смерть — это конец. Теперь нам осталось выяснить, кто из братьев нас обворовывает, и все вернется на круги своя.

— Если ты так говоришь... — звонок обрывается, и я бросаю телефон обратно на пассажирское сиденье.

Черт. Это выходит из-под контроля.

Через несколько минут я подъезжаю к своему дому. Заглушив двигатель, я сижу в машине несколько минут, прежде чем выйти.

Тихо прохожу через дом и захожу в спальню. Пенни все еще лежит в постели и выглядит так, будто она вообще не двигалась.

Когда я смотрю на ее спящую фигуру, мне кажется, что что-то изменилось. Я чувствую себя по-другому. Менее тягостным, менее злым по отношению к ней. Теперь, когда Томас мертв, мне стало легче. Я так долго винил ее, хотя на самом деле это была его вина. Теперь он расплатился. Долг погашен.

Вопрос только в том, что нас ждет дальше? Что будет между мной и Пенни? Могу ли я и

дальше позволять ей думать, что она мне должна, только чтобы удержать ее здесь?

Раздевшись, я забираюсь на кровать рядом с ней. Она вздрагивает, и ее глаза открываются, она встревоженно оглядывается вокруг. Она поднимается с кровати, но потом видит меня, и ее паника отступает. Ее голова падает обратно на подушку.

Я ложусь, поворачиваюсь на бок, чтобы видеть ее. Даже в тусклом свете я могу различить синяки на ее лице, напоминающие мне, что сегодня я поступил правильно.

— Томми мертв, — говорю я, прежде чем успеваю остановиться.

Я слышу ее резкий вдох, и на долю секунды я начинаю беспокоиться. Беспокоюсь, что она начнет оплакивать его, будет плакать из-за него, но когда я изучаю ее лицо, на нем нет ничего, кроме облегчения.

Она не спрашивает, как это случилось. Возможно, ей все равно, а возможно, в глубине души она знает ответ. В любом случае, через несколько минут она закрывает глаза, ее черты смягчаются, становясь спокойными, почти ангельскими. Ее дыхание выравнивается, давая мне понять, что она снова заснула.

Несмотря на то, что я доволен сегодняшним исходом, я не могу уснуть. Я подолгу смотрю на нее и задаюсь вопросом, что, черт возьми, мне с ней делать. Она не в долгу передо мной, возможно, она никогда и не была в долгу, но я не думаю, что в силах отпустить ее, невзирая на обстоятельства.

Пенни

В последующие несколько дней Райдер оставляет меня в покое, ничего от меня не требуя, пока я выздоравливаю. Когда он дома, он не говорит ни слова и почти не смотрит на меня. Я не знаю, потому ли это, что он злится, или потому, что в таком виде я кажусь ему отталкивающей. Каждый раз, когда я гляжу в зеркало, я думаю, что это последнее. Отек уже почти сошел, но фиолетово-черные синяки приобрели уродливый желто-коричневый цвет.

К этому добавилось то, что Райдер сказал мне той ночью в своей постели. *Томми мертв*. Мне не нужно было спрашивать его, правда ли это. Я поняла это сразу, как только он мне сказал. Я почувствовала это — огромный груз свалился с моих плеч.

Я хочу спросить его, как это произошло, но я слишком боюсь ответа. Я уверена, что Райдер имеет к этому какое-то отношение. Возможно, он послал одного из своих парней сделать это. Я не могу заставить себя жалеть Томми после всего, что он со мной сделал. Он заслужил это.

Возможно, это делает меня ужасным человеком. Радоваться тому, что кто-то мертв, кажется ужасным поступком. Но я ничего не могу с собой поделать, вместо раскаяния я чувствую себя... свободной.

Даже если Райдер ведет себя так странно, я более чем благодарна ему за то, что он позволил мне остаться здесь. После того, как я ушла от Томми и попала в женский приют, я так и не смогла нормально выспаться, не могла расслабиться и чувствовать себя в безопасности. Даже в окружении других людей я всегда боялась, что он найдет и убьет меня. А здесь я не боюсь, когда в доме есть Райдер и Моджо. Райдер, может, и не прекрасный принц, но, по крайней мере, он не навредит мне и не позволит никому другому навредить мне, а это гораздо больше, по сравнению с тем, к чему я привыкла.

Днем я принимаю адвил², и каждый вечер Райдер дает мне одну из тех волшебных таблеток, от которых все проходит и я могу спокойно спать.

Мои ребра тоже чувствуются значительно лучше, что позволяет мне двигаться гораздо легче. Поэтому я решаю встать и приготовить еду, пока Райдера нет дома.

Как раз когда я заканчиваю жарить свиные отбивные и запекать картофель, открывается задняя дверь, и входит Райдер. Он смотрит на меня, стоящую на кухне, пока Моджо приветствует его у двери.

— Чувствуешь себя лучше, я вижу, — пробормотал он, садясь за стол. — Ты наконец-то сможешь продолжать выплачивать свой долг?

Я тяжело сглатываю, прежде чем ответить:

— Да... — крошечная частичка страха поднимается в моем животе, но ее быстро сменяет волнение. Похоже, он все еще хочет меня.

Выкладывая еду на тарелку, я беру пиво из холодильника и несу ему. Поставив их перед ним, я наблюдаю, как он делает глоток пива, а затем возвращаюсь на кухню и накладываю еду на свою тарелку.

Когда я сажусь за стол с едой перед собой, Райдер продолжает:

— Это хорошо, потому что у меня есть для тебя работа. Мне нужно, чтобы ты пошла со мной в клуб сегодня вечером.

При его словах я резко вдыхаю. Вилка выскользывает из моих пальцев и со звоном

ударяется о тарелку.

— Но... но ты сказал...

— Не трахаться с кем-то другим, — уточняет он. — Мне нужно, чтобы твой мощный мозг сделал для меня несколько быстрых вычислений, и мне нужно, чтобы ты сделала это тихо, так, чтобы никто не заметил. Ты сможешь это сделать?

— Да, — уверенно отвечаю я. Это единственное, что я действительно могу сделать.

— Ты будешь присутствовать на совещании. Я хочу, чтобы ты мысленно подсчитала все цифры, которые тебе скажут, и убедилась, что они сходятся. Если это не так, ты попросишь меня что-нибудь выпить.

— Хорошо, — я больше не задаю никаких вопросов, в основном потому, что знаю, что он все равно не ответит.

Мы заканчиваем ужинать в тишине, и когда я встаю, чтобы убрать посуду, Райдер останавливает меня.

— Нам нужно идти, и мы возьмем мотоцикл, так что бери шлем и пошли, — он указывает на черный шлем, лежащий на столике у входа рядом с дверью. Он хочет, чтобы я поехала с ним на мотоцикле?

Через десять минут я выхожу через заднюю дверь и получаю ответ. Райдер перекидывает ногу через грозный и опасный на вид мотоцикл.

— Залезай.

Натянув на голову шлем, который он заставил меня взять, я застегиваю маленькую застежку под подбородком, прежде чем перекинуть ногу через мотоцикл. Неустойчиво держась на одной ноге, мне приходится придерживаться за его плечи, пока я располагаюсь позади него. Не зная, что делать, я оставляю несколько дюймов пространства между нами, сидя прямо и пытаюсь найти что-нибудь, за что можно было бы ухватиться, но только не за Райдера.

— Подвинься ближе и обхвати меня руками, если не хочешь упасть, — наконец говорит он, в его голосе сквозит нотка веселья.

Я выполняю его приказ, двигая задницей, пока моя промежность не оказывается вровень с задом Райдера. Сначала я лишь слабо обхватываю его руками, но как только он заводит мотоцикл, вызывая громкий гул и вибрацию, я вцепляюсь в него, словно железные кандалы. Я не слышу его из-за громкого шума, но я чувствую его живот под своими руками, и я знаю, что он смеется надо мной.

Всю оставшуюся часть поездки я провела в состоянии страха и восторга. Я никогда раньше не ездила на мотоцикле, и это довольно яркий опыт. Когда мы подъезжаем к тому же клубу, из которого Райдер забрал меня две недели назад, весь восторг испаряется, и я остаюсь с глубоко укоренившимся страхом.

— Ты помнишь, что должна делать? — спрашивает Райдер, когда я сползаю с мотоцикла позади него.

Я снимаю шлем и отвечаю:

— Да, прокрутить в голове все цифры и убедиться, что они верны. Если нет, я попрошу у тебя, могу ли я что-нибудь выпить.

— Хорошая работа. Пошли, — говорит Райдер и начинает слезать с мотоцикла.

Прежде чем подумать об этом, я протягиваю руку и хватаю его за бицепс, крепко сжимая, чувствуя, как он напрягается под моим прикосновением. Его тело напрягается от того, как я держу его, но мне нужно знать. Я должна быть уверена, что он защитит меня

сегодня.

— Никто там не собирается навредить мне, верно? Ты все время будешь рядом со мной, — при моих словах он расслабляется, его тело смягчается.

— Да, никто не навредит тебе, пока ты делаешь то, что я говорю, — заверяет он меня. Мы направляемся к двери, но перед самым входом Райдер на мгновение останавливается. — И еще одно. Если кто-нибудь спросит тебя, веди себя так, словно именно я сделал это с твоим лицом.

— Почему? — почему он должен брать на себя ответственность за это?

— Просто, блять, сделай это, — он закатывает на меня глаза.

Когда мы входим, в моей голове проносятся воспоминания о том, как меня впервые привели в это место. Тогда мне было страшно, я думала, что умру. Мне и сегодня страшно, но не так, как раньше. В глубине души я знаю, что Райдер защитит меня, он всегда защищал меня, даже когда я этого не заслуживала.

Несмотря на то, что многое изменилось с тех пор, как я была здесь в последний раз, бар остался прежним. Запах тот же, люди те же, черт, кажется, большинство из них одеты в ту же одежду. Все взгляды устремлены на меня, пока я следую за Райдером по клубу, как потерянный щенок.

Каждый раз, когда мы проходим мимо одной из немногих женщин здесь, они окидывают меня мерзкими взглядами и бросают в меня колючие взгляды. Я не знаю, почему. Потому ли, что я здесь с Райдером, или просто потому, что они знают, что мне здесь не место? Все остальные девушки здесь одеты сексуально и вызывающе, на высоких шпильках и с эффектным макияжем. В своих леггинсах и розовой кофте с длинным рукавом я не могла быть более неуместной.

Еще хуже, чем смертельные взгляды женщин, — это взгляды мужчин, которые шарят по моему телу, словно я какой-то экспонат. Мне кажется, что я выставлена напоказ, и, возможно, так оно и есть.

Райдер останавливается так внезапно, что я налетаю на него и врезаюсь лицом в его мускулистую спину. Моя все еще ушибленная щека пульсирует от удара, и моя рука мгновенно поднимается, чтобы погладить больное место.

— Смотри, куда идешь, сука, — рявкнул на меня Райдер. От резкости и ледяного тона его голоса мой позвоночник напрягается от страха. Он никогда не говорит со мной так. Он никогда не называет меня иначе, чем маленькая сова. Это не тот Райдер, которого я знаю, и я не думаю, что он мне нравится... Он мне вообще не нравится.

Райдер

Я оглядываюсь на Пенни и вижу, что она смотрит на меня так, словно я только что дал ей пощечину. Я делал с ней всякие гадости, но никогда не говорил с ней так, и сейчас это оставляет горький привкус на языке.

— Наконец-то, — зовет Хак и подходит к нам, схватившись свободной рукой за промежность, а другой держа бутылку пива. — Я думал, ты никогда не вернешь ее и не поделишься с нами.

— Не верну, — говорю я ему, вытянув руку, чтобы он не смог подойти ближе. — Она все еще моя, и мне нравится трахать ее без презерватива на члене. Так что никто не трахнет ее, пока я не закончу. Я не хочу подхватить какую-нибудь из ваших болезней.

Хак откидывает назад голову и смеется.

— Ты гребаный мудака, ты знаешь это?

О, я, блять, знаю.

— Ладно, я подожду, — говорит он, облизывая губы и напоследок бросая на нее взгляд.

Ты напрасно ждешь. Я никому не позволю к ней прикасаться.

— Райдер, — зовет Мэддокс и приглашает меня за свой стол, где уже сидят он и еще трое наших братьев. Брэдли, самый младший из моих братьев, а также один из самых умных. Он занимается всеми нашими наблюдениями и техническими вопросами. Еще есть Трик, наш надежный механик, и Медведь, наш седовласый брат, который больше похож на дровосека, чем на байкера.

Не оглядываясь, я подхожу к ним и занимаю свободный стул. Я знаю, что Пенни следует за мной. Не только потому, что я велел ей, и я знаю, что она послушается. Я чувствую ее присутствие, ощущаю ее тепло, вдыхаю запах ее сладости, витающий в воздухе.

Пенни садится рядом со мной, выглядя нервной, как никогда, и она еще даже не знает самого худшего. Может, это была плохая идея, может, мне следовало предупредить ее. Ну, черт, теперь уже слишком поздно.

— Ты привел свою зверушку, как я вижу, — говорит Мэддокс, оглядывая Пенни с ног до головы. — Что случилось с ее лицом?

Я пожимаю плечами.

— Зверушка не слушалась, и мне пришлось преподать ей урок. Вот как нужно дрессировать домашних животных, верно? Бить их скрученной газетой?

— Должно быть, это была тяжелая газета, — Трик хихикает, и остальная часть стола разражается смехом, а я сижу и пытаюсь изобразить улыбку на губах. Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, насколько сильно я сейчас взбешен.

— Ты заодно тычешь ее носом в мочу? — шутит Брэдли, и еще больше смеха прокатывается по толпе, только раззадоривая медведя. Я — медведь.

Мэддокс смотрит на меня, его бровь слегка приподнята. *Черт.* Он слишком хорошо меня знает. Мне никогда не удавалось ничего от него скрыть. Сегодня этот факт раздражает меня до смерти. Я бросаю взгляд на Пенни и вижу, как она нервно ерзает на месте. Затем она останавливается, ее тело становится неподвижным, и она стоически сидит в своем кресле.

Я прослеживаю за ее взглядом и, что неудивительно, вижу Такера, идущего к нашему

столику. Его взгляд мгновенно останавливается на миниатюрной женщине рядом со мной. На его губах играет зловещая ухмылка, и впервые я надеюсь, что Мэддокс прав, и Такер нас надувает. Только так я смогу избежать наказания за его убийство.

— Я не знал, что теперь мы можем приводить секс-рабынь на собрания, — говорит Такер, его внимание по-прежнему приковано к Пенни.

— Давай уже, черт возьми, подбивай цифры, чтобы мы могли выпить, — рычу я, зарабатывая еще один взгляд от Мэддокса.

— Ладно, — Такер кладет стопку бумаг на стол и достает калькулятор из внутреннего кармана своей куртки. — В понедельник утром мы получили 3400, вечером — 8300, отнимаем 80 %, делим на 14 братьев, остальное кладем обратно в банк... — он вбивает цифры за каждый день в калькулятор и делает пометки на бумаге.

После того, как он проанализировал всю неделю, он говорит:

— Итого, 91 250 долларов, 20 % возвращаются в банк, остается 73 тысячи. Делим на 14, значит, каждый брат получает \$5,214.

Такер все еще говорит, когда я чувствую, как мягкие пальцы Пенни осторожно касаются моей руки. Ее прикосновение, настолько мягкое, что щекочет, и вызывает мурашки по коже. Я наклоняю голову в ее сторону, давая ей понять, что слушаю, но не смотрю на нее. Мои глаза не отрываются от Такера.

— Можно мне что-нибудь выпить... пожалуйста, — говорит она, едва ли достаточно громко, чтобы люди слышали. Ее слова подтверждают то, что я подозревал. Гребаный Такер, обдирает нас. Думает, что он такой умный.

Все, что я хочу сделать, это позвать его, схватить за горло и использовать его лицо в качестве груши для битья следующие двадцать минут, но я знаю, что не могу. Мне необходимо действовать умно, и мне определенно нужно поговорить с Мэддоксом, прежде чем что-то предпринимать.

— Брэдли, принеси ей выпить, — приказываю я брату, который смотрит на меня так, словно я только что попросил его разгадать неразрешимую загадку.

— Я не официант, особенно для какой-то сучки, — фыркает он.

Едва сдерживая себя, я выдавил:

— Оторви свою гребаную задницу и принеси ей выпить, пока я не выбил твои зубы.

— Господи, чтоб тебя, Райдер, — кричит Брэдли, но, слава богу, встает и уходит в сторону бара.

— Трогательно, трогательно, — усмехается Такер.

Брэдли возвращается через минуту, ставит стакан с какой-то на вид фруктовой жидкостью перед Пенни и бутылку передо мной.

— Я прихватил для тебя пиво. Может, это улучшит твоё гребаное настроение.

Сомневаюсь. Но я все равно беру пиво и опустошаю половину. Мне действительно нужно успокоиться, пока я не наделал глупостей. Что-нибудь, что я не смогу исправить.

Все за столом вступают в разговор. Брэдли рассказывает о телке, которую он трахнул вчера за своим спортзалом, а Трик клянется, что трахал ту же телку на прошлой неделе. Мэддокс говорит с Такером об усовершенствованиях, которые он хочет сделать для своего байка, а Медведь говорит о том, что эти усовершенствования только добавят ненужный вес.

Мэддокс время от времени бросает в мою сторону взгляд, говорящий, что мы поговорим об этом позже, а Пенни сидит рядом со мной неподвижно, как доска, и потягивает свой уже наполовину пустой напиток.

— Итаак, — громко говорит Брэдли, привлекая внимание всего стола. — Помните, я рассказывал вам о новом наркотике? Который безвкусный и растворяется в жидкости, — он ухмыляется, глядя прямо на меня. Я замираю. Он, блять, не мог. Я едва не швыряю бутылку пива через всю комнату.

— Успокойся, ублюдок, — он смеется. — Я не подсыпал его в твое пиво, — его взгляд переходит на Пенни. — Я подсыпал в ее.

— Ты что, блять, издеваешься? — рычу я, поднимаясь так быстро, что стул, на котором я сидел, рухнул на пол позади меня.

Брэдли закатывает глаза... он закатывает свои гребаные глаза. Я в бешенстве. Мой разум отключается, и в следующее мгновение я оказываюсь на другом конце стола, обхватив руками горло Брэдли.

— Райдер! — кричит Мэддокс, хватая меня за руку и оттаскивая назад. Я чувствую на себе другие руки, пытающиеся оттащить меня, но мои пальцы так крепко обхватили горло брата, что они не могут заставить меня двигаться.

Лицо Брэдли приобретает красновато-синеватый оттенок, а его глаза выпучиваются, когда до меня наконец доносится голос Мэддокса:

— Райдер, прекрати это, мать твою. Просто убери эту цыпочку отсюда.

При нападении о том, что Пенни находится здесь, туман вокруг моего сознания медленно рассеивается, и я толчком отпускаю Брэдли. Он падает обратно в кресло, а я делаю шаг назад, осматривая сцену перед собой.

Блять. Блять. Блять.

Все глаза устремлены на меня. Все смотрят на меня так, словно я сошел с ума. Наверное, так оно и есть.

Взглянув направо, я обнаруживаю, что Пенни все еще сидит в своем кресле, ее большие голубые глаза остекленели, напиток с наркотиком все еще в ее руке. Я забираю его у нее и швыряю стакан на стол.

Затем я хватаю ее за руку и поднимаю на ноги. Не знаю, то ли наркотик уже подействовал, то ли от испуга у нее подкосились ноги. В любом случае, ей нужна моя помощь, чтобы идти. Я наполовину несу ее через бар, ее короткие ноги не могут угнаться за моими длинными шагами.

Я направляюсь к входной двери, но вспоминаю, что приехал сюда на мотоцикле. Она ни за что не сможет удержаться. Я действительно не хочу оставаться здесь, но сейчас это мой лучший вариант. Протащив ее через заднюю часть бара, я веду ее в свою комнату, ту самую, в которую я привел ее в ту первую ночь.

Зайдя внутрь, я закрываю за нами дверь и веду ее к кровати. Как только я отпускаю ее, она падает, как тряпичная кукла. *Блять.*

Мгновение я просто стою, возвышаясь над ней. Ее тело выглядит изможденным, и я не думаю, что она может двигаться, но ее глаза все еще открыты, и они прикованы к моим. Даже сквозь дымку наркотиков в ее организме, ее взгляд таит в себе океан эмоций, и я чувствую, что тону в их глубинах. Я не понимаю половины из них. Одна, однако, выделяется... страх. Я пугаю ее. Она боится меня, и у нее есть на это полное право. Тем не менее, какая-то часть меня хочет стереть этот страх.

Ирония судьбы не проходит мимо меня. Все это время я хотел сломать ее. Я хотел, чтобы она меня ненавидела и боялась. Теперь, когда она боится, все, чего я хочу, — это оберегать ее.

Я раздеваю ее вялое тело. Ее дыхание сбивается, когда я добираюсь до нижнего белья, и ее рука поднимается, словно она пытается оттолкнуть меня. Она так слаба; сейчас она не смогла бы отбиться от жука.

Расстегнув лифчик, я стягиваю его с ее тела, и с ее губ срывается хныканье. Когда я поднимаю голову, чтобы встретиться с ней взглядом, я вижу, что она на грани слез. Я оставляю на ней трусики и снимаю ботинки. В последний момент я решаю не снимать свою одежду, понимая, что не смогу удержать свой член при себе, если сделаю это. Я заползаю на кровать, натягивая на нас тонкое одеяло, и ложусь рядом с ней.

Ее тело дрожит, когда я обхватываю ее руками и притягиваю к своей груди. Сначала она напрягается, но после того, как я ничего не делаю, кроме как обнимаю ее, она немного расслабляется.

Благодаря двери и двум стенам между нами, громкая музыка бара — не более чем слабый фоновый шум. Но вокруг нас есть и другие комнаты. Комнаты, которые мои братья используют, чтобы трахать клубных шлюх. Звуки откуда-то из коридора становятся все громче. Когда кто-то хлопает дверью несколькими комнатами дальше, Пенни сотрясается и непроизвольно всхлипывает. *Гребаный Христос.*

Это не сработает. Вытащив телефон, я набираю сообщение Мэддоксу, говоря ему, что меня нужно подвезти до дома. Через десять минут кто-то стучит в мою дверь, что еще больше пугает Пенни.

— Спокойно, сейчас я отвезу тебя домой, — пытаюсь я успокоить ее и одновременно встаю. Она качает головой и судорожно сжимает в кулаке мою футболку, глядя на меня так, словно сейчас она находится в режиме полной паники.

— Пожалуйста, — хнычет она, слезы катятся по ее лицу.

— С тобой ничего не случится. Ты в безопасности, я отвезу тебя к себе домой, — она продолжает смотреть на меня, словно не понимает, что я только что сказал. Мне приходится отцепить ее пальцы, прежде чем я смогу добраться до двери.

По ту сторону я вижу Мэддокса и Билли, одного из наших перспективных кандидатов. Они оба заглядывают в комнату, их глаза задерживаются на свернувшемся на кровати теле Пенни.

— Я не могу успокоить ее. Какого хрена он ей дал, — рычу я. Сев на кровать, я снова натягиваю ботинки и плотно укутываю Пенни в одеяло.

— Я ни хрена не знаю, какое-то новое скрещивание. Он сказал, что рогипнол³ входит в состав, так что завтра она ни хрена не вспомнит. Если тебе от этого станет легче.

Вообще-то да, но я не собираюсь делиться этой информацией.

— Просто отвези нас домой, — говорю я, просовывая руки под укрытое одеялом тело Пенни и поднимая ее.

— Билли отвезет вас, он наименее пьян, — говорит мне Мэддокс.

— Отлично, веди, Билли-бой.

* * *

Прижимая ее к груди, я иду по тихому дому. В гостиной мы проходим мимо Моджо, который лишь ненадолго открывает глаза, чтобы взглянуть на нас, не проявляя интереса.

Пенни была то в отключке, то в бреду всю дорогу домой, но сейчас она смотрит на меня вполне осмысленно. Возможно, благодаря знакомой обстановке и просто отсутствию громких звуков она наконец-то расслабилась.

Уложив ее на кровать, я высвобождаю ее из тонкого одеяла.

Запустив пальцы в пояс ее хлипких трусиков, я стягиваю их с ее ног, освобождая от последнего предмета одежды. Вид ее, раскинувшейся на моей кровати и полностью обнаженной, — прекрасное зрелище. Мои яйца кричат о том, чтобы я выпустил заряд в ее тугую киску. Но то, как она смотрит на меня умоляющими глазами, сбивает мое настроение.

Не отрывая от нее глаз, я выскользываю из ботинок и начинаю раздеваться. Когда я полностью обнажен, я проскальзываю в кровать и накрываю нас обоих своим покрывалом.

Перекинув руку через ее тело, я осторожно притягиваю Пенни ближе. Она вздрагивает один раз, но затем расслабляется в моих объятиях, ее обнаженное тело тает в моем.

— Райдер, — произносит она мое имя.

Отстранившись настолько, чтобы увидеть ее лицо, я пытаюсь прочесть ее выражение. Частично она все еще напугана, но чем, я не знаю. В ее глазах мелькает легкая паника, а нижняя губа дрожит.

Глядя на ее пухлые губы, я вспоминаю, что именно она может ими сделать. Желание разгорается во мне, и мой член мгновенно твердеет.

— Райдер? — снова произносит она, но это больше похоже на вопрос.

— В чем дело, детка?

Детка? Откуда, блять, это взялось?

Надеюсь, она действительно ничего не вспомнит на утро. Пенни смотрит на меня в замешательстве, ее брови сведены вместе, образуя маленькие складки на лбу. Она выглядит так, словно забыла, о чем собиралась меня спросить.

Да, скорее всего, завтра она ничего из этого не вспомнит. Так что, думаю, сейчас самое время сделать это... то, что я хотел сделать с той первой ночи, когда взял ее.

Скользя руками вверх и вниз по ее спине, я в итоге располагаю одну между лопаток, а другую прямо на ее идеально сформированной попке. Я притягиваю ее еще ближе, пока между нами совсем не остается пространства. Так близко, что я чувствую биение ее сердца на своей груди и ее дыхание на моей коже.

Я прижимаюсь губами к ее губам. Это кажется правильным и неправильным одновременно. Я никого не целовал с тех пор, как был подростком. Даже тогда я не испытывал желания, но сейчас я хочу поцеловать ее.

Сначала она остается неподвижной в моих объятиях. Только когда я провожу губами по ее губам, она слегка раздвигает их. Я принимаю приглашение и провожу языком по ее пухлой нижней губе, призывая раздвинуть их еще больше.

У нее божественный вкус, такой сладкий, с нотками мяты. Я никогда не думал, что простой поцелуй может быть таким приятным, таким всепоглощающим и возбуждающим. Мой член настолько тверд, что болезненно пульсирует.словно стальной стержень между ног, он лежит между нами.

Пенни извивается в моих руках, ее стройные руки неловко перемещаются. Только через мгновение я понимаю, что она пытается обхватить меня за шею. Я не могу не улыбнуться ей в губы, помогая ей переместить руки.

Когда ей это наконец удастся, она прижимается ко мне ближе, углубляя поцелуй. Она стонет, и этот звук проходит по всему моему телу, прежде чем добраться до моего члена.

Я никогда не хотел кого-то так сильно, как хочу ее сейчас. Я хочу ее, как наркоман хочет получить свою очередную дозу. Я жажду ее, нуждаюсь в ней. Я не планировал заниматься с ней сексом, я просто хотел обнять ее и успокоить, но сейчас ничто не помешает мне обладать ею.

Перевернув ее на спину, я опускаюсь сверху. Я удерживаю большую часть своего веса на локтях, но этого недостаточно, чтобы между нами оставалось свободное пространство. Наши губы все еще двигаются друг против друга, когда я раздвигаю ее бедра коленями, она раздвигает ноги еще шире, приглашая меня войти, когда я выравниваюсь с ней.

Толкаясь в ее тугую киску так медленно, как только могу, я наслаждаюсь каждой секундой. Я смакую каждое ощущение и цепляюсь за каждый мельчайший отклик ее тела на мой. Она стонет, и ее бедра слегка приподнимаются, встречая мои толчки.

Я занимался сексом так много раз, что давно сбился со счета. Даже с Пенни я не могу вспомнить, сколько раз это было. Но я знаю, что никогда... никогда не испытывал таких ощущений. Я никогда не чувствовал себя так близко к кому-либо, ни физически, ни душевно. Я не знаю, где заканчивается мое тело и начинается ее. Как будто мы находимся в каком-то пузыре. В пространстве, где существуем только мы, где мы собираемся вместе и каким-то образом становимся одним целым.

Может быть, именно это имеют в виду люди, когда говорят «заниматься любовью». Хотя я не чувствую, что это любовь. Я не могу объяснить, что это такое, но это ощущение особенное, драгоценное, и я хочу удержать его как можно дольше. Потому что я прекрасно знаю, что эта ночь — все, что я получу.

Пенни

Еще до того, как я открываю глаза и просыпаюсь, я понимаю, что что-то не так. Я чувствую себя странно... не в своей тарелке. Во рту пересохло, а на языке остался горький привкус, почти металлический.

За глазами, глубоко в черепе, раздается стук, которого я никогда раньше не ощущала. Это само по себе странно, потому что у меня была своя доля травм головы. Я уже должна была привыкнуть к любому виду головной боли.

Медленно открыв глаза, я осматриваюсь вокруг. Я в постели Райдера... голая. Его одеяло накинуто на меня. Прижимая его к груди, я медленно сажусь.

Я одна в комнате, что меня немного пугает. Но больше всего меня пугает то, что я не могу вспомнить, как я здесь оказалась. В поисках информации о прошлой ночи я перелопатила весь свой мозг. От усилий голова начинает болеть еще сильнее, и я все равно прихожу к полной пустоте. Как будто кто-то взял черпак для мороженого и выковырял кусочек моего мозга. Кусочек, который хранил все мои воспоминания о прошлой ночи.

Последнее, что я помню, это... как садилась на мотоцикл с Райдером. Он отвез нас в бар, и вот тут все становится неясным. Кажется, мы зашли внутрь...

После этого в моей голове мелькают лишь отрывки воспоминаний.

— Ты серьезно? — приглушенный мужской голос доносится до моих ушей. Даже через закрытую дверь я слышу в нем гнев. Затем я слышу, как Райдер что-то говорит, но его голос звучит тихо, поэтому я не могу разобрать, что он говорит.

Я тихо встаю с кровати и мелкими шагами иду к двери. Мгновенно я замечаю что-то липкое на внутренней стороне бедер. Я протягиваю руку вниз между ног и понимаю, что у меня немного болит, а на коже определенно засохла сперма. Мы занимались сексом прошлой ночью. Он кончил в меня, снова.

Черт. Почему я ничего не могу вспомнить?

Я хватаю первый попавшийся предмет одежды. Это один из свитеров Райдера. Я натягиваю его на голое тело и на цыпочках подхожу к двери, слегка прижимаясь к ней ухом.

— Как ты можешь ей доверять? И как она могла проделать все эти математические вычисления в своей голове? — спрашивает неизвестный мужчина. *Математика...* это мне знакомо. Райдер попросил меня подсчитать цифры.

— Я просто верю, и она хороша в математике. У нее не было причин лгать.

— Не было причин лгать? Ты держал ее взаперти как свою секс-рабыню, готовый отдать ее парням, когда она тебе надоест.

Нет. Он бы так не сделал. Он не сделает...

— Не говоря уже о том дерьме, которое случилось с ней прошлой ночью...

Я оступаюсь, моя голова кружится, а желудок переворачивается. *Что случилось со мной прошлой ночью?*

Моя рука подлетает ко рту, когда я чувствую, как внезапно поднимается рвота. Я едва успеваю добежать до ванной, прежде чем все содержимое моего желудка выплескивается в унитаз. Я продолжаю отплевываться, мое тело судорожно вздрагивает, долгое время после того, как внутри ничего не остается.

Я не слышу, как он вошел. Он просто появляется из ниоткуда, опускается на колени

рядом со мной, положив руку мне на поясницу.

Когда мое тело, наконец, решило, что этого достаточно. Райдер протягивает мне маленькое полотенце, чтобы я вытерла лицо.

— Что со мной случилось? — мой голос такой хриплый, что едва похож на мой собственный.

— С тобой все будет в порядке, — это все, что он говорит, совсем не отвечая на мой вопрос. — Мне нужно, чтобы ты пошла со мной и поговорила с Мэддоксом. Он в гостиной.

Я качаю головой, но Райдер уже тянет меня за собой, поднимая на ноги. Обхватив меня за плечи, он ведет меня в гостиную.

Мэддокс, которого, как я теперь понимаю, я знаю, сидит на диване. Его ледяной взгляд останавливается на мне, и мое сердце начинает бешено колотиться в груди.

Райдер тащит меня к дивану, где садится, увлекая меня за собой. Вместо того чтобы позволить мне сесть рядом с ним, как я ожидала, он тянет меня к себе на колени. Одной рукой он крепко обхватывает мой торс, словно думает, что я буду вырываться.

Взглянув на пол, я замечаю, что Моджо смотрит на меня снизу, его голова склонена набок, словно он не понимает, почему я напугана.

— Пенни, да? — Мэддокс нарушает тишину.

— Да, — отвечаю я, мой голос звучит так же смиренно, как я чувствую себя сейчас.

— Что ты помнишь о прошлой ночи?

— Не так уж много. Действительно ничего, — сжав ноги вместе, я вспоминаю, что под толстовкой я голая. К счастью, одежда Райдера слишком велика на меня — размеров на пять. Даже сидя, его кофта прикрывает половину моих бедер.

— Конечно, ты не помнишь, — рычит Мэддокс, в его голосе звучит раздражение. — Это бесполезно, — он отмахивается от меня, как будто действительно говорит, что я бесполезна.

— Возвращайся в постель. Наверстывай упущенный сон, — пренебрежительно говорит Райдер, спихивая меня со своих колен.

Я поднимаюсь на шаткие ноги, но мне удается вернуться в его спальню и не упасть. Закрыв за собой дверь, я прислоняюсь к ней для опоры.

— Я забираю ее обратно в клуб, — рычит Мэддокс. — Мы отправим ее в комнату к Такеру и покончим с этим дерьмом раз и навсегда.

Его слова выбивают воздух из моих легких. С таким же успехом он мог бы ударить меня. Они собираются отвезти меня обратно в клуб... отправить меня в комнату с Такером.

Нет. Я не могу этого допустить. Мне нужно выбраться отсюда.

Лихорадочно оглядываю комнату, пока не нахожу пару леггинсов, которые можно надеть. К счастью, моя обувь тоже здесь. Я быстро обуваюсь и подхожу к окну. Тихонько открываю его и толкаю так быстро, как только могу.

Задрав ногу, я наполовину вылезая наружу, страх бурлит глубоко в моем нутре по двум причинам. Я боюсь, что Райдер поймает меня, и я боюсь, что он этого не сделает. Потому что, по правде говоря, после всего, что случилось со мной за последние пять лет, это единственное место, где я чувствовала себя в безопасности.

Я смотрю на дверь еще несколько секунд, но она так и не открывается. Я заканчиваю вылезать из окна, мои ноги приземляются на мягкую траву внизу, и я пускаюсь бежать.

Не оглядываясь и не думая о том, куда идти, я просто продолжаю бежать.

Я бегу до тех пор, пока мои ноги не отказывают, пока я не могу сделать ничего другого, кроме как сесть на тротуар, прислонившись спиной к зданию. Мои ноги устали, легкие

горят, а ребра болят.

Закрыв глаза, я сосредотачиваюсь на дыхании. Обхватив себя руками, я уткнулась лицом в плечо. Материал свитера мягкий, и от него пахнет Райдером. Глубокая боль возникает в груди, когда я думаю о нем... Я скучаю по нему. Я скучаю по комфорту, который он мне дарил.

— Ты в порядке, милая?

Я поднимаю голову, чтобы посмотреть, откуда доносится голос, и вижу пожилую женщину, стоящую в нескольких футах от меня. Она держит две сумки с продуктами, которые выглядят слишком тяжелыми для нее.

— Я в порядке, — вру я, — Но кажется, вам нужна помощь.

Я заставляю себя встать.

— Могу я помочь вам донести пакеты?

— Это было бы очень мило с твоей стороны, — она протягивает мне одну сумку. — Я живу недалеко отсюда, всего в одном квартале.

Я следую за милой старушкой к ее дому, радуясь, что она больше не задает мне вопросов.

— Здесь я и живу, — говорит она, когда мы доходим до входа в квартиру. — Поставь, пожалуйста, сумку на ступеньки. Отсюда я справлюсь.

Я делаю, как она просит, оставляя пакет на верхней ступеньке. Я поворачиваюсь, собираясь уйти, когда она протягивает мне руку.

— Вот, возьми за свои хлопоты, — я смотрю вниз на двадцатидолларовую купюру в ее руке.

— Все в порядке, правда. Я рада помочь.

— Я тоже, дитя. Пожалуйста, возьми. Может быть, на билет на автобус отсюда.

— Спасибо, — я беру купюру из ее рук и засовываю в карман свитера. — Правда, спасибо.

— Автовокзал в той стороне, — она указывает в ту сторону, откуда мы пришли минуту назад. — Удачи, — она мило улыбается мне, и от ее доброты я чуть не плачу.

Я смотрю, как она берет свои сумки и исчезает в здании, прежде чем повернуться и начать идти.

Пройдя несколько улиц, я оказываюсь на автобусной станции. Подойдя к кассе, я думаю, хватит ли у меня смелости сесть на автобус, но я знаю, что должна.

* * *

Поездка на автобусе длится недолго. Всего двадцать минут езды за город, и я здесь, выхожу из автобуса на улице, где я выросла.

Пока я иду к дому, который раньше называла своим, в животе поднимается страх. Я так давно не разговаривала с родителями. Возможно, они даже не хотят меня видеть.

Я должна вернуться в женский приют, но это будет первым местом, где Райдер будет меня искать. Наверняка это второе место, а значит, я не могу оставаться здесь долго. Я останусь лишь для того, чтобы рассказать им правду и сказать, как мне жаль.

Когда я подхожу к дому, мне кажется, что я вернулась в прошлое... в лучшее время. Все выглядит так же, папа подстригает траву, а мама следит за тем, чтобы цвели цветы. На крыльце висит ветряной колокольчик, его нежный звук немного успокаивает мои нервы.

Несколько минут я стою перед дверью и набираюсь смелости, чтобы постучать. Когда я наконец поднимаю руку и стучу костяшками пальцев по тяжелому дереву, мое сердце

бешено колотится о грудную клетку.

Борясь с желанием убежать, я заставляю себя стоять на месте и ждать.

Мгновение спустя я слышу приближающиеся шаги, и дверь распахивается. Все, что я могу сделать, это стоять на месте, застыв во времени и затаив дыхание.

Мама смотрит на меня, ее глаза невероятно расширены, будто она не может поверить, что я действительно здесь.

— О, Пенни, — наконец говорит она, делая шаг ко мне. Она обхватывает меня руками и притягивает к себе так, как это может сделать только мать. — Мы так волновались за тебя. Мы думали...

— Мне так жаль, — бормочу я ей в волосы, и она обнимает меня еще крепче.

— Не извиняйся, милая. Я просто так рада тебя видеть, — она отстраняется, в ее глазах блестят слезы. Она обнимает мое лицо обеими руками, потирая мои щеки большими пальцами. — Мы так скучали по тебе, Пенни.

— Я тоже по вам скучала.

Больше, чем я могу выразить словами.

— А теперь заходи и расскажи мне, что случилось, — она заводит меня в дом и закрывает за мной дверь. Ведя меня на кухню, она выдвигает для меня стул. — Садись, я приготовлю тебе горячий шоколад.

Я сажусь и смотрю, как она достает чашку.

— Райдер не начинал драку, — пролепетала я.

Моя мама замирает на месте. Она поворачивается и смотрит на меня, сбитая с толку.

— Но ты сказала, что начал он.

— Я знаю. Это была ложь. Райдер защищал меня от Томми в тот день. Он просто пытался помочь, а я солгала, чтобы избавиться от него. Это все моя вина.

— Пенни... — мама ставит чашку на место и пересекает комнату. Присев рядом со мной, она берет мою руку в свою. — Почему ты так поступила?

— Потому что я была глупой, ревливой и отчаянно хотела нравиться кому-то. Когда вы начали опекать Райдера, мне казалось, что он отбирает вас у меня. Это было глупо и незрело. Но в то время я просто хотела, чтобы он ушел. А потом случилась драка, и Райдер попал в беду. Все обвинили его, а на следующий день в школу пришла полиция с вопросами, и я солгала.

Мне никогда в жизни не было так стыдно. Я даже не могу смотреть на маму, пока признаюсь в этом. Я причинила вред человеку, действительно причинила, изменила его жизнь из-за своего эгоизма.

— Я не знаю, что сказать, Пенни.

— Тут нечего сказать. Я сделала это, и я заслужила все, что случилось со мной после.

— Не говори так. Мы все совершаем ошибки. Я не понимаю, почему ты осталась с Томми. Почему ты позволила ему так обращаться с тобой? Почему ты просто не рассказала нам правду?

— Сразу после разговора с полицией я чувствовала себя такой виноватой. Я собиралась рассказать им, рассказать вам, но потом Томми поймал меня по дороге домой. Он начал говорить со мной, был очень милым и очаровательным. Он сказал мне, что я всегда ему нравилась, что я поступила правильно, и теперь мы можем быть вместе. Он стал провожать меня в школу каждое утро, забирать после обеда, приносить подарки. Я поверила во все это, поверила в его ложь. Я думала, что он действительно любит меня.

— Томми — искусный манипулятор. Он и нас одурачил. Мы долго не могли понять, что он пытается забрать тебя от нас, а когда поняли, было уже слишком поздно. Он затянул тебя в свою паутину, и мы не думали, что когда-нибудь получим тебя обратно. Потом он появился здесь и искал тебя, около двух месяцев назад. Мы так волновались.

— Тогда я и сбежала. Я хотела приехать сюда, но боялась, что он найдет меня и что вы не захотите моего возвращения.

Мама нежно сжимает мою руку в ответ.

— Мы всегда будем хотеть, чтобы ты была здесь. Это твой дом, независимо от того, сколько тебе лет. Твой папа скоро вернется с работы, и тогда мы сможем обустроить тебя в твоей старой комнате.

— Мама, я не могу долго оставаться. Я, вероятно, скоро уйду.

— Пенни, если ты думаешь, что я позволю тебе выйти за эту дверь после того, как мы так долго не виделись, то ты очень, очень ошибаешься.

— Но...

— Никаких «но», — она подняла палец вверх, — Ты остаешься, и точка.

— Хорошо, — наконец соглашаюсь я. Не похоже, что мне есть куда идти.

Теперь я могу только надеяться, что Райдер не будет искать меня. Надеюсь, я не стою таких хлопот.

Райдер

Ее нет уже две недели. В доме пусто, как будто не хватает чего-то жизненно важного. Здесь тихо, слишком тихо. Моджо тоже это знает. Он хандрит, скучает по ней, как и я.

Я не должен удивляться тому, что она уехала. Я не давал ей причин оставаться, не давал причин доверять мне. Я обращался с ней как с дерьмом, пинал ее, когда она уже была на дне. Я знаю все это, но ничего из этого не облегчает ее уход. Скорее наоборот. Это делает его более тяжелым.

Как только я понял, что она ушла, я послал одну из девушек-барменов клуба в женский приют на ее поиски. Я знал, что они не подпустят меня ближе, чем на десять футов к входной двери. Ее там не было, поэтому я пошел в единственное другое место, о котором мог думать.

Я подкрался к дому, пробираясь и заглядывая в окно, как последний гад. Она была там, сидела за обеденным столом со своей семьей. Семей, которую мы однажды делили.

Я уже собирался выбить дверь, вытащить ее, потребовать, чтобы она вернулась ко мне, но тут кое-что произошло.

Она улыбнулась...

Она, черт возьми, улыбнулась, и в тот же миг я почувствовал, как ледяная оболочка моего сердца треснула, разлетелась на миллион осколков. Каждый кусочек врезался в мою грудь, причиняя боль, которую я никогда раньше не чувствовал.

Это был маленький, казалось бы, незначительный жест. Она улыбнулась чему-то, что сказала ее мама, ее глаза загорелись, а плечи слегка задрожали, когда улыбка превратилась в хихиканье. Она была счастлива, удовлетворена.

За все те недели, что она жила у меня дома, ни разу — никогда — я не видел, чтобы она улыбалась. Ни разу я не видел, как загораются ее глаза, не слышал ее смеха. Я видел только ее боль, ее слезы и чувствовал, как она дрожит от страха.

Я ненавижу ее за то, что она сделала со мной, ненавижу ее так долго. Теперь я понимаю, что сделал гораздо хуже, и ненавижу мне приходится только себя.

Звонит телефон, вырывая меня из мыслей. Я отвечаю, не проверяя дисплей, точно зная, кто это.

— Где ты, черт возьми? — голос Мэддокса гремит через динамик моего грузовика.

— Просто катаюсь. Что случилось?

— Возможно, у нас есть зацепка на Такера. Завтра я буду знать больше, так что будь готов.

Связь обрывается, в типичной манере Мэддокса.

Напоминание о Такере только омрачает мое и без того мрачное настроение. Этот ублюдок обокрал нас. Пенни была права. К сожалению, он узнал, что мы его разыскиваем, прежде чем мы смогли его поймать. Теперь мы не можем его найти.

По крайней мере, никто из братьев не встал на его сторону после того, как мы показали им доказательства. То, что он так удрал, только усилило его виновность.

Выбросив из головы мысли о придурке Такере, я сосредоточился на реальном моменте.

Я паркуюсь в паре домов ниже, — всегда на другом месте, — а затем прохожу остаток пути пешком. Сейчас два часа ночи, все в этом тихом пригородном районе спят — все,

кроме Пенни.

Она сидит на заднем крыльце и смотрит на небо. В руках у нее чашка. То, как она делает осторожные глотки, говорит о том, что это что-то горячее.

Стул на лужайке, на котором она сидит, издает слабые звуки, когда она двигается, подтягивая ноги. На ней мой свитер, тот самый, который она надевала, когда ушла. Он ей настолько велик, что она похожа на ребенка, который носит взрослую одежду.

Я остаюсь в тени за деревом. Она не знает, что я здесь, никогда не знает. Я прихожу к ней почти каждый день, это стало рутиной, своего рода навязчивой идеей.

Необходимость видеть ее заставляет меня поступать так, но это все, что я делаю. Я просто приезжаю сюда, чтобы увидеть ее. Убедиться, что с ней все в порядке, а потом уезжаю, возвращаюсь домой, в свой пустой дом, желая, чтобы он не был таким пустым.

Бросив на нее последний взгляд, я впитываю ее в себя. Каждую черточку, каждую прядь ее волос, — я запоминаю все. Я жду, пока она допьет все, что было в ее чашке. Затем я смотрю, как она поднимается и возвращается в дом. Только когда я знаю, что она благополучно вернулась в дом, я поворачиваюсь, чтобы уйти.

Я делаю два шага, прежде чем резко остановиться.

— Забыл, где находится дверной звонок? — спрашивает Джеймс, его всегда добрые глаза бросают на меня вопросительный взгляд. Внезапно я перестаю быть хладнокровным преступником. Я вновь стал подростком, стоящим перед единственным отцом, который у меня когда-либо был.

— Я просто пришел поговорить с ней, — объясняю я, засовывая руки в карманы.

— Я понял, — кивает он, — Пенни нам все рассказала. О своей лжи и о том, что ты позволил ей немного пожить у тебя.

Чувство вины и стыда смешиваются глубоко внутри меня. Я уверен, что она не рассказала ему о том, что я просил у нее взамен. Что я брал у нее в качестве платы. Надеюсь, он никогда об этом не узнает, потому что, по правде говоря, я не хочу, чтобы он разочаровался во мне. Он всегда был добр ко мне, хорошо ко мне относился, принимал меня в свой дом, когда никто другой этого не делал.

— Мне жаль, что она солгала, и мне жаль, что мы тебе не поверили, — его извинения искренни, что только заставляет меня чувствовать себя хуже из-за моих действий.

— Я никогда не злился на вас, и я больше не ненавижу Пенни за то, что она сделала.

— Это хорошо. Это слишком большая ненависть, чтобы держать ее в себе. Такая ненависть может поглотить тебя изнутри.

Разве я, блять, не знаю?

— Дерьмо случается, — я пожимаю плечами.

— Почему бы тебе не зайти внутрь, не выпить со мной пива?

Я испытываю искушение сказать «да». Снова стать частью их жизни. Быть частью жизни Пенни нормальным образом. В моем сознании возникает крошечная вспышка счастливого будущего. Мир, где все хорошо, где у нас с Пенни нормальные отношения, без ненависти и обиды между нами. Но потом я вспоминаю, кто я такой, каким человеком я стал, и что я сделал с Пенни.

— Уже поздно. Может, в другой раз?

— Может, в другой раз, — повторяет он мои слова. — Тебе всегда здесь рады, Райдер.

— Я буду помнить об этом.

И я буду помнить об этом, но не стану действовать, потому что знаю, что ничего не

выйдет. Было бы неправильно снова ступить ногой в этот дом. Это было бы несправедливо по отношению к Пенни.

Лучшее, что я могу сделать для нее сейчас, это уйти. Пусть она построит ту жизнь, которую заслуживает. Жизнь, которую она потеряла пять лет назад, в тот же день, когда я потерял свою.

Пенни

Переставляя последние несколько коробок с макаронами с небольшого поддона на полку, я в последний раз осматриваю полку, чтобы убедиться, что все расположено аккуратно.

— Ты знаешь, что твоя смена закончилась десять минут назад? — окликает Мэри из передней части магазина.

— Просто заканчиваю, — говорю я ей.

Я работаю здесь, в ее крошечном продуктовом магазине, уже несколько недель. Я не могла смириться с тем, что мои родители платят за все. Самое меньшее, что я могу сделать, это помочь. Это немного, но, по крайней мере, я не чувствую себя бесполезной, и мне здесь нравится. Мэри — милая, и до моего появления она управляла этим местом в одиночку.

— Ты будешь душкой и вынесешь мусор по дороге?

— Конечно, — я беру большой мусорный пакет из-за прилавка и направляюсь к заднему выходу. — Пока, Мэри. Увидимся завтра.

— Пока, малыш! — зовет она меня. — Спасибо еще раз.

Тяжелая дверь захлопывается за мной, и я выхожу в маленький переулок за магазином. Я морщю нос от вони мусора и мочи, которая всегда встречает меня здесь. Таща за собой мусорный пакет, я свободной рукой открываю подъемную крышку мусорного бака.

— Нужна помощь? — пугает меня мужской голос.

Я бросаю мусорный пакет и поворачиваюсь лицом к незнакомому мужчине. Он одет в грязную одежду, а его волосы выглядят нечесаными, что заставляет меня думать, что он, возможно, бездомный.

— Прости, сладкая. Не хотел тебя напугать, — он улыбается мне так, что маленькие волоски на затылке встают дыбом. Внутри меня поднимается паника; как лиана, она обвивается вокруг меня, не желая отпустить. — Просто подумал, что тебе не помешает помощь.

— Нет, спасибо, я в порядке, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. Оглядывая небольшой переулок, я ищу самый быстрый путь отступления. Единственный путь, по которому я могу пойти, находится позади меня, а это значит, что сначала мне нужно обойти мусорный контейнер.

— Не будь такой, сладкая. Я просто пытаюсь помочь, — он делает несколько шагов ко мне, его глаза блуждают по моему телу, и я понимаю, что мне нужно бежать.

Как раз в тот момент, когда я собираюсь пуститься наутек, мужчина внезапно отступает. Его лицо бледнеет, а озорство в глазах сменяется страхом. Он делает еще несколько шагов назад, подняв руки ладонями вверх.

Только тогда я понимаю, что он больше не смотрит на меня. Он смотрит на что-то позади меня.

Повернув голову, я смотрю через плечо.

Райдер.

Я смутно осознаю, что мужчина пытается убежать, слышу, как его ноги ударяют по бетону, чтобы скрыться.

Затем в переулке воцаряется тишина, оставляя нас с Райдером наедине. Я не знаю, как

он здесь оказался и зачем пришел, да меня это и не волнует в данный момент.

При виде его я испытываю столько разных чувств, что не могу понять, хорошо это или плохо. Все, что я знаю, — мои ноги прикованы к земле, и я не могу пошевелить ни единым мускулом.

Он опускает взгляд, которым смотрел на неизвестного парня, и его глаза находят мои. Его взгляд смягчается, но я все еще вижу гнев и беспокойство в ледяных синих глубинах.

— Ты не должна здесь работать, — первое, что вырывается из его уст. Его слова застают меня врасплох, я ожидала, что он будет кричать на меня. Спросит, почему я ушла, может быть, потребует вернуть деньги. Определенно не то, что я не должна здесь работать.

Когда я ничего не говорю в ответ, он хватается за руку и вытаскивает из переулка на улицу. Держа мою руку в своей, он ведет меня по тротуару. Для всех остальных, вероятно, это выглядит так, будто мы пара на прогулке.

На следующем углу он заводит меня в другой переулок, где я вижу его грузовик.

Он открывает пассажирскую дверь и сажает меня внутрь, а сам забирается следом. Он закрывает дверь, и я сдвигаюсь к середине кабины, освобождая ему место, но он хватается за бедра и притягивает к себе.

Прежде чем я успеваю осознать происходящее, я оказываюсь прижатой к его груди, его мускулистые руки обхватывают мое тело, крепко прижимая меня к нему.

Я зарываюсь лицом в его футболку, втягивая воздух, смешанный с его уникальным ароматом, которого мне так не хватало. Да, я скучала. Скучала по нему. Я скучала по его запаху, по его вкусу и по тому, что он заставляет меня чувствовать. Мне не хватало всего этого.

Я думала, что эти чувства уйдут, но они только усилились. Каждую ночь мне хочется, чтобы он обнял меня, хочется его прикосновений. Я просто слишком боялась признаться в этом даже самой себе.

В течение долгого времени мы остаемся вот так, прижавшись друг к другу, не говоря ни слова. В словах нет необходимости. Мы оба знаем, что произошло. Где-то на разбитой дороге, по которой мы шли, мы обратились друг к другу за утешением. Мы начали полагаться друг на друга. Мы простили друг друга. Мы превратили тьму между нами в свет.

Теперь вопрос в том. Будет ли этого достаточно?

Мой телефон жужжит в заднем кармане, напоминая мне, что я должна быть дома прямо сейчас.

Райдер ослабляет свою хватку, но только настолько, чтобы я смогла выпрямиться и достать телефон. Он продолжает обнимать меня, его большие руки лежат на моей спине и бедре.

Разблокировав телефон, я обнаруживаю сообщение от мамы.

— Мои родители спрашивают, все ли со мной в порядке и вернусь ли я домой к ужину.

— Я отвезу тебя домой.

Прежде чем я успеваю возразить, он меняет нас местами. Заставив меня сесть на сиденье, он перебирается на водительское место и садится за руль.

Двигатель взревел, и он вырулил из переулка на дорогу.

— Мне жаль, что я ушла, — я чувствую необходимость сказать это, хотя знаю, что поступила правильно. — Мне было страшно, и я подслушала, как Мэддокс сказал, что собирается отвезти меня обратно в клуб и оставить в комнате с Такером.

Райдер ругается себе под нос.

— Я бы этого не допустил.

— Я этого не знала, — честно говорю я.

— Я знаю.

— Ты следил за мной? — у меня было чувство, что да, что-то в глубине моего сознания подсказывало мне, что он близок, но я списала это на свои мечты.

— Да, — бесстыдно и без дальнейших объяснений признал он.

— Почему ты не заговорил со мной?

Как только я спрашиваю, мы подъезжаем к дому моих родителей.

— Тебе лучше зайти внутрь, — говорит мне Райдер, избегая моего вопроса.

— Пойдем со мной, — предлагаю я, но это звучит скорее как мольба. — Я рассказала им правду, и они знают, что я осталась с тобой.

— А они знают, что я заставлял тебя делать, пока ты оставалась со мной?

— Это был мой выбор — остаться с тобой. Я занималась с тобой сексом добровольно, и мы оба знаем, что я тоже получала от этого удовольствие. Но это не то, что им необходимо знать.

Райдер смотрит в сторону передней двери, его пальцы крепко сжимают руль, прежде чем он снова переводит взгляд на дорогу. Я могу сказать, что он размышляет об этом. Он хочет войти, но что-то его удерживает.

Прошлое.

То же самое удерживает и меня. Наше прошлое не может быть стерто, независимо от того, что мы чувствуем друг к другу сейчас.

— Иди в дом, Пенни, — говорит он мне, называя меня по имени. Из его уст мое имя звучит чужеродно, и мне интересно, почему он выбрал именно этот момент, чтобы произнести его.

Может быть, потому что это прощание?

Мысль о том, что я больше никогда не увижу его, создает темное, пустое пространство в центре моей груди.

— Иди, — повторяет он, все еще глядя вперед, словно не может заставить себя посмотреть на меня.

Перегнувшись через сиденье, я наклоняюсь и целую Райдера в щеку.

Он не двигается и ничего не говорит. Он просто смотрит вперед, его взгляд устремлен в какую-то воображаемую точку на дороге.

— Пока, — бормочу я и вылезая из машины. Как только я закрываю дверь и ступаю на тротуар, он уезжает.

Я смотрю, как его грузовик исчезает за поворотом. Дорога становится размытой, и я понимаю, что плачу. Вытирая слезы тыльной стороной ладони, я продолжаю смотреть на дорогу, надеясь, что он передумает. Хочется, чтобы он развернулся и забрал меня обратно.

Но он так и не вернулся.

Он ушел, и я никогда не чувствовала себя такой одинокой.

Райдер

Незаметно для себя я подношу руку к лицу. Я провожу кончиками пальцев по тому месту, где ее губы касались моей кожи. Словно она оставила отпечаток, точно так же, как ее запах сохранился в грузовике, и ее присутствие, кажется, никогда не покидало мой дом.

Мне приходится заставлять себя ехать домой, сопротивляясь желанию развернуться и заставить ее вернуться со мной. Управляя машиной на автопилоте, я теряюсь в своих мыслях. Я поступил правильно, оставив ее, говорю я себе. Она не должна быть со мной...

Все мои внутренние терзания заканчиваются, когда я сворачиваю на свою улицу. Синие мигающие огни двух полицейских машин и машины скорой помощи освещают улицу. Все они припаркованы перед моим домом.

Какого хрена?

Когда я подъезжаю ближе, я замечаю на лужайке перед домом мотоцикл Мэддокса, а сам он стоит рядом с ним.

Я паркуюсь на улице, глушу двигатель и выпрыгиваю из машины.

— Какого хрена ты не отвечаешь на свой чертов телефон! — кричит он на меня, достаточно громко, чтобы услышал весь район.

— Что, черт возьми, происходит?

— Кто-то позвонил в полицию, услышав выстрелы в твоём доме. Когда копы приехали, дверь была выбита, а окна разбиты, — я смотрю мимо него, только сейчас осознавая ущерб.

И тут мое гребаное сердце останавливается.

Моджо.

Отталкивая Мэддокса, я забегаю в дом. Полицейский пытается остановить меня в прихожей, но я отпихиваю его, пока не попадаю в гостиную.

Двое санитаров и полицейский нависают над моей собакой, которая лежит на боку и скулит от боли.

— Это ваш дом? — спрашивает один из полицейских.

— Да, — я опускаюсь на колени рядом с головой Моджо, нежно поглаживая его за ухом.

— Кто-то вломился и подстрелил вашу собаку, — говорит мне тот же парень.

Один из врачей скорой помощи надавливает на рану Моджо, пытаюсь остановить кровотечение.

— Где ваша девушка? — спрашивает полицейский. — Она может быть в опасности.

— У меня нет девушки.

— Вы знаете, о ком может идти речь в этой записке? — он указывает на стену.

Я поднимаю глаза и читаю на стене большую черную надпись.

«Твоя сучка следующая!»

Блять.

— Не дайте моей собаке умереть! — кричу я врачам скорой помощи, вскакивая на ноги. Мэддокс стоит в дверях, читая надпись на стене.

— Мэддокс, останься с Моджо и отвези его к ветеринару. Мне нужно идти.

Обычно не я отдаю приказы, и глубокий хмурый взгляд на его лице говорит мне, что ему это ни капельки не нравится. Тем не менее, я верю, что он сделает это для меня,

независимо от того, считает ли он, что я совершаю ошибку или нет.

Полицейский что-то кричит мне вслед, а второй пытается преградить мне путь. Я толкаю его на землю, оставляя лежать в траве, и сажусь в свой грузовик.

С визгом шин я уезжаю, оставляя дом позади в зеркале заднего вида, и возвращаюсь в то место, откуда только что приехал. Это двадцатиминутная поездка, которая в этот раз занимает у меня всего десять минут.

Гребаный Такер, это должен быть он. Он единственный мудака, который достаточно храбр, чтобы возиться со мной.

Когда я возвращаюсь к дому Дженкинсов, я паркуюсь частично на дороге, частично на переднем дворе. Грузовик едва успевает остановиться, а я уже вылетаю из машины. Подбежав к входной двери, я стучу по ней кулаками так сильно, что дерево трескается.

Дверь распахивается, по другую сторону стоит Джеймс и недоуменно смотрит на меня.

— Райдер?

— Где она? — без приглашения я протискиваюсь внутрь дома, судорожно оглядываясь по сторонам.

— Райдер, успокойся. Что случилось?

— Где она? — повторяю я, врываясь на кухню.

Лора, мама Пенни, сидит за кухонным столом и смотрит на меня так, будто увидела привидение. Рядом с ней сидит Пенни, на ее лице написано беспокойство.

— Что случилось? — спрашивает Пенни. Благодаря ее голосу моя паника наконец-то утихает.

Она здесь. С ней все в порядке. Никто не причинил ей вреда.

Меня охватывает облегчение, и я прислоняюсь к ближайшей стене. Пытаясь отдышаться, я закрываю глаза и позволяю своей голове откинуться на стену.

— Это кровь на твоей руке? — спрашивает Джеймс, и я распахиваю глаза.

Лора и Пенни поднялись со своих мест. Теперь все трое стоят передо мной, осматривая меня обеспокоенными взглядами.

Я опускаю взгляд на свои руки и обнаруживаю пятна крови.

— Кто-то подстрелил мою собаку, — объясняю я.

— Моджо? — задыхается Пенни. — С ним все в порядке?

— Я не знаю. Мэддокс остался с ним. Я приехал сюда, — говорю я, все еще глядя на свои руки.

— Кто мог подстрелить твою собаку? — спрашивает Лора. Звук ее голоса побуждает меня поднять на нее глаза. Я впервые вижу ее за долгие годы. Она ничуть не изменилась.

Она тянется ко мне, кладет свою ладонь на мою руку и слегка сжимает ее. Ее прикосновение успокаивает меня, как это было всегда.

— Пойдем, приведем тебя в порядок, — уговаривает Лаура, увлекая меня к кухонной раковине. Она использует мочалку, чтобы вытереть мои руки, будто я ребенок, а не мужчина в три раза больше ее.

Пенни движется вместе с нами, оставаясь рядом со мной, но не настолько близко, чтобы прикоснуться.

Когда Лора заканчивает приводить меня в порядок, мы все переходим в гостиную. Я сажусь на диван, Пенни садится рядом со мной, а Лора и Джеймс занимают кресла.

— Рада тебя видеть, Райдер, — начинает Лора. — И мне жаль, что прошло так много времени...

— Я тоже рад тебя видеть, и тебе не нужно извиняться. Это в прошлом.

— Спасибо, что приютил Пенни, когда ей требовалось жилье, — говорит Джеймс. Я скрежещу зубами, останавливая себя от ответа.

— Я не могу оставаться здесь долго, и я забираю Пенни с собой. Я не думаю, что сейчас она здесь в безопасности.

— Что значит не в безопасности? — спросила Лора, в ее голосе звучит беспокойство.

— Тот парень, который подстрелил мою собаку, угрожал причинить вред и ей. Я отвезу ее в безопасное место. Пока... — *он не умрет.* — Пока копы не разыщут его.

— Ты не думаешь, что здесь она будет в безопасности? — спросил Джеймс, звуча так же обеспокоенно, как и его жена.

— Я думаю, будет лучше, если я пойду с Райдером, — вклинилась Пенни.

Лора и Джеймс обмениваются взглядами, а затем возвращают свое внимание ко мне.

— Мы тебе доверяем. Просто будьте в безопасности. Вы оба.

* * *

После долгих двадцати минут прощаний и заверений, что мы скоро увидимся, мы, наконец, выходим из дома.

Как только мы забираемся в грузовик, Мэддокс присылает мне сообщение.

— У Моджо все хорошо, — говорю я Пенни. — Правда, ему придется остаться у ветеринара на несколько дней.

— Я рада это слышать.

Я смотрю, как она пристегивается, прежде чем выехать на дорогу.

— Такер вломился в мой дом и разгромил его, пока находился там. Мы не можем туда вернуться.

— О... куда мы едем? — спрашивает она, и я уже знаю, что ответ ей не понравится.

— Я забираю тебя в клуб. Это самое безопасное место.

Это правда. Безопаснее некуда. Там не только есть система безопасности и камеры, но там также находятся большинство братьев. Некоторые живут там, но большинство из нас просто снимают комнату, чтобы переночевать... или потрахаться.

— Я знаю, что тебе не нравится там находиться, но там безопасно, а это все, что нам сейчас нужно.

Пенни

На этот раз мы не заходим через парадную дверь клуба. Мы паркуемся сзади, рядом с большой металлической дверью с прикрепленной к ней клавиатурой.

Прежде чем мы выходим из машины, Райдер поворачивается ко мне.

— Слушай, никто тебя там не тронет... но ты должна делать то, что я скажу. Для всех остальных ты не более чем человек, который должен клубу деньги. Ты поняла?

Я раздраженно киваю головой.

— Так должно быть. Особенно с этим дерьмом с Такером. Мне нужно, чтобы все мои люди доверяли мне, а они не будут этого делать, если подумают, что я отвлекаюсь.

— Я понимаю.

Я вылезая из грузовика и следую за Райдером. Он набирает несколько цифр на клавиатуре, и дверь с щелчком открывается. Взяв меня за руку, он затаскивает меня внутрь и закрывает за нами дверь.

Мы движемся по длинным коридорам, и я внезапно ощущаю себя теленком, которого ведут на убой.

Остановившись перед дверью, я начинаю вспоминать. Я уже была здесь раньше. Именно сюда Райдер привел меня в первый раз.

— Неужели ты наконец-то готов поделиться? — кричит какой-то парень из коридора.

— Отвали, — кричит Райдер в ответ и хватается за руку. Он грубо затаскивает меня в комнату и захлопывает дверь, прежде чем отпустить меня.

Обхватив себя руками, я оглядываю комнату. Я ненавижу находиться здесь, и меня бесит, как Райдер ведет себя, когда мы здесь.

Затем что-то привлекает мое внимание. Рядом с кроватью лежит одежда... моя одежда. Я не помню, чтобы снимала ее здесь.

— Как она сюда попала? — спрашиваю я, указывая на кучу на полу.

— Когда я приводил тебя сюда в прошлый раз, кто-то подсыпал что-то в твой напиток. Я пытался заставить тебя поспать здесь, но ты не захотела, и я отвез тебя домой.

— Я вышла отсюда голой? — спрашиваю я в полном ужасе.

— Ты вообще отсюда не выходила, — он усмехается. — Я завернул тебя в одеяло и вынес на улицу. Никто не видел тебя голой, маленькая сова.

Я бросаю взгляд на кровать и обнаруживаю, что одеяло отсутствует, подтверждая его слова. Но мне от этого не легче. Мне все еще не нравится все это.

— Кстати, о голой... Я бы хотел, чтобы ты разделась прямо сейчас, — говорит мне Райдер, его голос низкий и хриплый.

Я поворачиваюсь и вижу, что он стоит ближе, чем я думала, так близко, что мне приходится запрокинуть голову, чтобы рассмотреть его лицо. Настроение в комнате меняется. От нервозности и страха я перехожу к возбуждению и наслаждению.

Схватив подол моей футболки, он медленно задирает ее вверх и снимает через мою голову, затем бросает на пол, добавляя в кучу. Следующим идет мой лифчик. Он обхватывает обе мои груди, как только они освобождаются, массирует их и играет с моими сосками, вызывая у меня тихие стоны.

Когда он добирается до моих джинсов, он уже не так терпелив. Он расстегивает молнию

и стягивает джинсы с моих ног, захватив с собой трусики. Я стягиваю обувь и предстаю перед ним совершенно голая, в то время как он до сих пор ничего не снял.

Дотянувшись до его футболки, я хватаюсь за мягкую ткань и задираю вверх. Он поднимает руки, помогая мне снять ее. Я бросаю ее на пол рядом с собой и тянусь к его брюкам, но он отбрасывает мою руку и подхватывает меня на руки.

Задыхаясь, я инстинктивно обхватываю его шею руками, а ногами — талию. Мгновение спустя я прижимаюсь спиной к двери.

Райдер поддерживает меня одной рукой и своим телом, пока расстегивает брюки. Затем он медленно опускает меня, насаживая на себя. Он заполняет меня одним глубоким толчком, погружаясь в меня. Я прижимаюсь к нему, мои ногти впиваются в его плечи, пока он прижимается ко мне.

Наши лица находятся всего в нескольких сантиметрах друг от друга, и я думаю, поцелует ли он меня. Он наклоняет голову и прижимается своим лбом к моему. Наши носы касаются друг друга. Мы оба задыхаемся. Его мягкое дыхание заставляет меня хотеть поцеловать его еще сильнее... попробовать его на вкус. Но я боюсь. Боюсь, что он не хочет. Боюсь, что это все еще не более чем мой долг.

Он входит в меня снова и снова, прижимая меня к двери все сильнее и сильнее. С каждым толчком он трется о мой клитор, приближая меня к падению с края.

Когда я чувствую приближение оргазма, желание поцеловать его одолевает меня. Его глаза закрыты, лицо искажено от удовольствия.

По прихоти я наклоняюсь и прижимаюсь губами к его губам. Он отстраняется, и его глаза открываются, но он не прекращает трахать меня. На его лице мелькает удивление, и я уже собираюсь извиниться, но тут его губы снова оказываются на моих.

Наш поцелуй стремительный, первобытный и собственнический. Он целует меня так, будто ждал этого сотню лет. Как голодный человек, вкушающий пищу. Что еще более удивительно, в этом поцелуе есть что-то знакомое. Словно это не впервые. Чувство дежавю овладевает мной.

Поцелуй только усиливает мое возбуждение. Оргазм накатывает на меня, захватывая все мое тело. Райдер продолжает трахать меня, продлевая удовольствие. Я не перестаю кончать, когда он находит свою разрядку, хрипя и погружаясь в меня так глубоко, что я чувствую его в конце своего канала.

Зарывшись лицом в мою шею, он пытается перевести дыхание. Он все еще удерживает весь мой вес, и я благодарна ему за это, так как мои конечности кажутся сейчас абсолютно бескостными. Я не думаю, что смогла бы устоять на ногах, даже если бы попыталась.

Он несет меня в примыкающую ванную комнату, о которой я даже не знала до этого момента. Он опускает меня на ноги, но обхватывает одной рукой, поддерживая меня. Закрыв глаза, я прислоняюсь к этому, прижимаясь щекой к его теплой груди.

Я слышу, как включается вода в душе, и чувствую, как крошечные капельки стекают по моей разгоряченной коже. Мы ждем, пока вода нагреется, прежде чем он направляет меня под струи. Через несколько минут я чувствую, как ко мне возвращаются силы, и я могу самостоятельно стоять.

Потянувшись за шампунем, я собираюсь помыть волосы, но Райдер забирает его у меня. Наливая в ладонь изрядное количество, он моет мои волосы за меня.

— Мне нравится заботиться о тебе, — признается он, шокируя меня до глубины души.

— Мне нравится, когда ты заботаешься обо мне, — шепчу я через мгновение. Это правда,

мне это нравится, возможно, даже нуждаюсь в этом. Я мечтала быть независимой женщиной, свободной от любого мужчины, но теперь я обнаружила, что поддаюсь этому, принимая в некотором смысле.

Я знаю, что играю в опасную игру, позволяя себе снова полагаться на кого-то, нуждаясь в том, чтобы кто-то заботился обо мне. Я даю Райдеру много власти, и я верю, что он не злоупотребит ею.

Пока он промывает мои волосы, я смотрю на его мускулистую, покрытую татуировками грудь, желая провести по ней пальцами. Наблюдение за тем, как напрягаются его мышцы при каждом движении, только усиливает это желание, но я останавливаю себя. Я все еще не знаю, что между нами, как это работает и что мне позволено делать. Что бы у нас ни было, я чувствую, что оно хрупкое, и мне нужно относиться к нему бережно.

Закончив с моими волосами, он берет мочалку и намывает ее. Он проводит ею по всему моему телу, намывая каждую часть меня, уделяя особое внимание месту между бедер.

Вымыв меня дочиستا, он ополаскивает мочалку и снова намывает. Вместо того чтобы помыться самому, он протягивает руку мне. Я секунду смотрю на мочалку, прежде чем в голове у меня что-то щелкает.

Я забираю ее у него, возбуждение бурлит в глубине моей души, и я провожу мыльной мочалкой по его коже. Начинаю с его груди, места, к которому я так хотела прикоснуться. Следя за тем, чтобы мочалка не накрывала мою руку полностью, я провожу кончиками пальцев по его коже.

Не торопясь, я мою все его тело так же, как он мыл мое. Я наслаждаюсь каждой секундой. Наслаждаюсь тем, как он позволяет мне исследовать каждый сантиметр его тела. После всего, что мы делали, ничто не было более интимным, чем это.

Довольно скоро прием душа закончился. Мы выходим, и Райдер достает из бельевого шкафа два больших полотенца. Он заворачивает меня в одно и вытирает себя другим. Пока я сушу волосы, он берет несколько простыней из того же шкафа, откуда достал полотенца, и расстилает их на кровати.

— Завтра я принесу новое одеяло. Ты голодна?

— Нет, я поела перед твоим появлением, — *перед тем, как ты вышиб дверь и ворвался внутрь, как танк.*

Я повесила мокрые полотенца сушиться в душевой кабинке и прошла в спальню. Райдер рассматривает мое обнаженное тело.

— Залезай под простыни, пока я снова тебя не трахнул, — приказывает он, и я понимаю, что он не шутит.

Простыни холодные, а матрас не такой удобный, как в доме Райдера, но, по крайней мере, он будет спать рядом со мной.

Он устраивается рядом со мной, выключая свет на тумбочке. Здесь нет окон, поэтому в комнате царит полная темнота. Сквозь стены проникает слабый звук музыки, но он достаточно тихий, чтобы не мешать мне заснуть.

Райдер не прикасается ко мне, но он достаточно близко, чтобы тепло его тела проникало в меня. Свернувшись калачиком на боку, я обернула тонкую простыню вокруг своего тела, пытаясь устроиться поудобнее. Тонкая ткань не согревает меня, а воздух в комнате прохладный.

Интересно, будет ли он не против, если я придвинусь ближе и украду немного тепла его

тела? Я рискнула поцеловать его, и все прошло хорошо, но я не хочу испытывать судьбу. Не думаю, что Райдер из тех, кто любит обниматься.

— Может быть, я просто подожду, пока он уснет, прежде чем придвинуться ближе.

— Тебе холодно? — неожиданно спросил он.

— Немного, — признаюсь я, лишь затем осознавая, что мой голос дрожит, потому что дрожу я.

Кровать скрипит, и простыня слегка сползает вниз, когда он двигается. Дрожь пробегает по моему телу, когда холодный воздух целует мою кожу, но он быстро исчезает, когда я чувствую его руки на себе.

Большие, сильные, теплые руки притягивают меня к его груди, окутывая теплом. Я прижимаюсь к нему, коря себя за то, что не решилась заговорить раньше.

Закрыв глаза, я расслабляюсь, превращаясь в мягкую массу в его объятиях. Проходит совсем немного времени, прежде чем я засыпаю, и впервые за долгое время мне хочется поскорее проснуться утром.

Райдер

Я просыпаюсь так же, как и заснул, — с руками, обхватывающими Пенни. Ее лицо прижато к моей груди, и с каждым ее вздохом по моей коже струится воздух.

Это должно казаться странным. Объятия никогда не были моей стихией. Поцелуи тоже никогда не были моей стихией. И все же, я чувствую себя правильно, когда делаю это с Пенни, девушкой, которую я так долго ненавидел. Как это возможно? Ничто в этом не имеет смысла.

Потянувшись, я включил лампу на прикроватной тумбочке, чтобы взглянуть на нее. Может быть, ее вид напомнит мне, кто находится в моих объятиях. Я вглядываюсь в ее лицо. Ее губы слегка приоткрыты, глаза закрыты, а ресницы покоятся прямо под ними, как крошечные крылышки. От взгляда на нее ничего не меняется. Я все еще хочу ее. Все еще хочу обнимать ее, хочу защищать и заботиться о ней.

Вздвигнув рядом со мной, она медленно просыпается, все ее тело напрягается. Моргая, она оглядывается и на мгновение на ее лице проступает паника. Когда она осознает, где находится, ее тело расслабляется, и она снова тает в моих руках.

— Как долго мы должны здесь оставаться? — спрашивает она, ее голос все еще сонный.

— Столько, сколько потребуются, чтобы найти Такера и привести в порядок мое жилье, — я уверен, что ей не нравится находиться здесь, но ей придется потерпеть.

— Насчет вчерашнего... — начинает она, но затем делает долгую паузу. — Мы... я имею в виду, я все еще выплачиваю свой долг?

Мое сердце начинает учащенно биться от ее вопроса. Я знаю, о чем она спрашивает. Вчерашний секс был связан с деньгами, или это было нечто большее? Она хочет знать, в каких отношениях мы находимся, но я не готов сказать об этом вслух. Я не могу, может быть, никогда не смогу.

— Ничего не изменилось, — даю я ей размытый ответ.

Я чувствую, как она сразу же отстраняется, физически и ментально. Я почти хочу вернуть все назад... почти. Но правда в том, что *ничего* не изменилось, потому что я никогда не думал о деньгах. Я всегда просто хотел ее. Единственное, что изменилось, это причина, по которой я хочу, чтобы она была рядом.

Конечно, она этого не знает. Она думает, что я просто хочу использовать ее тело, чтобы извлечь выгоду.

— Почему ты пришел за мной? Почему ты просто не позволил Такеру добраться до меня?

— Как ты расплатишься со мной, если умрешь?

Она вздрагивает от моих слов, затем отворачивается от меня всем телом, словно я оттолкнул ее. Не исключено, что и я так и сделал, но так и должно быть. Я не могу позволить ей подобраться слишком близко. Это усложнит жизнь нам обоим, когда придет время расстаться.

Я не дурак. Сейчас она полагается на меня, позволяет мне заботиться о ней, потому что я ей нужен, но как только Такер исчезнет из поля зрения, и она снова будет в безопасности, она вернется домой. К своей собственной жизни. И мне там не будет места.

— Не делай из этого больше, чем есть на самом деле, — поднимаясь с кровати, я беру

свою одежду и натягиваю ее. — Ты мне должна. Я беру плату в виде траха. Вот и все. То, что я мил с тобой в промежутках, не подразумевает, что между нами что-то есть.

Взглянув на нее, замечаю, что она сидит, опустив голову, и смотрит на свои руки, лежащие на коленях. Простыня обернута вокруг ее тела, скрывая от меня ее маленькие упругие груди.

— Все понятно, — она кивает, не поднимая глаз. Ее длинные каштановые волосы скрывают ее лицо, как занавес, и я предполагаю, что так и задумывалось.

— Одевайся. Мы должны встретиться с Мэддоксом.

Она сползает с кровати, и я отвожу взгляд. Если я сейчас посмотрю на ее обнаженное тело, мы не скоро покинем эту комнату.

Когда мы выходим, я беру ее за руку и веду по коридору. Как только мы входим в бар, я крепче прижимаю ее к себе и тяну за собой грубее, чем необходимо. Она хныкает, но не жалуется.

Время раннее, и в баре находятся всего несколько человек, желающих выпить по бокалу утреннего пива, но я не хочу, чтобы кто-то знал, чем для меня является Пенни. Я веду ее прямо через бар к лестнице, ведущей в кабинет Мэддокса.

Я не отпускаю Пенни, пока мы не оказываемся перед его дверью. Она потирает руку в том месте, где я держал ее, и меня пронзает нежелательное чувство вины.

Постучав в дверь, я жду, пока Мэддокс пригласит нас войти.

— Входите...

Толкнув дверь, я захожу и занимаю место напротив него за столом. Пенни робко входит следом за мной. Она закрывает дверь, и я жестом приглашаю ее сесть рядом со мной.

Опустив голову, словно избегая смотреть в глаза Мэддоксу, она садится.

— Мы все еще не можем разыскать его, — рычит он. — Но раз уж она здесь, у меня есть для нее работа.

Мэддокс открывает ящик позади своего стола и достает стопку бумаг, раскладывая их на столе перед Пенни.

— Мне нужно, чтобы ты просмотрела все бумаги и проверила все цифры за последние несколько лет.

— Хорошо, — говорит она так тихо, что почти неслышно. Она прочищает горло, и когда она снова начинает говорить, это звучит громко и четко. — Но я хочу кое-что взамен.

Черт.

Я стискиваю зубы от злости. Она попросит списать ее долг, я, блять, знаю это. Без долга у меня не будет причин удерживать ее здесь.

Мэддокс откинулся на спинку своего офисного кресла.

— Вот как? Я не думаю, что ты в том положении, чтобы выдвигать требования, но из любопытства, чего ты хочешь?

— Я хочу ноутбук и доступ в интернет, — объясняет она.

— Я достану тебе гребаный ноутбук, — рычу я. — А теперь проверь эти гребаные цифры, — я не знаю, кто больше удивлен моей вспышкой, Мэддокс, Пенни или я сам.

Ее дрожащая рука тянется к бумагам, и она просматривает их.

— Мне нужно немного времени для этого, — шепчет она.

— Ты можешь отнести их в комнату Райдера, но они не должны покидать территорию...

Мэддокс еще не закончил говорить, когда я уже поднялся на ноги. Собрав бумаги, я

запихнул их под мышку и схватил Пенни, поднимая ее на ноги.

— Что-нибудь еще? — рычу я.

— Зайди попозже, мне нужно поговорить с тобой наедине, — пренебрежительно говорит он.

— Ладно, — я киваю и вытаскиваю Пенни из офиса и веду через бар тем же путем, которым мы пришли.

Захлопнув дверь, я запираю нас в своей комнате и бросаю кипу бумаг на кровать.

— Что это, блять, было? — кричу я на нее, отчего она бледнеет. На ее лице написано чувство вины, но даже это сейчас меня не успокаивает.

— П-прости, — шепчет она. — Мне просто нужно заполнить несколько заявлений...

— Мне плевать, — не даю ей закончить. — Ты не требуешь ничего от Мэддокса. Ты ни от кого здесь ничего не требуешь.

Блять. Она понятия не имеет, что она только что сделала.

— Мне жаль, — произносит она, но ее слова не имеют значения. Ущерб уже нанесен.

— Приступай к бумагам, — приказываю я и отворачиваюсь от нее.

Покинув комнату, я возвращаюсь наверх, чтобы поговорить с Мэддоксом. Прежде чем войти в его кабинет, я делаю успокаивающий вдох, словно это может помочь.

На этот раз я не стучусь, а просто вхожу в кабинет и сажусь напротив него.

— Она должна уйти. От нее одни неприятности, и она не знает своего места.

— Я справлюсь с этим.

— Хрен тебе. Ни хрена ты не справляешься. Она обвела тебя вокруг пальца, и парни заметили это. Тебе нужно перестать думать своим членом и начать использовать свой мозг. Ты связан с этим клубом, а не с какой-то киской. Разберись с ней, или это сделаю я.

Угроза повисла в воздухе. Я хочу сказать ему, чтобы он пошел на хрен, но правда в том, что он прав. Независимо от того, хочу я это признать или нет, она проникла под мою кожу. Хуже того, она выставляет меня слабым. Это должно прекратиться.

Я должен положить этому конец... и я должен сделать это до того, как это сделает Мэддокс.

Пенни

Райдер доводит меня до белого каления своими перепадами настроения и множественными личностями. В одну минуту он бросается спасать меня, а в другую — держит меня взаперти в комнате.

На одном дыхании он говорит: *«мне нравится заботиться о тебе»*. В следующий момент он говорит мне: *«ты в долгу, я принимаю оплату в виде траха. Вот и все»*.

Что из этого правда? Неужели я действительно настолько отчаялась, что воображаю, будто между нами есть что-то еще?

Бывают моменты, когда я уверена, что есть что-то еще. Например, когда он целовал меня в ответ и обнимал, чтобы согреть. Когда он мыл меня в душе, а потом позволил мне помыть его в ответ.

Прошло три дня, и я чувствую, что схожу с ума. То, что меня заперли в комнате без окон, не помогает. По крайней мере, теперь мне есть чем заняться.

Первые два дня я провела, изучая бухгалтерию, которую мне дал Мэддокс. С тех пор, как Такер начал вести бухгалтерию, он спускал деньги, но раньше это были небольшие суммы. Только в последнее время он стал жадничать, забирая все больше и больше денег, которые ему не принадлежали.

Вчера Райдер исполнил свое обещание и принес мне ноутбук. Я работаю на нем без перерыва, используя время, чтобы заполнить заявления на поступление в колледж и на получение гранта.

Каждое утро Райдер приносит мне завтрак, но оставляет меня здесь на весь день. Я жду, когда он вернется. Каждый день я с нетерпением жду, когда откроется дверь и он войдет. Сегодняшний день ничем не отличается от других.

Посмотрев на время в углу экрана компьютера, я понимаю, что его уже давно нет. Сегодня субботний вечер, и музыка из бара звучит громче, чем обычно. Я стараюсь не думать о том, что Райдер может быть там, пить со своими друзьями и смотреть на обнаженных женщин.

Ревность обволакивает мою грудь, мне становится больно и трудно дышать. Я не хочу представлять Райдера с другой женщиной, но я не дура. Я не вправе претендовать на него.

Когда я слышу скрежет ключа и звук отпираемого замка, я закрываю ноутбук и кладу его рядом с собой на кровать. Ожидая увидеть Райдера, я смотрю, как дверь распаивается, и большое тело заполняет дверную раму. Я резко вдыхаю, когда понимаю, что это не Райдер входит в комнату.

— Привет, Пенни, — раздается резкий голос Мэддокса, когда он закрывает за собой дверь.

Я инстинктивно отодвигаюсь назад на кровати, пока моя спина не оказывается плотно прижатой к изголовью. Мэддокс подходит ближе, на его губах появляется лукавая ухмылка.

— Где Райдер? — спрашиваю я, безуспешно пытаюсь сохранить ровный голос. Его ухмылка расширяется. Он знает, что я боюсь его, и ему нравится эта мысль. Такие мужчины, как он, питаются этим.

— Напивается. Развлекается, — он присаживается на край кровати, и я как можно плотнее подтягиваю ноги к груди.

— Почему ты здесь? — спрашиваю я, прекрасно зная, что ответ мне не понравится.

— Просто хотел задать тебе несколько вопросов. С тех пор как ты вошла в мой бар, Райдер стал другим. Отвлеченным. Ты — слабое место, и я не могу этого позволить.

— Мне жаль, — говорю я на автопилоте. Я не уверена, за что именно я извиняюсь, но он явно считает, что это моя вина.

— Ты та девушка, благодаря которой его отправили в тюрьму, не так ли?

Я тяжело сглатываю, в горле образуется огромный комок.

— Д-да.

— Не знаю, в какую игру ты играешь, но сейчас она закончится.

— Я не... то есть я не...

— Заткнись, — рычит он, сырая злость в его голосе заставляет меня вздрогнуть. — Давай. Ты идешь со мной.

— Куда мы идем?

Схватив меня за руку, он поднимается на ноги и тянет меня за собой.

— Сегодня вечером ты выплатишь свой долг, и к утру тебя здесь уже не будет.

— Пожалуйста... — умоляю я, упираясь пятками в пол, пока он тащит меня из комнаты. — Пожалуйста, не надо! — говорю я чуть громче, но мои мольбы остаются без внимания.

— Ты собираешься зайти в этот бар и устроить всем небольшое шоу. Потом ты отсосешь у того, кто захочет, чтобы твои губы обхватили его член, а когда ты закончишь с этим, ты выйдешь через парадную дверь и никогда не вернешься. Все ясно?

Нет, нет, нет! Я интенсивно качаю головой. Райдер сказал, что меня никто не тронет. Он обещал. Мой разум твердит мне верить ему, доверять его словам, но мое тело не в состоянии поверить.

Когда мы входим в бар, я впадаю в полную панику. Мое сердце бешено колотится, и мне кажется, что я не могу дышать. Я осматриваю помещение в поисках Райдера, надеясь, молясь, что он здесь, но все, что я вижу, — это незнакомые лица.

Мэддокс за руку тащит меня к барной стойке, и в памяти всплывает самый первый раз, когда я была здесь. Тот же страх, который я испытывала тогда, сейчас струится по моим венам.

Мы доходим до задней части бара, и тут я наконец-то вижу его. Райдер сидит за одним из столиков, рукой обхватив стоящую перед ним бутылку пива. Он поднимает глаза, и его взгляд сразу же находит мой.

— Райдер наконец-то согласился поделиться, — объявляет Мэддокс. — Это ее последняя ночь здесь, так что развлекайтесь, ребята.

Вокруг нас раздаются одобрительные возгласы, а Райдер по-прежнему сидит неподвижно, как каменная статуя.

На долю секунды мне кажется, что он сейчас вскочит и оттащит меня от своего друга. Я думаю, что он спасет меня, защитит, как обещал, но он не двигается. Его лицо ничего не выдает. Его стеклянные глаза лишены эмоций.

Безнадежность омывает меня, угрожая затянуть в темные воды и утопить.

Мэддокс толкает меня в толпу, и незнакомые мне руки хватают меня. Я пытаюсь вырваться, отбиться от них, но это только заставляет их лапать меня более настойчиво.

— Вот она! Я ждал тебя, сладкая, — говорит кто-то. Я зажмуриваю глаза, когда он прижимается лицом к моей шее, облизывая кожу.

Я отшатываюсь, желчь поднимается в горле, отчего мужчина смеется только громче. Кто-то еще подходит ко мне сзади и прижимается к моей заднице. Другая рука хватает мою грудь, больно сжимая ее. Из моего горла вырывается всхлип, а из глаз текут слезы.

— Поплачь для нас, — шепчет кто-то мне на ухо. — Сделай мой член твердым.

Рука проникает в мои штаны, жестокие пальцы пробегают по трусикам, больно впиваясь в чувствительную плоть. Я хочу продолжать бороться, хочу быть сильной и смелой, но знаю, что это бесполезно. Это только усугубит ситуацию.

Поэтому я делаю единственное, что могу. Я перестаю бороться, перестаю думать, перестаю присутствовать в этой комнате. Я позволяю своему разуму отключиться, позволяя тьме окружить меня. Голоса отдаляются, их прикосновения становятся менее болезненными. Вот-вот меня не станет, я окажусь в месте, которое посещаю в самые темные часы.

Перед тем, как я полностью отключаюсь, что-то происходит вокруг меня. Пальцы между моих ног исчезают, руки, ощупывающие мою грудь, пропадают, и меня с силой перемещают по комнате.

Меня ударяют о кирпичную стену, достаточно сильно, чтобы выбить из меня воздух. Прежде чем я успеваю прийти в себя, большая рука обхватывает мое горло, удерживая меня на месте.

Я поднимаю руки, прижимая их к груди нападавшего, но он сдвигается так же, как и стена позади меня.

Мои глаза распахиваются, но я не вижу ничего, кроме темной ткани, покрывающей плечо прямо передо мной. Я втягиваю воздух, вдыхая знакомый мужской запах. *Райдер*.

— Успокойся, мать твою, — рычит он. Его губы так близко, что я чувствую его дыхание у своего уха.

Как только я слышу его голос, мои пальцы впиваются в его футболку, притягивая ближе, вместо того чтобы оттолкнуть.

Его хватка на моей шее крепкая, но не настолько, чтобы было трудно дышать. Вместо того чтобы заставить паниковать еще больше, он успокаивает меня.

Его тело прижимается к моему, и только тогда я понимаю, что он делает. Со стеной позади меня рядом остался только он. Он окружает меня, и никто не может дотронуться до меня — никто, кроме него.

Всем остальным может показаться, что он пугает меня, душит, стесняет мое пространство. Но Райдер знает, как использовать свое тело, чтобы успокоить мои страхи, и именно это он и делает.

Я расслабляюсь в его объятиях, доверяя ему свое тело, веря, что он защитит меня от всего плохого.

Я не сопротивляюсь, когда он отстраняется от меня, и не сопротивляюсь, когда он поднимает меня и перекидывает через плечо.

Куда бы он меня ни повел, что бы он ни собирался делать, я знаю, что буду в безопасности.

Райдер

Не глядя ни на Мэддокса, ни на кого-либо другого, я проталкиваюсь сквозь толпу с Пенни, перекинутой через мое плечо.

Парни кричат, чтобы я вернулся, поделился ею с ними, как и должен был, но я продолжаю идти к выходу из бара.

Танк, наш вышибала, бросает на меня вопросительный взгляд, когда я прохожу мимо него, но не делает ни шагу, чтобы остановить меня. *Хвала небесам.* Не зря же его прозвали Танком, в конце концов.

Я спешу к концу здания, где припаркован мой грузовик, и усаживаю Пенни на пассажирское сиденье. Обойдя половину грузовика, я замечаю приближающегося Мэддокса. *Твою мать.*

— О чем ты, блять, только думал? — огрызается он на меня. — Ты что, совсем спятил?

— Я ухожу, — это все, что я говорю, хватаясь за ручку двери. Прежде чем я успеваю распахнуть ее, Мэддокс отпихивает меня от грузовика.

— Ты хоть понимаешь, что ты только что сделал?

— Я точно знаю, что я сделал. Это ты не понимаешь, какую ошибку ты совершил, — выплюнул я в ответ, толкая его в плечи. — Я же тебе говорил! Я говорил тебе, что я, блять, сам со всем справлюсь, но ты должен был вмешаться. Ты должен был позаботиться о том, чтобы добиться своего.

Мы знакомы с Мэддоксом уже пять лет, и я могу по пальцам одной руки пересчитать количество раз, когда мне удавалось наблюдать какие-либо эмоции на его лице. Сейчас нет никаких сомнений в том, что он чувствует. Полнейший шок. Он абсолютно шокирован моими словами.

— Когда я не держал свое слово? Когда я хоть раз не сдержал свое слово? За пять лет я ни разу, не единого раза не дал тебе повода усомниться во мне, и все равно тебе пришлось пойти против меня.

— Я делаю то, что лучше для клуба, — говорит он, теперь немного более спокойно. — Это все, о чем я забочусь.

— Возможно, в этом твоя проблема. Я тоже забочусь о клубе, но это не значит, что я не могу заботиться о чем-то еще вместе с ним.

— Ты хочешь сказать, что ставишь ее выше клуба? — Мэддокс указывает на кабину моего грузовика.

— Я говорю, что защищаю то, что принадлежит мне. Это касается и клуба, и ее.

— Ты слеп. Это не более чем баба, которая наебала тебя один раз. Она собирается наебать тебя снова, и на этот раз я дам тебе сгнить в тюрьме, — Мэддокс отворачивается от меня.

— Пошел ты, — я открываю дверь и забираюсь в грузовик. Включив двигатель, я смотрю, как мой лучший друг возвращается в бар без меня, и не могу не задаться вопросом, не совершил ли я только что самую большую ошибку в своей жизни.

* * *

Мы едем в полной тишине, и это хорошо, потому что я не доверяю себе, чтобы сказать что-нибудь прямо сейчас.

Я подъезжаю к мотелю на другом конце города и паркую машину. Когда я выхожу, Пенни следует за мной в обветшалый вестибюль.

Она стоит рядом со мной, пока я оплачиваю номер.

Получив на стойке ключ-карту, я поворачиваюсь и двигаюсь вперед по дорожке, пока мы не подходим к нашему номеру. Мне не нужно оглядываться, чтобы убедиться, что Пенни следует за мной. Я чувствую ее, даже если мы не касаемся друг друга. Даже если я не слышу ее шагов, я знаю, что она рядом.

Войдя в комнату дерьмового мотеля, я включаю свет и сажусь на кровать, опускаю голову на руки и провожу ногтями по коже головы. Мне хочется вырвать свои гребаные волосы.

Я облажался. Действительно облажался сегодня, но какой у меня был выбор? Или это, или смотреть, как парни трахают Пенни у меня на глазах. Одна только мысль об этом подстегивает мой гнев. Мои мышцы вибрируют, руки трясутся, и все, что я хочу сделать, это ударить что-нибудь. Отпустить этот гнев.

Дверь закрывается, и я слышу, как задвигается засов. Кроме моего неровного дыхания и сердца, злобно бьющегося о грудную клетку, в комнате царит тишина.

Я чувствую, как Пенни становится передо мной, ее маленькие руки осторожно касаются моих предплечий.

— Скажи мне, что я могу сделать? Что я могу сделать, чтобы тебе стало лучше?

Ее вопрос застает меня врасплох. Что она может сделать? *Ничего*. Она снова застает меня врасплох, когда становится на колени между моих ног.

— Райдер, пожалуйста, скажи мне, что я могу сделать? Я сделаю все, что угодно, — ее голос наполнен эмоциями, и я знаю, сколь значимы ее слова.

— Если ты не хочешь, чтобы я выпустил свой гнев на тебя, тебе стоит отступить прямо сейчас.

— Тогда сделай это... делай все, что хочешь. Сделай мне больно. Выпусти это наружу. Делай со мной все, что хочешь.

Убрав руки от лица, я смотрю на нее. Она стоит на коленях, но ее голова высоко поднята, взгляд решительный, плечи расправлены, спина прямая. Если она и напугана, то не показывает этого.

— *Делай со мной все, что хочешь?* — я повторяю ее слова. — Ты не понимаешь, о чем говоришь. Ты не хочешь, чтобы я принял твое предложение, — предупреждаю я, но ее решимость не ослабевает.

— Хочу. Я могу выдержать это, и я верю, что ты не зайдешь слишком далеко.

Подняв руку, я обхватываю пальцами ее тонкое горло, как делал это раньше. Она не вздрагивает, не двигается и даже не моргает.

— Ты уверена, маленькая сова? Ты уверена, что сможешь справиться с этой моей стороной?

— Да, — она слегка кивает, ее глаза не отрываются от моих. Я чувствую ее учащенный пульс под моим прикосновением, но я не уверен, связано ли это со страхом или волнением.

Одним быстрым движением я перемещаю ее на кровать, а сам нависаю над ней. Не убирая руку от ее горла, я использую свободную, чтобы раздеть ее. Ее грудь вздымается и опускается, но она не сопротивляется. Ее руки неподвижно лежат рядом с телом, в то время как я срываю с нее одежду, пока она не оказывается полностью обнаженной подо мной.

Подобно подношению, она лежит на кровати. Полностью подчиняясь мне, она отдает

мне свое тело во всех отношениях. Она предоставляет мне всю власть, и это именно то, что мне сейчас нужно. Вернуть себе ощущение контроля.

Я чувствую, как гнев вытекает из моего тела, оставляя после себя сильное желание трахнуть ее до бесчувствия. Трахнуть ее любым способом, каким захочу.

Наклонившись, я захватываю губами ее упругий сосок, провожу языком по нежной коже, а затем резко всасываю его. Она подавляет стон, и ее спина слегка выгибается, прижимая ее сиськи к моему лицу.

Проведя зубами по ее нежной плоти, я легонько прикусываю, достаточно, чтобы причинить немного боли. Пенни хнычет, но не двигается и не отталкивает меня.

Скользя свободной рукой по ее животу, я проникаю между ее ног, раздвигая пальцами ее складочки. Она уже мокрая, и мои два пальца с легкостью проникают в ее киску, пока я продолжаю дразнить ее грудь, покусывая, посасывая и облизывая все, что мне нравится.

Отпустив ее сиськи, я приподнимаюсь, чтобы видеть ее лицо, пока я трахаю ее пальцами. Я ожидал увидеть хотя бы намек на страх, но все, что я обнаружил, это покрасневшие щеки, слегка приоткрытые губы и расфокусированный взгляд.

Я крепче сжимаю ее горло и ввожу третий палец в ее тугую киску. Ее глаза встречаются с моими, но затем резко закрываются. Она хватается руками простыни рядом с собой, словно ей нужно за что-то ухватиться.

— Уже жалеешь о своем предложении?

Она качает головой, но глаза остаются закрытыми.

— Делай все, что хочешь.

Я не знаю, почему она подталкивает меня сейчас. Я также не понимаю, почему я хочу надавить на нее в ответ. Почему я хочу испытать ее границы. Я просто хочу.

— Развернись, — приказываю я, вытаскивая пальцы из ее киски и отпуская ее шею. — Я хочу, чтобы ты стояла на руках и коленях.

Она немедленно повинуется, разворачиваясь, она встает на четвереньки.

— Раздвинь ноги шире. Попка в воздухе, — и снова она беспрекословно следует моим указаниям. Ее ноги широко расставлены, попка выпячена, открывая мне полный обзор.

Я раздеваюсь донага в считанные секунды. Мой член настолько тверд, что это причиняет боль. Я сажусь на кровать позади нее, хватаю ее за ягодицы и раздвигаю их еще больше.

Наклонившись, я провожу языком по всему пути от ее клитора до сморщенной дырочки. Она напрягается, но ничего не говорит.

Я продолжаю дразнить ее в этом месте, погружая язык в тугое колечко мышц, пока не чувствую, как она расслабляется.

Выпрямившись, я беру свой член в руку и направляю к ее киске. Скользя головкой по ее киске, я собираю всю влагу, прежде чем прижаться к ее входу.

Со стоном я глубоко проникаю в нее, заполняя ее киску одним толчком.

Блять... Она чувствуетея так хорошо. Моя голова плывет. Я могу потеряться в этих ощущениях, потеряться в ней.

Я отстраняюсь, чтобы снова погрузиться в нее, снова и снова. Каждый толчок заставляет ее тело подаваться вперед.

Протянув руку между ее лопаток, я толкаю ее вниз, прижимаю ее верхнюю часть тела к матрасу, а другой рукой крепко сжимаю ее бедро. С вновь обретенным рычагом трахаю ее так, как всегда хотел, жестко и быстро.

Я не знаю, как долго я трахаю ее так. Минуты? Часы? Понятия не имею. Я потерял всякое ощущение времени, впечатывая ее в матрас.

Лишь когда я чувствую, как мой оргазм нарастает у основания позвоночника, я замедляюсь и ослабляю хватку на ней.

Ощущения слишком хороши, чтобы закончиться так скоро. Я хочу, чтобы это длилось всю ночь, если возможно.

— Ты все еще со мной, маленькая сова? — спрашиваю я, задыхаясь, проводя рукой вверх и вниз по ее позвоночнику. Она вздрагивает, но снова прижимается ко мне попойкой.

— Да, — бормочет она, прижимаясь щекой к матрасу.

— Ты сказала, что я могу делать все, что захочу, — указываю я, пробегая пальцем по дырочке в ее попке.

— Да, — она задыхается, когда мой большой палец обводит ее заднему отверстию.

Ухмыляясь, я продолжаю массировать ее сжатую дырочку, одновременно лениво трахая ее. Когда я понимаю, что она достаточно расслабилась, я отстраняюсь, чтобы собрать влагу из ее киски и размазать по заднему входу.

Она хнычет, когда я ввожу большой палец в тугое колечко мышц, но когда я несколько раз ввожу и вывожу его, она начинает стонать в простыни. Я знал, что ей это понравится.

Вытащив большой палец, я заменяю его головкой члена.

— Оставайся расслабленной, не напрягайся, — предупреждаю я, прежде чем медленно войти в нее. — Черт... ты такая тугая, — настолько тесная, что я не думаю, что смогу это сделать, не причинив ей боли. Во всяком случае, не таким образом.

Обхватив ее за талию, я притягиваю ее к себе и прижимаю к груди. Я обхватываю ее другой рукой, а затем скольжу между ее бедер, нащупывая ее набухший клитор.

— Кончи для меня, — я выдыхаю в ее ухо, не переставая поглаживать ее клитор. — Вот так,пусти меня.

Ее голова закидывается на мое плечо, и я использую это новое положение и осыпаю ее шею и плечо легкими поцелуями.

Она расслабляется в моей хватке, и мой член проникает внутрь на дюйм, заставляя ее стонать. Ее тонкие пальцы обхватывают мое запястье, но не отталкивая меня, а прижимая к себе.

Я погружаю три пальца в ее киску и потираю ладонью ее клитор, одновременно погружая член до конца в ее попку. Она вздрагивает, и с ее губ срывается тихий хнык. Ее острые ногти впиваются в мою кожу, и я шиплю от боли.

— Блять... — мои яйца шлепаются о ее кожу, пока я трахаю ее задницу. Одновременно я погружаю пальцы в ее другое отверстие.

— Райдер, — скулит она, ее ногти все глубже впиваются в мою кожу.

— Это и было твоей целью? — мой голос такой низкий и хриплый, что я едва могу признать его своим. — Ты хотела, чтобы я взял тебя именно так? Трахнул тебя, словно ты моя игрушка?

Мои грубые слова окончательно её подводят. Все ее тело конвульсирует, а из горла вырывается придушенный крик. Ее спина выгибается, а ее попка сжимает меня так сильно, что это вызывает мой собственный оргазм.

Я прижимаюсь к ней, цепляясь за ее стройное тело, когда кончаю глубоко внутри ее задницы. Комната кружится, и я вижу звезды. Разрядка накатывает на меня волна за волной, голова затуманилась, а тело ослабло настолько, что я больше не могу поддерживать себя.

Рухнув на кровать, я прижимаю ее тело к себе, пока не удастся перевести дух.

Когда я, наконец, вновь обретаю контроль над своим телом, я поднимаюсь, чтобы убедиться, что с Пенни все в порядке. Она все еще тяжело дышит, тонкий слой пота покрывает ее тело. Я смахиваю влажные волосы с ее шеи и нежно целую ее.

Я хочу спросить, все ли с ней в порядке, но, взглянув на ее лицо, я знаю ответ. Выражение ее лица расслабленное, спокойное и сытое. Ее губы даже растянуты в крошечной улыбке. Глаза уже закрыты, и, несмотря на то, что она лежит на этой дерьмовой кровати в мотеле, похоже, что она собирается выспаться лучшим образом.

Осторожно выхожу из нее, морщась от холода и потери контакта.

Сходив в ванную, я достаю мочалку и смачиваю ее теплой водой. Когда я возвращаюсь к кровати, то обнаруживаю, что она не сдвинулась ни на дюйм, а ее глаза закрыты. Она выглядит полностью изможденной.

Она не вздрагивает, когда я вытираю у нее между ног, и не шевелится, когда я приподнимаю ее тело, так что ее голова оказывается на одной из хлипких белых подушек.

Прежде чем лечь, я дважды проверяю замок и окно. Достав из куртки пистолет, я убеждаюсь, что он заряжен, и кладу его на тумбочку. Это место и эта комната совершенно небезопасны, но на сегодня вполне сойдет. Завтра я найду что-нибудь получше.

Ложась на кровать рядом с Пенни, я накрываю нас шершавым одеялом из мотеля и прижимаю ее обмякшее тело к своей груди.

Сегодняшний день выдался на редкость поганым, но, по крайней мере, у меня есть это... *она* в целости и сохранности в моих объятиях. Даже если это продлится недолго.

Пенни

Открыв глаза, я осматриваю незнакомую обстановку. Спустя мгновение события вчерашнего вечера вновь нахлынули на меня.

Райдер лежит рядом со мной, тонкое одеяло накинуто на нижнюю половину его тела, а широкая грудь выставлена на всеобщее обозрение. У меня возникает желание придвинуться ближе, прижаться к нему, провести рукой по его голой груди и покрыть поцелуями всю его кожу.

Любуясь его телосложением, я вспоминаю, чем мы занимались прошлой ночью... как он трахал меня жестче, чем я думала, что когда-либо смогу выдержать. Я не лгала; я полностью доверилась ему, отпустив свои страхи. Я бы позволила ему делать все, что он хочет, потому что знаю, что он не пойдет слишком далеко. Он не причинит мне боли, не подтолкнет меня за грань.

Я отдалась ему, и в ответ он подарил мне самый умопомрачительный оргазм. *Господи*, я буквально потеряла сознание после этого.

— Я слышу, о чем ты думаешь, — пробормотал он, не открывая глаз.

— Что ты слышишь? — с любопытством спрашиваю я.

— Ты думаешь о том, как хорошо я сейчас выгляжу, — он ухмыляется, и я едва не отдергиваю руку.

Это что-то новенькое. Его игривая сторона. Комфорт, который я чувствую рядом с ним.

— На самом деле, ты почти угадал, — при моем ответе его глаза распахиваются, его брови приподнимаются, одаривая меня вопросительным взглядом.

— Продолжай, — дразнящим тоном говорит он.

— Я думала о том, чтобы прикоснуться к тебе. Может быть, поцеловать тебя, — шепчу я последнюю часть, внезапно почувствовав себя уязвимой.

— Я не знаю, будет ли это разумно. Прикосновения могут привести к сексу, а я уверен, что сегодня утром у тебя немного болит.

Тяжело сглатывая, я сжимаю бедра вместе. Движение подтверждает, что у меня действительно болит. Это не ужасная боль, скорее тупая боль. Это то, с чем я готова столкнуться снова, лишь бы почувствовать себя так, как прошлой ночью.

— Мм, да. Мне больно, но не в плохом смысле. Не похоже на боль в ребрах после того, как кто-то ударил меня в живот. Скорее, как болят мышцы после тренировки. Ты чувствуешь это, но это не совсем боль, скорее дискомфортное напоминание о том, чем ты занимался прошлой ночью.

— Так я и думал, — Райдер сбрасывает одеяло со своего обнаженного тела и встает, разминая спину. Я наблюдаю за тем, как напрягаются его мышцы, и чувствую, как моя сердцевина нагревается, несмотря на то, что я думала об этом всего несколько минут назад. Почему он так влияет на меня?

— Что же будет теперь? — спрашиваю я, пытаюсь отвлечься. Цепляясь за одеяло, я натягиваю его, прикрывая свои затвердевшие соски.

— Я не знаю. Но мы не можем оставаться здесь, — он запускает руки в волосы. — Пойдем позавтракаем. Мне нужно немного топлива для мозгов, прежде чем я смогу думать.

— У меня есть время на быстрый душ?

— Конечно, — он кивает и смотрит, как я встаю.

Даже спустя столько времени странно, что Райдер смотрит на меня таким образом, когда я голая. Он рассматривает мою обнаженную фигуру, как произведение искусства, как дорогое блюдо в пятизвездочном ресторане. Которое он хочет поглотить.

Я прохожу мимо него в ванную. Райдер тихо следует за мной, держась позади, когда я включаю воду.

Держа руку под струями, я жду, пока вода нагреется, а затем захожу в душ. Райдер с ухмылкой на лице заходит следом за мной.

Как и в прошлый раз, он моет меня с головы до ног. В ответ я делаю то же самое для него.

Мы ополаскиваемся и вытираемся тонкими полотенцами из мотеля.

Я ненавижу одеваться во вчерашнюю одежду, но у меня нет особого выбора.

Когда мы оба полностью одеты, мы выходим из номера мотеля, и Райдер отвозит нас в небольшую закусочную на окраине города.

В закусочной довольно много народу, что, вероятно, объясняется тем, что сегодня воскресное утро. Как и везде, куда мы ходим вместе, Райдер получает грязные взгляды. Приглушенные голоса окружают нас, когда мы садимся в самую дальнюю от входа кабинку. Райдер либо не замечает этого, либо ему просто все равно.

Официантка подходит, чтобы принять наш заказ, вскоре после того, как мы садимся. Она примерно моего возраста, но ее ярко-рыжие волосы, проколотый нос и походка говорят о том, что мы не можем быть более разными.

— Привет, меня зовут Эбби, и сегодня я буду вашим официантом, — со скукой произносит она свое приветствие. — Что вам принести? — спрашивает она, жуя жвачку. В руке у нее карандаш и маленький блокнот.

— Два завтрака, сладкий чай и кофе для нас обоих, — заказывает Райдер.

— Будет сделано, большой мальчик, — говорит она с подмигиванием и забирает меню со стола. — Мне нравятся мужчины, которые заказывают для своей женщины.

Я жду, что Райдер поправит ее, но он просто кивает, даже не поднимая на нее глаз. Вместо этого он сканирует ресторан, вероятно, в поисках угрозы. Может быть, он просто не услышал ее.

Я смотрю, как Эбби уходит в своем слишком узком и слишком коротком платье. Очевидно, она не из тех, кого пугает Райдер. На самом деле, у меня противоположное впечатление. Мне кажется, он ее привлекает.

Моя догадка подтвердилась, когда она вернулась с нашими напитками. Она ставит кофе и чай, затем вытирает воображаемое грязное пятно со стола. Оно оказывается напротив Райдера, поэтому ей приходится наклониться к нему, открывая ему полный вид на свое роскошное декольте.

В голове сразу всплывают полуобнаженные женщины в клубе, которые бросаются на мужчин. Мне всегда было интересно, где они находят таких женщин. Наверное, в таких забегаловках, как эта.

Она уходит, и я ловлю ухмылку на лице Райдера.

— Ты ревнуешь, маленькая сова?

— Нет, — наполовину лгу я. Ну ладно, может, и ревную. Она уверенная, бесстрашная и явно в вкусе Райдера. — Может быть, немного, — признаю я.

— Ревность смотрится на тебе неплохо. Я постараюсь, чтобы в будущем ты ревновала

почаще, — он откидывается на спинку кресла и продолжает осматривать ресторан.

Я не придаю слишком большого значения его словам, но не могу удержаться от попыток проанализировать их. Означает ли это, что он хочет, чтобы я была рядом с ним *в будущем*?

Вскоре Эбби, наша официантка, приносит нашу еду. И снова она бесстыдно флиртует с Райдером, хлопая ресницами и наклоняясь при каждом удобном случае. Несмотря на то, что теперь я знаю, что он нарочно продолжает с ней кокетничать, во мне поднимается гнев. Я не хочу, чтобы он флиртовал с ней или с кем бы то ни было, в шутку или нет.

— Хватит дуться, — говорит Райдер в середине трапезы. — Ты смотришь на меня так, словно я собираюсь трахнуть ее в уборной.

— Насколько я знаю, ты бы так и поступил, — я пожимаю плечами.

— Нет. У меня ни с кем не было секса с того дня, как ты вошла в бар.

Я смотрю на него, изучая его лицо, пока он продолжает есть. Он не лжет, по крайней мере, я так не думаю. Я была уверена, что у него наверняка был секс после моего ухода. На самом деле я подавляла эту мысль.

— Почему?

— Я не хотел, — Райдер запикивает в рот еще один кусок бекона, затем тянется через стол и забирает еще один с моей тарелки. — К тому же, я был слишком занят, преследуя тебя.

В следующий раз, когда Эбби возвращается, чтобы убрать наши тарелки, Райдер полностью игнорирует ее. Он даже не отвечает, когда она спрашивает, готовы ли мы расплатиться.

— Да, конечно, — говорю я ей.

— Это будет совместно или отдельно?

— Совместно, — рычит Райдер, заставляя Эбби слегка подпрыгнуть.

Она убегает, а Райдер поднимается. Достав из кармана две двадцатидолларовые купюры, он бросает их на стол и начинает уходить. Я выхожу из кабинки и слеую за ним, как потерянный щенок.

— Теперь, когда ты поел, ты знаешь, куда отправиться дальше?

— Сегодня воскресенье, — говорит он, словно я должна знать, что это значит. — День отдыха, — объясняет он.

Мы выезжаем со стоянки и возвращаемся на шоссе. Я не знаю, куда мы едем, но мы направляемся прочь из города.

Все еще измотанная прошлой ночью, я устраиваюсь поудобнее и немного дремлю.

Через некоторое время я просыпаюсь от толчка, когда грузовик останавливается. Дезориентированная, я оглядываюсь вокруг. Мы находимся в другом отеле, но этот отель — полная противоположность тому, в котором мы останавливались прошлой ночью. Он хороший, действительно хороший.

— Что мы здесь делаем?

— Отдыхаем, — объясняет Райдер, словно это самая очевидная вещь в мире. — Подожди здесь, я сниму нам комнату, — он выходит из грузовика, потом останавливается. — Вообще-то, пойдем со мной.

— Хорошо, — я вылезая из кабины, радуясь, что он не оставляет меня одну. Пусть даже на несколько минут. Я лучше побуду с ним.

Мы вместе входим в шикарный вестибюль, выглядя совершенно неуместно и плохо одетыми. Ради всего святого, администратор в костюме. Я уверена, что он собирается

попросить нас уйти, потому что мы не можем позволить себе остаться здесь, или, по крайней мере, скажет, что свободных мест нет.

К моему полному шоку, он приветствует нас с яркой улыбкой, не обращая внимания на наш внешний вид.

— Добро пожаловать в «Гранд Левин». У вас забронирован номер?

— Нет, я бы хотел снять номер на сегодня. Ну, точнее, на сегодня и на ночь. Я знаю, что еще рано, так что если понадобится оплатить две ночи, это будет нормально, — объясняет Райдер.

— Обычное заселение в два часа, но вы можете снять номер с ранним заселением. Дополнительная плата составит всего 100 долларов, нет необходимости платить за полную ночь.

— Звучит отлично.

— У меня есть прекрасный люкс с видом на атриум за 429 долларов за ночь, не считая завтрака, — он, наверное, думает, что мы сейчас уйдем, но Райдер просто достает свою кредитную карту и водительские права и протягивает ему. Если администратор и удивлен, он хорошо это скрывает.

Через минуту он вручает нам ключ от номера, и мы направляемся к лифту. Пока мы идем по отелю, я восхищаюсь тем, насколько здесь красиво: высокие потолки, блестящие мраморные полы, светлые обои с узором пейсли на стенах.

Номер такой же шикарный, каким я его себе представляла. Больше, чем любая спальня, в которой я когда-либо была. Она выглядит как из журнала по интерьеру. В центре расположена кровать королевского размера, покрытая по меньшей мере восемью аккуратно сложенными подушками. На стене перед кроватью висит огромный телевизор с плоским экраном.

Райдер разувается и ложится на кровать с пультом в руках.

— Давай, устраивайся поудобнее, — он похлопывает по месту рядом с собой.

Я хватаю одну из бутылок воды, стоящих рядом с дорожкой на вид кофеваркой, и присоединяюсь к Райдеру на кровати.

Он включает телевизор и начинает перелистывать каналы, остановившись на боевике.

Это так странно.

Лежать в постели с Райдером и смотреть кино — это так... нормально. И это не то, чем мы часто занимаемся. Я собираюсь спросить его, нравится ли ему подобное, хочет ли он, чтобы подобное было между нами постоянно, но потом вспоминаю, как все закончилось в прошлый раз, когда я задала ему подобный вопрос. Поэтому я решаю прикусить язык и наслаждаться моментом.

Наслаждаться моментом, пока он длится.

Райдер

Я поднялся до рассвета, оставив Пенни спать в номере отеля. Я воспользовался тренажерным залом отеля, прежде чем отправиться в ближайший *Уолмарт*⁴ и купить нам новую одежду.

Я оставил ей записку, чтобы она не испугалась, когда проснется. К моему возвращению было уже около восьми, но она все еще спала как младенец, когда я вошел в номер.

Свернувшись калачиком в центре огромной кровати, окруженная пушистыми подушками и хрустящими белыми простынями, она выглядит маленькой и невинной.

Она не просыпается, когда я вываливаю все купленные вещи. Я одеваюсь и раскладываю ее вещи на кровати. Только когда я завариваю кофе в встроенной в номере кофеварке, она начинает шевелиться.

Приподнявшись, она трет глаза тыльной стороной ладони.

— Привет, — она зевает, рассматривая мою новую одежду. — Ты уходил?

— Ага, принес тебе одежду. Надень это, — я показываю на купальник. — В отеле есть бассейн. Я хочу поплавать, прежде чем мы заберем Моджо от ветеринара.

Она быстро моргает, затем смотрит вниз на вещи, купленные мной.

— Спасибо. С Моджо все будет в порядке? Я имею в виду, куда мы его отвезем?

Это главный вопрос. Я размышлял об этом всю ночь и все утро. Сотня различных сценариев пронеслась в моей голове, но ни один из них не имеет смысла. Ни один из них не кажется правильным... *кроме одного.*

— У меня есть немного денег. Думаю, нам стоит ненадолго уехать.

— Уехать?

— Ага, типа уехать из города. А вообще-то, уехать из штата. Затаиться ненадолго, пока Такер не объявится, — *или на дольше*, мысленно добавляю я. — Сейчас не сезон, поэтому домики в горах дешевые и сдаются в аренду на недели или месяцы. Моджо тоже понравится. Когда он полностью поправится, мы сможем ходить в походы каждый день.

— Вау, ты действительно все продумал, — она пристально изучает меня. — А что, если я не захочу ехать? — я не могу скрыть ухмылку на ее вопрос.

— О, маленькая сова. Что я тебе говорил? Не заблуждайся насчет моей доброты. Не думай, что мы равны. Как я скажу, так и будет, и если я хочу, чтобы твоя задница была в хижине в горах, то твоя задница будет там. А теперь вылезай из постели и надевай этот гребаный купальник.

Нахмурившись, она встает и начинает одеваться. Прислонившись к стене и скрестив руки на груди, я наблюдаю за ней. Она влезает в купальник, который отлично сидит. Платье, которое я купил ей, чтобы надеть поверх него, не очень. Оно мешковатое, и бретельки спадают с ее плеч, но на сегодня сойдет.

Я веду ее через отель. Она сжимает одно из больших полотенец перед грудью, рассматривая каждый дюйм этой гостиницы с изумлением, подобно ребенку, который впервые в жизни попал в магазин игрушек.

Когда мы добираемся до бассейна, я с удовлетворением обнаруживаю, что он пуст. Скинув футболку и обувь, я встаю на край бассейна. Прыгнув в воду с головой, я ныряю под воду и доплываю до другого края бассейна, прежде чем всплыть на поверхность.

Пенни все еще одета, аккуратно складывает полотенце на стуле.

— Снимай платье и залезай сюда, — приказываю я.

Она бормочет что-то, чего я не могу расслышать за шумом воды в фильтре, но я уверен, что это что-то вроде «хорошо», или «я знаю». Она быстро снимает платье и шлепанцы, прежде чем залезть в бассейн. Она не прыгает в бассейн, а медленно заходит на мелководье.

Я нахожусь прямо в центре бассейна, когда поднимаю руку и предлагаю ей подойти ближе.

— Ты знаешь, что так будет не всегда, — произносит она, приближаясь ко мне.

— В каком смысле?

— Я исполняю приказы, позволяю тебе помыкать мной. В какой-то момент с меня будет довольно, и я уйду навсегда. Я уже делала так раньше.

Гнев пронесся через меня, как торнадо. Не потому, что она грозитя мне уходом, а потому, что она сравнивает меня с Томасом. Двумя большими шагами я преодолеваю расстояние между нами. Вода замедляет мое движение, но не настолько, чтобы она смогла оторваться от меня.

Я обхватываю рукой ее горло. Она задыхается, ее глаза расширяются, а руки обвивают мои запястья. Я веду ее назад, пока она не упирается спиной в бортик бассейна.

— Не сравнивай меня с ним. Я совершенно не похож на него. Я бы никогда не причинил тебе такой боли.

Я чувствую, как ее горло напрягается под моим прикосновением, когда она сглатывает.

— Я знаю это, но ты причиняешь мне боль другими способами.

— Заткнись, тебе нравится то, что я делаю с тобой. Даже когда я груб с тобой, ты кончаешь, так что не лги, — я бы никогда не завел ее слишком далеко. Я всегда забочусь о том, чтобы она тоже получала удовольствие.

— Нет, — она качает головой. — Это не то, что я имею в виду. Ты не делаешь мне больно, когда мы занимаемся сексом. Просто... Я не знаю, что между нами. Ты не разговариваешь со мной. Каждый раз, когда я думаю, что мы сближаемся, ты отталкиваешь меня.

— Чего ты ожидаешь? Как ты хочешь, чтобы я себя вел? Как гребаный прекрасный принц? — я сдавливаю рукой ее горло, прежде чем полностью отпустить ее. — Я такой, какой есть.

Я тычу пальцем в свою грудь.

— И это не изменить.

— Я не прошу тебя меняться. Я прошу тебя впустить меня.

— И этого тоже не произойдет. Я никогда не смогу доверять тебе снова.

На ее лице отражается боль, будто слова физически ранили ее. Часть меня хочет заключить ее в объятия и сказать, что я не серьезно. Но вместо этого я цепляюсь за эту последнюю каплю боли. Я должен, потому что если я этого не сделаю, то не смогу справиться, когда она уйдет, после того, как все закончится.

* * *

Мы едем за Моджо. Пенни в грузовике, и мы вместе собираемся отправиться в длительный отпуск.

Я должен пребывать в отличном настроении. Но это не так.

Я прокручиваю в голове то, что Пенни сказала ранее. Она хочет, чтобы я впустил ее и не отталкивал. Даже если бы я захотел, я не знаю, как это сделать. Это никогда не работает.

Во всяком случае, не в долгосрочной перспективе. Она поймет это достаточно скоро.

— Я думаю, ты только что проехал мимо, — голос Пенни выдернул меня из моих грез. — Там справа была ветеринарная клиника.

— Черт, да, — я разворачиваюсь и через несколько минут въезжаю на парковку ветеринарной клиники.

Пенни выходит вместе со мной, и мы вместе заходим в ветклинику, в которой Моджо находился последние несколько дней. Я рассчитываюсь с женщиной на входе, и она поручает кому-то другому забрать мою собаку из будки на заднем дворе.

Когда парень вводит моего 150-фунтового ротвейлера в вестибюль, я улыбаюсь. Моджо выглядит как дерьмо. Он чертовски вялый, а на боку у него имеется выбритое пятно приличного размера. Шрам все еще выглядит покрасневшим, но когда он замечает меня, он немного оживает.

— Привет, приятель, — я опускаюсь на одно колено и провожу руками по его шерсти, потрепав его за ухом. Он утыкается мордой в мою грудь, и тут я вижу Пенни, стоящую на коленях рядом с нами.

Она протягивает свою маленькую руку и гладит его по лопаткам. Он подбирается к ней ближе и начинает облизывать ее лицо своим шершавым языком.

— Мы сняли швы и убрали конус. Пока что он не повредил рану, но если он это сделает, придется снова надеть конус.

— Понял, — я киваю, поднимаясь на ноги, после чего парень протягивает мне поводок Моджо.

Как только мы выходим через парадную дверь, я вижу его.

Мэддокс сидит на своем байке, припаркованном прямо рядом с моим грузовиком.

Блять!

— Садись на заднее сиденье с Моджо, — говорю я Пенни.

Когда я смотрю на нее, я вижу, что ее лицо побледнело, а плечи ссутулились, словно она пытается стать меньше... невидимой.

— Все будет хорошо, просто делай, что я говорю, — говорю я ей. Она придвигается ближе ко мне и замедляет шаг, так что она располагается немного позади меня, когда мы подходим к моему другу.

Открыв заднюю дверь, Пенни забирается внутрь, затем я поднимаю Моджо на заднее сиденье.

— Как, черт возьми, ты узнал, когда я приеду? — спрашиваю я после того, как закрываю дверь. Я не злюсь на него, но меня раздражает, что он здесь. Я отключил свой телефон по определенной причине.

— Позвонил им сегодня утром, спросил, когда нужно забрать Моджо.

— Конечно, ты позвонил. Слушай, я знаю, что так не принято, но я уезжаю из города на несколько недель...

— Я знаю, где Такер, — перебил Мэддокс.

— Где?

— Если я скажу тебе, как ты собираешься с ним поступить?

— Ты знаешь, что я сделаю. Он заслуживает смерти, — я немного понижаю голос на последней фразе. Не хочу, чтобы кто-нибудь из прохожих меня подслушал.

— Он заслуживает, — Мэддокс кивает. — И что потом? Ты все равно *уедешь из города на несколько недель?*

— Если с Такером все наладится, у меня не будет причин уезжать.

— А что насчет нее? — он указывает на кабину грузовика.

— Я отправлю ее обратно домой.

— Вот так просто?

— Вот так просто, — повторяю я.

Мэддокс смотрит на меня в течение нескольких мгновений, прежде чем продолжить:

— Оставайся у меня дома. Моджо и твоя девушка будут в безопасности. Мы позаботимся о Такере. Только ты и я, как в старые добрые времена.

— Я не знаю, — я опускаю взгляд на землю. — Ты не нравишься Пенни.

— Я не нравлюсь большинству людей, — Мэддокс усмехается.

— Справедливо.

— Да ладно. Даю тебе слово. Она будет в безопасности у меня дома.

— Хорошо. Мы останемся с тобой, — я киваю. Пенни может не доверять ему, но я доверяю. Он дал мне слово, и он никогда не нарушал его раньше; и лучше бы ему не нарушать и сейчас.

Пенни

Еще до того, как Райдер забирается обратно в грузовик, я понимаю, что наши планы скоро изменятся. Я не слышу, о чем они говорят, но могу прочитать достаточно языка их тела, чтобы понять, что Мэддокс о чем-то просит Райдера. Поначалу Райдер не соглашается, но потом его плечи опускаются в знак поражения, и он слегка кивает.

Тяжелая голова Моджо покоится у меня на коленях. Я провожу пальцами по его мягкому меху, позволяя ему немного успокоить мои нервы.

Райдер открывает дверь и садится на водительское сиденье, а мотоцикл Мэддокса с ревом проносится рядом с нами. Даже после того, как Райдер закрывает дверь, мотоцикл ревет так громко, что я чувствую вибрацию, исходящую от него. А может, это просто я дрожу от страха.

— Он нашел Такера, и мы собираемся остаться у Мэддокса на ночь. Там ты будешь в безопасности.

— Ты говорил то же самое, когда отвез меня в клуб.

— И? Тебя кто-то обидел в клубе?

— Ну, нет, но... — *твои друзья чуть не изнасиловали меня.*

— Но ничего. Я оберегал тебя, как и обещал, — он заводит грузовик и выезжает с парковки.

— Хорошо, — соглашаюсь я. Вряд ли он передумает.

Мы едем гораздо дольше, чем я ожидала. Я думала, что Мэддокс будет жить недалеко от клуба, как Райдер, но на самом деле он живет примерно в часе езды.

— Он редко сюда приезжает. Большую часть дня он проводит в клубе, — отвечает Райдер на один из моих невысказанных вопросов, пока мы едем по длинной и извилистой подъездной дорожке.

Я не видела другого дома в течение примерно пяти минут, что означает, что у него нет соседей. Не сомневаюсь, что его уединение — продуманный ход.

Когда мы подъезжаем к дому, открывается пристроенный гараж, и Мэддокс загоняет свой мотоцикл внутрь. Райдер паркует свой грузовик перед гаражом и глушит двигатель.

Моя голова идет кругом, когда я смотрю на двухэтажный особняк, который выглядит так, словно здесь живет большая семья. Интересно, живет ли он здесь один? Из того немногого, что я знаю о Мэддоксе, он одиночка. Я сомневаюсь, что у него есть девушка или кто-то еще, живущий с ним.

Я настолько погрузилась в свои мысли, что вздрогнула, когда открылась задняя дверь.

Райдер забирает Моджо из грузовика, а я сползаю с сиденья следом за ним. Когда я вылезая, рядом с грузовиком стоит Мэддокс, его руки скрещены на широкой груди.

— Расслабься, я дал Райдеру слово не трогать тебя, — говорит он мне, его тон дает мне понять, что он не рад этому.

Просто кивнув, я следую за Райдером в дом, через гараж. Моджо все еще двигается вяло, и я уверена, что он отключится, как только получит возможность где-нибудь прилечь.

Внутри дома на удивление уютно. Первым делом мы попадаем на кухню. Белые, обветренные шкафы охватывают угол, а в центре комнаты стоит большой кухонный островок, с потолка над которым свисают кастрюли и сковородки. На окне над глубокой

двойной раковиной висят занавески в виде подсолнухов, что придает кухне атмосферу загородного дома.

На стене у лестницы висят фотографии — семья с тремя маленькими детьми, и я задаюсь вопросом, действительно ли это дом Мэддокса.

Гостиная такая же красивая, как и остальная часть дома. Большой диван стоит перед кирпичным камином, над камином висит телевизор.

— Просто уложи Моджо на диван, — говорит Мэддокс, напоминая мне, что он находится прямо за мной.

— Садись и оставайся с ним, — говорит мне Райдер, когда Моджо устраивается.

Ему не нужно повторять мне дважды. Я обхожу диван и сажусь, осторожно прижимаясь к Моджо.

Парни исчезают в другой комнате, но я знаю, что они недалеко, потому что слышу их приглушенные голоса. Я неловко устраиваюсь на диване и жду, пока они закончат свой разговор.

Когда они возвращаются, они выглядят такими же взбешенными, как и раньше. Я надеялась, что разговор разрешит то, из-за чего они ссорятся. Очевидно, нет.

— Мы оставим тебя здесь ненадолго, — объявляет Райдер. — Мы позаботимся с Такере... после я отвезу тебя обратно к тебе домой, и ты забудешь, что последние несколько недель вообще когда-либо происходили.

Его слова не должны причинять мне такую боль, но они причиняют. Они режут так глубоко, что мне кажется, будто мое сердце кровоточит. Он не только прогоняет меня, но и хочет, чтобы я все забыла. Я должна радоваться, должна испытывать облегчение от того, что он дает мне выход, способ начать жизнь с чистого листа, но мое глупое сердце не дает мне этого сделать.

Слезы наворачиваются на глаза, но я отгоняю их. У меня будет много времени, чтобы поплакать позже наедине.

— Это поможет ему отключиться на некоторое время, — говорит Райдер, протягивая Моджо таблетку, завернутую в сыр. — Ты можешь подняться наверх в комнату для гостей.

— Я лучше останусь здесь с Моджо, — говорю я ему, мой голос дрожит от непролитых слез и миллиона эмоций, бурлящих в моей душе.

— Как знаешь, — присоединяется к нашему разговору Мэддокс. — В холодильнике есть еда.

Я предполагаю, что он подразумевает, что я могу что-то съесть, не говоря об этом.

— Мы вернемся через несколько часов, — Райдер бросает на меня взгляд, который гласит: *«Не делай глупостей»*.

— Хорошо, — кивнув, я наблюдаю, как они исчезают через парадную дверь. Я начинаю плакать, как только щелкает замок. Райдер, выходящий за дверь и не оглядывающийся, слишком сильно олицетворяет то, что он делает со мной.

Молча, я позволяю слезам свободно струиться и утешаюсь теплом, которое дает мне большое тело Моджо.

Вскоре после их ухода Моджо погружается в глубокий сон. Я продолжаю поглаживать его еще некоторое время после того, как он отключился, просто наслаждаясь тем, как его шерсть ощущается между моими пальцами.

Когда я больше не могу сидеть на месте, я поднимаюсь и прохаживаюсь по комнате. Я ощущаю себя здесь странно, особенно в одиночестве. Но это не мешает мне немного

пошарить вокруг.

Я рассматриваю фотографию, висящую на стене. Присмотревшись, я понимаю, что дети — это два мальчика и девочка. Все они близки по возрасту, возможно, с разницей в год. Оба родителя выглядят счастливыми и влюбленными.

Первые несколько фотографий сделаны, когда дети, должно быть, учились в начальной школе. По мере продвижения по коридору дети становятся старше, пока не оказываются на выпускном в средней школе. Тогда я впервые узнаю его.

Он похож на другого человека без татуировок, бороды и постоянного сердитого хмурого выражения лица, но я уверена, что это Мэддокс. Я не могу не задаться вопросом, как он так сильно изменился. Что с ним случилось? Что случилось с его семьей?

Эти вопросы не дают мне покоя, мой желудок урчит, а с дивана доносится мягкий храп Моджо. Я иду на кухню, решив найти что-нибудь перекусить.

Хотя Мэддокс сказал, что у него есть еда, но открыв холодильник, я обнаруживаю, что он почти пуст. Как у типичного парня, у Мэддокса больше пива и всяких заправок, чем настоящей еды. Однако я обнаруживаю немного сыра и мяса для сэндвичей, спрятанных за упаковкой пива.

Я роюсь в шкафах в поисках хлеба, но быстро сдаюсь. Достав тарелку, я выкладываю на нее сыр и ветчину. Запах мяса заполняет мои ноздри, и меня охватывает волна тошноты.

Голод внезапно превращается в бурление в желудке, и я судорожно вздыхаю. *Какого черта?*

Бросившись к раковине, я хватаюсь за стойку по обе стороны и опускаю голову. Закрыв глаза, я делаю несколько глубоких вдохов через нос, пока тошнота не проходит.

Еще больше слез текут из моих глаз и стекают по лицу. Мне не нужно быть гением, чтобы понять, что это значит. Наш неизменный секс без презервативов настиг нас. У меня нет регулярных месячных, поэтому я не могу судить только по этому признаку, но тошнота в дополнение к этому — явный знак.

— *Тогда тебе лучше принять таблетку экстренной контрацепции. Потому что я не собираюсь заботиться о каком-то сопляке,* — слова Райдера проносятся у меня в голове. То, что я беременна, ничего не изменит. Он все равно отправит меня прочь... все равно бросит меня.

Как я буду заботиться о ребенке? Я едва могу позаботиться о себе.

Как только мысль об аборте приходит мне в голову, я сразу же ее отбрасываю. Я никогда не смогу пройти через это. Неважно, насколько трудно будет, я никогда не смогу этого сделать... *никогда.*

Оторвав кусок бумажного полотенца, я вытираю глаза и беру свою тарелку. В этот момент я слышу, как что-то разбивается. Возможно, стакан или ваза. Я бегу в гостиную, уверенная, что Моджо, должно быть, зашевелился и что-то сбил, но когда я добегаю до дивана, Моджо все еще в отключке. Мне кажется, он вообще не двигался, и в комнате тоже ничего не разбито.

Неужели мне показалось?

Затаив дыхание, я остаюсь неподвижной и совершенно тихой, прислушиваясь к любому звуку. В течение долгого времени нет ничего, кроме тишины. Затем я слышу, как что-то движется... прямо позади меня.

Я не успеваю повернуться. Кто-то врывается в мою спину. Две руки обхватывают мое тело, заключая меня в клетку.

— Привет, маленькая зверушка, — Такер хихикает мне в ухо. — Наконец-то мы остались вдвоем. Нам будет так весело вместе.

«*Нем!*» — мысленно кричу я. Я не могу позволить этому случиться.

Мое сердце замирает, и кровь стынет в жилах, когда Такер разворачивает меня в своих объятиях, так что я оказываюсь лицом к лицу с ним. Его глаза безумны, они больше похожи на глаза дикого животного, чем человека.

Его губы кривятся в злобной ухмылке, словно он обдумывает все жестокие вещи, которые собирается со мной сделать.

Я толкаю его в грудь в слабой попытке вырваться, но он лишь усмехается, перекидывает меня через плечо, словно мешок с картошкой, и уносит. Я знаю, что не должна бороться, знаю, что это только усугубит ситуацию, но я должна попытаться вырваться. Я должна, потому что, возможно, мне придется защищать не только себя. Если я действительно беременна, я обязана бороться за жизнь, растущую внутри меня.

Я бью кулаками по его спине и сдвигаю колени, чтобы освободиться, но он только сильнее прижимает меня к себе.

— Продолжай бороться, от этого мой член становится только тверже, — он шлепает меня по заднице и смеется.

Когда мы оказываемся на улице, я слышу, как он открывает машину. Он бросает меня в багажник. Буквально бросает меня. Я больно ударяюсь спиной о дно багажника, что выбивает из меня дух. Прежде чем я успеваю прийти в себя, он захлопывает багажник, запирая меня внутри и погружая в темноту.

Я бьюсь, пинаюсь и кричу всю дорогу, надеюсь, что кто-нибудь меня услышит. Я не знаю, сколько мы едем, но мне кажется, что целую вечность. С каждым толчком мое тело подпрыгивает на неумолимом дне багажника.

Когда машина наконец останавливается, у меня болит горло от криков, а руки болят от ударов о металл.

Такер открывает багажник, и мне приходится зажмурить глаза — внезапный свет ослепил меня. Я вслепую размахиваю кулаками, отталкиваясь ногами и при этом кричу о помощи во всю мощь своих легких.

Его кулак появляется из ниоткуда и бьет меня по лицу. Моя голова откидывается назад, и зрение на мгновение темнеет.

— Заткнись. Ты режешь мои гребаные уши, — рычит Такер.

Он поднимает меня и закидывает обратно на плечо. Я на мгновение теряю сознание, а когда снова прихожу в себя, мы уже внутри. Дезориентированная, я оглядываюсь вокруг. Мы находимся в каком-то заброшенном здании, судя по пустым стеллажам на каждой стене, это магазин.

Мы проходим в какую-то подсобку, где Такер укладывает меня на матрас. Как только я оказываюсь на спине, он опускает колено мне на грудь, вдавливая его в диафрагму.

— Не двигайся, — он хватает что-то рядом с нами, и я быстро понимаю, что это кабельные стяжки. — Дай мне свои руки, — приказывает он. Я подчиняюсь, потому что уже задыхаюсь. Если он еще больше надавит на мою грудь, я вообще не смогу дышать.

Сперва он связывает мои руки, затем лодыжки, оставляя меня полностью в его власти. Этот факт становится еще более очевидным, когда он достает из сапога нож.

— Мы отлично повеселимся, — он злобно улыбается. Его глаза темные, зрачки настолько расширены, что тонут в зелени. От ненавистного выражения его лица на ум

приходит только одно слово.

Зло.

Райдер

Во всем доме пахнет плесенью, пылью и чем-то мертвым. Должно быть, здесь умерли от голода несколько крыс.

Надежно удерживая пистолет в ладони, я пробираюсь через дом с Мэддоксом рядом. Здесь совершенно тихо, даже слишком тихо, и проникнуть сюда было подозрительно легко.

Я бросаю взгляд на Мэддокса и, не говоря ни слова, понимаю, что он думает о том же самом, что лишь усиливает плохое предчувствие в моем нутре. Что-то не так, и мне это не нравится.

— Я не думаю, что он здесь, — говорит Мэддокс, когда мы поднимаемся на второй этаж, и в его голосе сквозит гнев.

— Кто тебе сказал, что он здесь?

— Бак. Он также сказал, что точно уверен, — рычит Мэддокс. Мой гнев возрастает. Бак и Такер довольно близки. — Я не думал, что он предаст нас.

— Я знаю, — я киваю, и это действительно так. Я верю Мэддоксу, и я не считал, что Бак тоже предал бы нас. Не зная, к чему бы это привело. Бак только что подписал себе смертельный приговор.

— Вопрос в том, зачем он послал нас сюда?

— Давай уберемся отсюда, пока это место не взорвалось, — полушутя сказал я. Зачем еще он направил нас сюда? Просто чтобы показать, что он может поймать нас? Я не думаю, что он способен придумать что-то подобное.

Не теряя времени, мы быстро выходим и возвращаемся к машине.

— Блять, — Мэддокс бьет кулаком по рулю. — Гребаный урод.

— Давай вернемся к тебе домой и там что-нибудь придумаем, — я пытаюсь успокоить его, в то время как внутри меня самого бушует буря. — Мы его поймаем.

Как только Мэддокс заводит машину, мой телефон вибрирует в кармане. Я достаю его и смотрю на экран.

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной? — рычу я. — Это он.

Я отвечаю на видеозвонок, проводя большим пальцем по экрану так сильно, что он может треснуть. Включается видео, и я замираю. Мое сердце останавливается, и ужас поселяется глубоко в моих костях.

— Привет, старый друг, — приветствует Такер, выглядя довольным собой. Камера наведена на него сверху. Он сидит на полу, а позади него — Пенни. Она лежит на боку, ее руки и ноги связаны, что делает ее еще более беспомощной, чем обычно. Часть ее лица опухла, а глаза красные от слез.

— Ты покойник, — прошипел я сквозь зубы, как раз в тот момент, когда Пенни подняла взгляд на телефон. В то мгновение, когда наши глаза встречаются через экран, у меня начинает щемить в груди. Я ощущаю явную боль, которую могла заставить меня почувствовать только она. Это смесь тоски, грусти и потерянной надежды.

Осознание того, что я так и не сказал ей правду, съедает меня изнутри. Я должен был сказать ей, что простил ее. Она больше не должна нести это чувство вины. Я должен был сказать ей, что она в безопасности, а не играть с ней. Мне следовало сделать многое, но теперь все это слишком незначительно и слишком поздно.

— Правда? Я чувствую, что обладаю большим количеством рычагов влияния, и я говорю не только о твоей маленькой сексуальной рабыне. Видишь ли, в клубе есть несколько парней, которые поддерживают меня. Они устали от твоего дерьма, Райдер, от того, что ты ставишь какую-то шлюху выше своих братьев.

— Ты лжешь, — рычит Мэддокс.

— Как, по-твоему, я заставил Бака отправить тебя в тот дом? Неужели ты настолько глуп, что не видишь, когда твои люди настроены против тебя?

— Чего ты хочешь, Такер? — спрашиваю я его.

— Я хочу, чтобы ты ушел из клуба. Я займу твое место. Ребята не против, чтобы Мэддокс оставался президентом, но они хотят, чтобы ты ушел.

— Ты знаешь, что существует только один способ уйти из клуба, — отвечает Мэддокс.

— Думаю, для тебя это смерть, — Такер пожимает плечами. — Слушай, мы можем пойти простым или трудным путем. Мэддокс может убить тебя прямо там, где ты стоишь. Быстро и легко. Я даже развяжу твою зверушку и отпущу ее. Тогда все вернется на круги своя... ну, почти. Я буду вице-президентом.

— Пошел ты, — рычит Мэддокс, пытаюсь выхватить у меня телефон.

— Сначала отпусти ее. Развяжи ее. Я хочу увидеть, как она уйдет, тогда я сделаю это.

— Ты думаешь, я тупой? Так дело не пойдет. Действуй сейчас, или я вымещу свое недовольство на ней.

Мэддокс бросается на меня, и на этот раз ему удается выхватить телефон из моей руки.

— Нет! — кричу я, но он уже сбросил звонок. Мой разум отключается, и я кидаюсь на него с кулаками. — Ты гребаный урод!

— Успокойся! — Мэддокс кричит мне в ответ, его кулак соприкасается с моими ребрами. — Послушай меня.

Я не слушаю. Я продолжаю бить его изо всех сил, не заботясь о том, что он хочет сказать.

— Я знаю, где он!

Мой кулак замирает в воздухе.

— Что?

— Я знаю, где он, — повторяет Мэддокс. — Я узнал эти гребаные обои.

Гребаные обои?

Я смотрю на него ошеломленно.

— Почему ты не начал с этого? Где они, блять, находятся?

— У старика Такера был магазин на углу улицы Мейн и Бристоль. Он обанкротился давным давно. Я шутил, что причиной тому, наверное, были уродливые обои.

— Дерьмо, это в часе езды отсюда... но всего в десяти минутах от клуба. Позвони парням, Мэддокс, — я пристально смотрю на своего друга, призывая его взять гребаный телефон.

— Райдер... — в его голосе звучат нотки, которых я не слышал в течение стольких лет, что не могу вспомнить, когда это было в последний раз. Неуверенность. Мэддокс, президент МК, который всегда так уверен в себе, колеблется. — Что, если Такер говорит правду? Если парни настроены против тебя, это лишь усугубит ситуацию.

— Он гребаный лжец, и ты это знаешь. Может, Бак и замешан в этом, но на этом все. Больше никто не пойдет против нас.

Мэддокс обдумывает мои слова еще мгновение, прежде чем разблокировать свой

телефон.

— Если я сделаю это. Если я привлеку клуб, чтобы спасти твою девушку, то мне нужно, чтобы ты мне кое-что пообещал.

— Пообещать что? — почти испуганно спрашиваю я.

— Что после этого все закончится. Ты отошлешь ее, и это будет самый последний раз, когда я вижу и слышу о ней.

— Договорились, — говорю я, не задумываясь. У нас нет времени на долбаную дискуссию. Я согласен на все прямо сейчас, как бы сильно мне этого не хотелось.

Мэддокс звонит в клуб, когда мы мчимся по дороге. Он включает громкую связь и объясняет, что произошло.

— Мэддокс, клянусь, Такер соврал, — голос Трика доносится через автомобильный динамик. — Никто из нас не пошел бы против тебя или Райдера. Этот ублюдок пытается играть с тобой. Мы прикрываем вас до конца.

Я смотрю на Мэддокса, который кивает и смотрит на меня взглядом, говорящим: *«тебе повезло»*.

— Да, президент, — вступает в разговор Медведь. — Мы не знали, да и никто из нас не потерпел бы такого дерьма. Такер — мертвец.

— Бак только что пришел. Что ты хочешь, чтобы мы с ним сделали? — спросил Такер.

— Посадите его задницу в камеру, и мне нужно, по крайней мере, пять парней на это место, — он говорит ему адрес и сообщает все необходимые детали. — Поймайте Такера, но пока не убивайте его. Мы сделаем это медленно позже... и не трогайте девушку. Просто держите ее там, пока мы не приедем. Мы уже в пути.

— Сделаем все, — соглашается глубокий голос Трика через динамик, прежде чем линия обрывается.

Вздыхнув с облегчением, я произношу:

— Я же говорил тебе...

— Заткнись и скажи мне, что ты понимаешь, о чем мы договорились? — Мэддокс прерывает.

— Бросить ее. Я понял, — раздражение сквозит в моем голосе. — Это был мой гребаный план с самого начала.

— Уверен, что так и было, — говорит Мэддокс.

Таков был мой план, только я не был уверен, удастся ли мне довести его до конца.

А теперь у меня нет выбора.

Пенни

Меня одолевает головокружение, но я изо всех сил стараюсь не заснуть. Мое зрение затуманено от слез, но я все равно держу глаза широко открытыми.

Такер стоит на коленях рядом со мной; используя свой нож, он медленно подносит его к моему горлу и погружает под футболку. Затем разрезает ткань по центру. Холодное лезвие проходит по моей коже, и я боюсь, что если посмотрю вниз, то обнаружу кровь.

Все мое тело дрожит, зубы стучат от страха. Я всегда думала, что наступит время, когда я привыкну к этому страху, боли и страданиям, но так и не привыкла. Агония не ослабевает, а ужас лишь растет с каждым разом.

Может, дело в том, что каждый раз, когда я переживаю подобное, я боюсь за свою жизнь. Я боюсь, что он пойдет слишком далеко и убьет меня. Возможно, сегодня я умру.

— Тебе холодно, зверек? Не волнуйся. Я согрею тебя через минуту, — он одаривает меня сальной ухмылкой.

Он останавливается между моих грудей и просовывает нож под лифчик. Одним движением он разрезает его, и мой лифчик падает, обнажая мою грудь.

— Хорошие сиськи, — одобрительно говорит Такер. — Немного маловаты, но сойдут. К тому же, меня больше волнует, чтобы твоя киска была тугой, — он грубо обхватывает одну из моих грудей и щиплет за сосок.

Прикусив внутреннюю сторону щеки, я заглушаю крик и дергаюсь в своих путах. Я пытаюсь вырваться из его хватки, мое тело дергается, словно его рука — клеймо. Возможно, так оно и есть. Каждый раз, когда он касается моей кожи, я чувствую, что навсегда останусь запятнанной им, подобно проклятию, от которого я не смогу избавиться.

— Я буду с удовольствием трахать тебя. Надеюсь, ты будешь кричать для меня каждую секунду.

Он снова поднимает нож и продолжает разрезать мою футболку. Когда лезвие проходит поверх моего живота, я начинаю паниковать еще больше. Наверное, это мое нервное состояние заставляет меня открыть рот, ведь я знаю, что лучше не пытаться возражать. Это только еще больше разозлит его и сделает наказание более суровым.

— Зачем ты это делаешь? Неужели ты не можешь найти женщину, которая охотно переспит с тобой?

— Конечно, могу, но где в этом удовольствие? Мне нравится, когда они борются со мной. Ты тоже будешь со мной бороться, не так ли? Или ты собираешься взять мой член добровольно? Скажи мне, ты боролась с Райдером?

При упоминании имени Райдера мое сердце сжимается в груди, как будто невидимая рука вцепилась в бьющийся орган внутри грудной клетки.

— Отвечай! — кричит он, слюна разлетается и попадает на мою кожу, когда лезвие вонзается в нежную плоть над моим пупком.

— Нет, — хнычу я.

— Нет? Почему? Тебе нравилось, когда он трахал тебя? — он отводит лезвие и смотрит на кровь, покрывающую его. Мою кровь, понимаю я.

— Да, — пролепетала я, не желая лгать.

— Тебе нравилось, — смеется он, — Конечно, нравилось. В конце концов, ты всего

лишь шлюха. Это то, что нравится Райдеру, понимаешь? Шлюхи, вроде тебя. Удивительно, но он им тоже нравится. Все любят Райдера, гребаного золотого мальчика, который не ошибается, — Такер говорит с таким ядом в голосе, что ненависть к Райдеру невозможно не заметить.

— Почему ты так ненавидишь Райдера? — спрашиваю я, пытаюсь поддержать его разговор.

— Почему? Потому что у него есть все, а у меня ничего. Все его любят. Все хотят его. Даже его гребаная собака предана ему. Знаешь, что сделала моя собака? Нассала в мои ботинки, — Такер беззлобно смеется. — Это всегда Райдер, все о Райдере. А как насчет меня, ха?

— Я-я не знаю, — я качаю головой, не зная, что сказать, чтобы успокоить его.

— Мне просто придется забрать все, что принадлежит ему, начиная с тебя. Ты должна была просто отсосать у меня и получить деньги, когда у тебя был шанс. Теперь тебя оттрахают во все дырки твоего тела, и причем совершенно бесплатно.

— Пожалуйста, не надо, — умоляю я, но это только еще больше подстегивает его. Я вижу, как его поношенные темные джинсы оттопыриваются спереди, давая мне понять, насколько он возбужден.

— Умоляй — меня это возбуждает не меньше, — он тянется к молнии, и я зажимаю глаза.

В тот самый момент, когда я потеряла всякую надежду выбраться отсюда, я слышу громкий удар, доносящийся со стороны входа в здание. Я распахиваю глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Такер встает и крутится на месте. Он тянется за спину, чтобы достать пистолет, заткнутый за пояс, но прежде чем он успевает поднять его в воздух, в комнату врываются пятеро мужчин. Трое из них направляют на него свои пистолеты.

— Брось пистолет, — приказывает один из них. Двоих из них я видела в баре. Это друзья Райдера. Это он их послал?

— Послушай, Трик, это всего лишь недоразумение, — пытается оправдаться Такер. — Она пришла ко мне. Она устала от Райдера и попросила меня трахнуть ее.

Трик смотрит мимо него и вниз, туда, где я лежу на матрасе. Все, что я могу сделать, это интенсивно покачать головой, надеясь, что он мне поверит.

— Не похоже, чтобы она получала от этого удовольствие, — Трик склоняет голову и поднимает бровь.

— Ей нравится быть связанной, ты же знаешь, каковы некоторые шлюхи. Им нравится грубость.

— Я не знаю, что меня больше беспокоит: то, как легко ты врешь нам в лицо, или то, какой ты больной ублюдок, что получаешь удовольствие от такого дерьма, — говорит кто-то еще.

— Слушайте, парни... — Такер делает шаг к своим друзьям, но его быстро останавливают.

— Брось свою гребаную пушку, или я прострелю твой член, — предупреждает Трик, направляя пистолет в промежность Такера, который тут же позволяет своему оружию упасть на землю. Он с грохотом приземляется в нескольких футах от меня.

Трик и парень рядом с ним подходят ближе, а остальные трое блокируют выход. Такер делает слабую попытку убежать, но его быстро останавливают и валят на землю. Я наблюдаю, как его связывают остатками кабельных стяжек на земле.

Только когда он полностью обездвижен, Трик подходит и опускается на колени рядом со мной. Тогда я понимаю, что моя футболка и лифчик разорваны, и каждый может видеть мою грудь. Он выхватывает из сапога нож, и мое сердце замирает. Он все-таки собирается меня убить.

Трик, должно быть, замечает мои мысли, написанные на моем лице, потому что он одаривает меня кривой ухмылкой.

— Спокойно, просто разрежу твои пути, — уверяет он меня. — Такер больше не причинит тебе вреда, и босс сказал не трогать тебя. Мэддокс и Райдер уже в пути. Так что сиди тихо.

Он перерезает кабельные стяжки вокруг моих запястий и лодыжек. Как только мои конечности освобождаются, я сажусь и подтягиваю колени к груди.

Подняв глаза, я обнаруживаю, что пять пар глаз с любопытством наблюдают за мной. Через мгновение все они отводят глаза и начинают переговариваться между собой. Наверное, мне стоит прислушаться, чтобы убедиться, что они действительно не намерены причинить мне вред, но я слишком поглощена тем, что только что сказал мне Трик...

Райдер скоро будет.

Райдер

Всю дорогу Мэддокс превышает скоростной лимит примерно на тридцатку, но я все равно чувствую, что этого недостаточно. Трик присылает сообщение, когда нам осталось около половины пути.

Трик: Взяли Такера. С девушкой все в порядке.

Его слова не уменьшают моего беспокойства. *В порядке* может означать много чего. Это не значит, что она невредима. Это значит, что она жива.

Я: Оставайтесь на месте. Мы будем там через двадцать минут.

Остаток пути мы едем в тишине. Только когда мы паркуемся перед захудалым магазинчиком, Мэддокс снова открывает рот.

— Помни, что ты обещал. Мне нужно, чтобы ты довел дело до конца. Покончи с этим.

— Я сдержу обещание, — киваю я. Я знаю, что должен сделать, и не только ради клуба.

Мы проходим через выбитую входную дверь, и я уже слышу голоса наших братьев, доносящиеся из задней комнаты. Я заставляю себя не бежать туда, но вместо этого ускоряю шаг.

Я вхожу в комнату, и мой взгляд сразу же устремляется на Пенни. Она сидит на матрасе в центре комнаты. Ее ноги подтянуты к груди, а руки плотно обхватывают колени. Она выглядит сейчас такой маленькой и беспомощной.

Трик, Брэдли и еще трое парней стоят вокруг нее, а Такер лежит на полу в нескольких футах от нее.

— Давайте отнесем этот кусок дерьма обратно в клуб, — приказывает Мэддокс. — У нас найдется для тебя хорошая комната в подвале.

Парни хихикают, точно понимая, какая именно это комната, — та, которую мы резервируем для особых случаев, когда кто-то собирается умирать очень медленно и очень мучительно.

— Райдер, позаботься о ней. Мы не начнем без тебя, — Мэддокс бросает на меня взгляд и протягивает мне ключи. Взяв их, я киваю ему.

Подойдя к Пенни, я наклоняюсь и поднимаю ее за руки.

— Пойдем, — когда я отрываю ее руки от тела, я понимаю, что ее футболка и лифчик разрезаны, и она выставляет свои сиськи на всеобщее обозрение. Черт! Мне приходится проглотить собственнический рык.

К моему облегчению, она поднимает свои изящные руки и скрещивает их на груди. Как только она прикрылась, я обхватываю ее сзади и веду к входной двери. Ее тело напряжено, а колени кажутся слабыми, поэтому я поддерживаю ее, пока мы идем на улицу.

Я сажаю ее в машину Мэддокса и рассматриваю ее растрепанную одежду. Она все еще в штанах, но я не могу быть уверен, что она была в них, когда парни приехали. Я должен спросить ее, как далеко он зашел, но я слишком боюсь ответа. Если она скажет, что он трахнул ее, я сойду с ума.

Я знаю, что это делает меня слабаком, но я просто не могу справиться с этим прямо сейчас, не потеряв рассудок. Я лучше выпытаю это у Такера позже. Так я смогу дать ему почувствовать мою ненависть немедленно.

— Сними это, — приказываю я, указывая на ее разорванную одежду. Она не делает ни

единого движения, пока я не стягиваю с себя толстовку и не протягиваю ей. Она быстро снимает свою рваную футболку и влезает в мою толстовку.

— Куда мы едем? — спрашивает она, когда я завожу машину.

— Я везу тебя домой, и на этот раз ты останешься там.

— Домой, — она произносит это единственное слово почти как вопрос, словно она не уверена, где именно находится ее дом.

— Я отвезу тебя в дом твоих родителей, и ты останешься там. А это... — я указываю между ней и собой. — Что бы ни было между нами, этому придет конец сегодня.

— Но...

— Никаких «но», — прерываю я, прежде чем она успевает произнести больше одного слова. — Все кончено. Я больше не хочу ни видеть, ни слышать о тебе. Я хочу, чтобы ты навсегда исчезла из моей жизни. Ты доставила мне достаточно неприятностей.

Я смотрю на нее. Она все еще выглядит так, словно хочет что-то сказать, и тогда я втыкаю нож чуть глубже.

— Просто седи и держи рот на замке, пока мы не доберемся до твоего дома; твой голос действует мне на нервы. Мне следовало просто отправить тебя в подвал с Такером и парнями.

Она вздрагивает от этих слов, словно они причинили ей физическую боль. Уголком глаза я вижу, как она отворачивается от меня и смотрит в окно. Я крепко вцепился в руль, чувствуя необходимость ухватиться за что-то... что-нибудь, что заземлит меня и не даст мне потянуться к ней.

Она не произносит ни слова до конца поездки, и мне приходится повторять себе, что так будет лучше. Теперь она будет в безопасности. У нее будет нормальная жизнь. С ней все будет хорошо.

Вопрос в том, а справлюсь ли я?

Пенни

Прошло три дня, и до сих пор я лежу, свернувшись калачиком, в своей постели и плачу навзрыд. Он пришел за мной, он спас меня, но потом он оставил меня здесь. Я должна быть счастлива, что все так закончилось. С точки зрения логики, это лучший сценарий. Я наконец-то свободна от Томми, и мне не нужно беспокоиться о том, что Такер или кто-нибудь еще придет за мной.

Мои родители хотят, чтобы я осталась с ними. Они даже взяли кредит, чтобы помочь мне оплатить колледж. Я должна быть счастлива, однако сердце мое болит.

Легкий стук в дверь побуждает меня приподняться на кровати.

— Пенни, можно войти? — спрашивает мягкий мамин голос через дверь.

Нет.

— Конечно, — пролепетала я, потрясенная тем, как сыро звучит мой голос. Рукавом свитера я вытираю слезы со щеки, словно это может скрыть тот факт, что я плакала весь день.

Дверь со скрипом открывается, и входит мама, одной рукой поддерживая поднос с едой.

— Я принесла тебе обед, милая.

— Спасибо, но я не голодна, — я падаю обратно на кровать, закрывая лицо рукой. Мне не нравится, как она смотрит на меня. — Пожалуйста, не жалея меня. Я в порядке.

— Ты не в порядке, Пенни, но будешь, — я слышу, как она ставит поднос на мою тумбочку. — Просто попробуй что-нибудь съесть. Хотя бы несколько кусочков.

— Хорошо, — бормочу я, уткнувшись в локоть, зная, что это ложь. Я не могу проглотить ни кусочка. Даже при мысли о еде у меня сводит желудок.

Я слушаю, как мама выходит из комнаты, тихо закрывая за собой дверь. Я все еще не сделала тест на беременность, но я знаю. Я чувствую это. Я беременна. В моей утробе растет ребенок. Ребенок Райдера. Мужчины, которого я люблю, но никогда не смогу заполучить.

Это еще одна причина, по которой я должна быть счастлива. Райдер ясно дал понять, что не хочет ребенка. Даже если бы у меня был шанс поговорить с ним, как бы я ему объяснила? Он бы возненавидел меня еще больше. Как он сказал, все, что я делаю, это разрушаю его жизнь.

Из моего горла вырывается всхлип, один из многих, кажущихся бесконечными. Не осталось ничего, кроме ужаса, страха и печали. Я плачу почти каждый день. Мои родители умоляли меня поговорить с кем-нибудь и даже записали меня на прием к психологу. Я не пошла.

Я плачу по стольким причинам, что уже сбилась со счета. Я плачу обо всем, что я потеряла. Я плачу о прошлом и о неопределенности будущего.

Больше всего я плачу о ребенке, растущем внутри меня, зная, что я никогда не смогу быть той матерью, которую он заслуживает.

Месяц спустя

Я не знаю, кто был автором поговорки о том, что время лечит все раны. Кто бы это ни был, он был неправ. Прошел уже месяц, а мое состояние по-прежнему не улучшилось. Может быть, даже ухудшилось.

Две недели назад на моем банковском счету волшебным образом появились пять тысяч.

В переводе было указано «на обучение», что заставило моих родителей быть уверенными в том, что деньги поступили от какого-то гранда, который я заполняла, но я знаю лучше. Райдер отправил их, вероятно, потому что ему было жаль или он чувствовал себя виноватым. В любом случае я чувствую себя дерьмово, словно он от меня откупился.

Используя вилку, я размазываю еду по своей тарелке, создавая видимость того, что я ем. Лишь изредка я съедаю немного картофельного пюре. Я стала лучше есть, но могу осилить лишь небольшие порции за раз.

Я не знаю, насколько эта проблема с едой связана с моей беременностью, а насколько — с депрессией.

Я провела небольшое исследование в интернете о первом триместре. Я знаю, что должна пойти к врачу, но каждый раз, когда я думаю об этом, я застываю. Поход к врачу сделает все это реальностью. Не думаю, что я готова к этому.

Звонок в дверь пугает меня до такой степени, что я роняю вилку. Рука отца появляется из ниоткуда, мягко накрывая мою собственную.

— Просто звонок в дверь, я открою.

— Интересно, кто бы это мог быть? Уже почти семь, — говорит мама, словно семь вечера — это глубокая ночь.

— Я думаю, ты ошибся домом, сынок, — разносится по дому глубокий голос моего отца.

— Это адрес, по которому я должен был его доставить. Это для Пенни, — говорит кто-то.

При упоминании моего имени я вздрагиваю. С любопытством я встаю со стула и направляюсь на голоса. Парадная дверь оказывается распахнутой, когда я поворачиваю за угол. Сначала я вижу парня, с которым разговаривает мой отец.

Я никогда не видела его раньше. Он молодой, примерно моего возраста, с растрепанными светлыми волосами. Он улыбается мне, когда замечает мое приближение, но я не могу изобразить даже фальшивую улыбку. Пока мои глаза не опускаются к полу.

— Моджо! — кричу я и падаю на колени. Он тут же вырывается из рук парня, держащего его поводок, и бежит ко мне.

Я обхватываю ротвейлера, по которому так скучала. Он лижет мое лицо и скулит от возбуждения, его большое тело дрожит в моих объятиях. Я зарываюсь пальцами в его густой мех, как всегда, и впервые за месяц чувствую прилив счастья.

Уткнувшись лицом в шею Моджо, я прижимаюсь к нему, как к искорке света. Он пахнет так же, ощущается так же, и одно его присутствие делает меня счастливой.

— Итак, я полагаю, ты в правильном доме, — мой отец усмехается.

— Парень, который меня направил, сказал что больше не может заботиться о собаке и что вы его примете. У меня в машине есть куча всяких собачьих вещей. Я принесу их, если вы не против оставить его у себя.

— Да! — промурлыкала я. — Мы оставим его у себя.

Я поднимаю глаза и натываюсь на взгляд отца, который смотрит на меня, подняв брови.

— Мы оставим?

— Да, пожалуйста. Он хороший пес, я уверяю, — я смотрю на него с надеждой.

— Тогда ладно. Мы оставим его у себя.

Уголки моего рта приподнимаются. Я возвращаюсь к объятиям с Моджо, свернувшись калачиком на полу посреди коридора.

Мне даже не важно, как странно я сейчас выгляжу. Все, что меня волнует, это то, что еще одна часть Райдера здесь, со мной.

Два месяца спустя

Потирая растущий бугорок на животе, я наблюдаю за двумя будущими мамами, беседующими в приемной напротив меня. Они обсуждают расцветку детской и классическую музыку для успокоения новорожденных. Они выглядят такими счастливыми, так радуются тому, что у них скоро будет ребенок. Я не чувствую ни того, ни другого.

Я никому не рассказывала о беременности. Я прятала бугорок, и это первый раз, когда я действительно иду к врачу, и наблюдение за общением этих двоих — еще одна причина, по которой я избегала этого.

Присутствие здесь не только делает все реальным, но и является ярким напоминанием обо всем, что со мной не так. Я не должна грустить о том, что у меня есть ребенок.

— Пенни Дженкинс, — окликает меня певучий голос. Я поднимаю глаза и замечаю медсестру, просунувшую голову в приемную. Когда наши глаза встречаются, она широко улыбается. — Привет, Пенни. Заходи, мы тут не кусаемся.

Ответив крошечной улыбкой, я встаю и следую за ней в смотровую комнату. Она измеряет мои показатели и проверяет мой вес, прежде чем вручить мне халат, чтобы я его надела.

— Оставь его распахнутым спереди. Доктор сейчас подойдет, — говорит она и оставляет меня одну в комнате.

Я снимаю одежду и надеваю халат, как было велено. Через несколько минут в маленькую комнату раздается тихий стук, и входит миниатюрная женщина. Она выглядит так молодо, что я думаю, что это, должно быть, другая медсестра, но затем она представляется.

— Привет, Пенни, я доктор Уолден. Очень приятно познакомиться с вами, — говорит она так весело, что это звучит почти фальшиво, но то, как она смотрит на меня и берет мою руку между своими, говорит мне, что она вовсе не фальшивит.

В ее глазах видна доброта и теплота, которую редко встретишь. Я сразу понимаю, что она искренне любит свою работу. Ей нравится помогать людям и приносить в этот мир новую жизнь.

— Здравствуйте, мне тоже приятно с вами познакомиться.

Она садится на покатый табурет без спинки и придвигается прямо ко мне.

— Итак, я просмотрела вашу карту. Ваши показатели в норме, и здесь написано, что вы думаете, что находитесь на четвертом месяце, но еще не обращались к врачу.

— Эм, да, я до сих пор никого не посещала, — стыдливо признаюсь я. Опустив взгляд, я сжимаю руки на коленях.

— О, милая, все в порядке, — она протягивает руку и поглаживает мою ногу. — Главное, что ты теперь здесь, и мы хорошо о тебе позаботимся, — говорит она мне без малейшего осуждения в голосе.

Я чувствую, что с моих плеч свалился огромный груз, о котором я даже не подозревала. Я полагала, что доктор будет в ярости и скажет мне, как безрассудно я поступаю, не заботясь о себе должным образом. Я не ожидала, что она будет такой милой и понимающей.

Она задает мне еще несколько вопросов, и я честно отвечаю на каждый из них, прежде чем она заставляет меня лечь на спину, чтобы осмотреть меня. Закончив с этим, она, наконец, включает аппарат УЗИ. Она наносит на мой живот немного холодного геля и

распределяет его, а затем подносит к моей коже какую-то штуку, похожую на палочку.

Как только она прикасается к моему животу, аппарат УЗИ оживает. На экране загораются зеленые линии, внизу появляются цифры, а затем я слышу звук.

Громкое и ровное сердцебиение. Сердцебиение моего ребенка. Этот быстрый ритмичный звук вызывает во мне такие чувства, о которых я даже не подозревала. Тепло распространяется по моей груди, постепенно вытесняя ужас, который я держала в себе.

Я избегала приходить сюда, потому что не хотела, чтобы это было реальностью, но теперь, когда это так, я чувствую себя гораздо спокойнее, чем раньше.

Я могу слушать сердцебиение моего ребенка вечно, это как моя личная колыбельная. Меня охватывает спокойствие, и я закрываю глаза. Я представляю, как держу своего ребенка на руках. Представляю, как его головка прижимается к моей груди, слушая биение моего сердца.

Из уголка моего глаза вытекает слеза и скатывается по щеке. Это счастливая слеза, потому что в этот момент я кое-что осознаю. В этот момент я понимаю, что уже люблю этого ребенка. Я люблю его больше, чем что-либо на свете. Больше, чем себя, и, несмотря ни на что, эта любовь будет вечной.

Райдер

Я смотрю на дно стакана, злясь, что он снова пуст.

Где этот гребаный бармен?

Крепко обхватив пальцами пивной бокал, я ударяю им о барную стойку. Он разбивается в моей руке, и осколки стекла осыпаются на барную стойку. Я перевожу взгляд на руку и замечаю, что осколок впился в мою ладонь. Я вытаскиваю его и бросаю кусок окровавленного стекла на пол.

В баре так шумно и оживленно, что никто не замечает меня. Мэддокс и парни сидят в углу на нашем обычном месте, но я не подсаживаюсь к ним, пока не возникает необходимость. Я стараюсь об этом не думать, но я обижаюсь на него за то, что он заставил меня оборвать все связи с Пенни. Хотя я знаю, что это к лучшему.

Подумать только, я теперь вообще ничего не делаю без необходимости. Вечеринки с парнями раньше были моим любимым времяпрепровождением. Бухать, трахаться и работать. Эти три вещи были моей жизнью. Эти вещи делали меня счастливым.

Теперь у меня осталась только выпивка, которая приносит мне хоть какую-то радость, но даже ее я теперь ненавижу.

— Привет, красавчик, — раздаётся рядом со мной женский голос.

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на нее, и понимаю, что она уже стоит настолько близко, что я чувствую запах ее цветочных духов. Она смотрит на меня взглядом «трахни меня» и надувает свои пухлые губы.

— Что тебе нужно? — рычу я, надеясь, что моя грубость отпугнет ее.

— Твой друг сказал, что тебе нужно отвлечься, и я, возможно, смогу тебе в этом помочь, — она хлопает ресницами и проводит языком по нижней губе.

— Я занят, — говорю я, отворачиваясь к осколкам стекла передо мной.

— Почему бы тебе не позволить мне пососать твой член? Или ты можешь трахнуть меня, как захочешь, — воркует она возле моего уха. Ее рука скользит по моему бедру, и на секунду я задумываюсь об этом.

Я подумываю забыть о Пенни; подумываю трахнуть до беспамятства женщину рядом со мной.

Склонив голову, я рассматриваю ее лицо. Она симпатичная, думаю я. Черты ее лица с каждой секундой становятся все более размытыми. Наверное, мне не стоило пить те шоты один за другим, прежде чем приступить к пиву.

Я пробегаю взглядом по ее телу. Ее сиськи приподняты и едва удерживаются топом, который на ней надет. Когда я возвращаю взгляд на ее лицо, она торжествующе ухмыляется.

— Что скажешь? Проводишь меня к себе в комнату?

И тогда я выныриваю из этого состояния.

Мысль о ней в моей кровати — кровати, в которой я спал с Пенни — обрушивает на меня реальность. Я не могу этого сделать. Я не могу спать ни с кем другим.

— Иди и найди себе какой-нибудь другой член, — усмехаюсь я, злясь на себя за то, что даже подумал о том, чтобы трахнуть эту телку. Оттолкнувшись от барного стула, я прохожу мимо нее, не обращая внимания на ее разочарованное хныканье.

Я направляюсь прямо к задней двери, желая только одного — упасть в свою кровать и

заснуть. К сожалению, у Мэддокса другие планы.

Он встает на моем пути и кладет руку на мою грудь.

— Куда ты идешь? Еще даже не полночь, — говорит он. — Тебе не понравилась девушка, которую я послал к тебе? Она ведь в твоём вкусе, не так ли?

В моем вкусе? Все, что имеет вагину, раньше было в моем вкусе. Акцент на «раньше».

— Я не в настроении. Я иду спать, — говорю я и пытаюсь протолкнуться мимо него.

— Райдер, прошел уже месяц. Ты должен забыть эту цыпочку. Парни называют тебя киской.

— Пусть скажут мне это в лицо, чтобы мы увидели, кто настоящая киска.

— Вот он, мой друг, — Мэддокс хихикает и наконец-то убирается с моего пути. —

Ладно, иди спать, но завтра вечером ты будешь веселиться со мной, пока не взойдет солнце.

— Посмотрим, — говорю я, прежде чем отправиться обратно в свою комнату. Комнату, которая практически всегда была пустой, но никогда не ощущалась таковой до сих пор.

Пенни

Четыре месяца спустя

Нет, нет, нет! Этого не может быть.

— Еще слишком рано. Я не могу рожать, — я качаю головой.

— Пенни, у тебя только что отошли воды, и время между схватками сокращается. Ребенок скоро родится, — говорит мне мама, ее голос звучит невероятно спокойно.

Как она только не сходит с ума прямо сейчас?

— Но еще слишком рано, — я пытаюсь заставить ее понять. — Это моя вина. Я должна была обратиться к врачу раньше. Я должна была лучше питаться и пить больше воды.

— Пенни, ты справилась потрясающе. Ребенок просто решил познакомиться с тобой пораньше. Ничего страшного. Все будет хорошо, — уверяет она меня, но это ничуть меня не успокаивает.

Три недели раньше срока — это большое дело. Ребенок еще не закончил свое развитие. Может случиться все, что угодно, и это все моя вина.

Моджо толкает меня в ногу своей огромной головой. Я провожу пальцами по его шерсти и чешу за ухом, но он лишь поскуливает. Он знает, что я волнуюсь, и это заставляет его волноваться вместе со мной.

— Сумка на месте, — мой отец неторопливо спускается по лестнице с заранее упакованной сумкой в руке.

Почему только я одна переживаю?

— Почему вы так спокойны?

— Потому что мы знаем, что все будет хорошо, — мама обхватывает меня руками и притягивает к себе. Я мгновенно расслабляюсь в ее объятиях. — Все будет хорошо, — повторяет она, — И ты будешь замечательной матерью.

Я могу только надеяться, что она права. Пожалуйста, пусть она будет права.

* * *

Глядя на крошечную малышку на руках, я никак не могу осознать, что она моя.

Я назвала ее Гвендолин, в честь бабушки Райдера. Думаю, ему бы это понравилось, да и мне всегда нравилось это имя. Мои мысли возвращаются к Райдеру, и мне интересно, что бы он подумал о ребенке.

Я столько раз думала о том, чтобы связаться с ним, но в итоге так и не смогла решиться. Так будет лучше, или, по крайней мере, так я говорю себе.

Гвен воркует и извивается в моих руках. Несмотря на то, что она решила родиться раньше срока, она совершенно здорова. Ее маленькие пальчики крепко обхватывают мой указательный палец.

Я улыбаюсь, наслаждаясь каждым мгновением. Я могу просто смотреть на нее часами и не только наслаждаться, но и получать истинное счастье. Я никогда не подозревала, что могу испытывать такое счастье.

Стук в дверь выводит меня из состояния восторга. Я отрываю взгляд от дочери и смотрю на дверь, ожидая возвращения родителей. Вместо этого я вижу того, кого никак не ожидала увидеть снова.

— Мэддокс? — шепчу я, инстинктивно прижимая Гвен ближе к груди.

— Успокойся, мама-медведица. Я пришел с миром, — он усмехается и закрывает за собой дверь.

— Чего ты хочешь?

— Просто хочу поговорить, вот и все, — он придвигает стул, на котором сидела моя мама, ближе к моей кровати и садится.

— Я не хочу с тобой разговаривать.

— Справедливо. Тогда просто послушай, — он откидывается в кресле и вытягивает руки, словно устраиваясь поудобнее. — Я был тем, кто сказал Райдеру избавиться от тебя... То есть отослать тебя. Я думал, что поступаю правильно. Черт, возможно, и по сей день правильным было бы разорвать связи, но это, — он указал на Гвен, — все меняет.

— *Это* она, и у нее есть имя, — шиплю я на него, заставляя его только хмыкнуть.

— Понял, она. Ну, *она* все меняет. Райдер никогда не простит меня, если я скрою ее от него.

— Он пока не знает?

— Нет. Я велел ему оборвать все связи, и он так и поступил. Однако я следил за тобой, на случай, если ты все-таки решишь поговорить с копами. Я решил, что Райдер — отец, но не был уверен, пока ты не указала его в свидетельстве о рождении.

Свидетельство о рождении?

— Как ты...?

— У меня свои методы, — объясняет Мэддокс, поднимаясь со стула. — Я просто хотел предупредить тебя, прежде чем дать Райдеру зеленый свет на твои поиски. Что он будет делать с этой информацией, зависит только от него. Честно говоря, я не знаю, как он отреагирует и что предпримет. Думаю, мы скоро узнаем.

И на этом он вышел из палаты. Оставив меня в шоке и в таком замешательстве, как никогда.

* * *

Прошла неделя с тех пор, как родилась Гвен. Я знаю об этом только потому, что сегодня днем у меня был осмотр у педиатра. Трудно уследить за днями, когда ты практически не спишь по ночам.

Мои родители предложили мне помочь с ночными кормлениями, но, по правде говоря, мне не сложно. Мне нравится заботиться о ней, даже если мой собственный график сна страдает.

К тому же, будучи занятой, я забываю о Райдере. Первые несколько дней я ожидала, что он позвонит или зайдет, но быстро завязала с этим. Он явно не хочет иметь с нами ничего общего. Эта мысль причиняет боль, режет меня глубже, чем я хотела бы признать. Я расстроена не только за себя, но и за нашу дочь.

Выбросив Райдера из головы, я сосредоточилась на ангеле в своих объятиях.

Я раскинулась на диване, прижимая к груди дочь, когда Моджо внезапно вскакивает рядом со мной. Он бежит по комнате, лая на что-то снаружи. Что за черт? Он никогда раньше так себя не вел.

Мгновение спустя раздается звонок в дверь, от чего Моджо еще больше сходит с ума.

— Что происходит, Моджо? Это, наверное, просто доставка, — я встаю с дивана и направляюсь к входной двери. Держа Гвен одной рукой, я открываю дверь другой.

Я едва успеваю повернуть ручку, когда Моджо протискивается в дверь и прыгает на стоящего перед нами мужчину.

Райдер.

— Успокойся, Моджо, — пытается он заставить его сесть, но собака явно слишком взволнована его появлением.

Через мгновение глаза Райдера находят мои, и между нами воцаряется долгое молчание. Я могу только стоять и смотреть на него, не зная, что сказать или сделать.

Он здесь... наконец-то он здесь, и он знает о Гвен.

Чувство вины и тревоги гноятся в моем животе. Он будет злиться, что я ему не рассказала?

— Привет, — наконец говорит он. Его взгляд падает на ребенка у меня на руках, и он шумно вдыхает. Затем его глаза снова поднимаются, словно он боится смотреть на нее.

— Я придумал целую речь в своей голове, но думаю, будет лучше, если я просто покажу.

— Покажешь мне?

— Да. Вам обоим, вообще-то. Если у тебя сейчас есть немного времени, я мог бы тебя отвезти.

— Мм, — я жую свою нижнюю губу. Я одновременно взволнована и нервничаю. Я хочу пойти с ним, но часть меня беспокоит о том, будем ли мы в безопасности. Потом я понимаю, что все равно не смогу пойти. — Моих родителей здесь нет, а автокресло в их машине.

— У меня есть автокресло в грузовике, — объясняет он.

— Правда? — я ошеломленно уставилась на него.

— Да, совершенно новое. Оно лучшее, со всеми дополнительными функциями безопасности и прочей хренью.

— Ох, — выдохнула я, все еще удивленная тем, что Райдер здесь. — Думаю, мы можем пойти. Мне только нужно взять сумку с подгузниками, обуться... и взять свежую салфетку для срыгивания.

Я мысленно пробежалась по списку вещей, которые мне нужно взять с собой, когда я куда-то иду.

— Ты хочешь, чтобы я подержал ее, пока ты все соберешь? — от его вопроса все мысли в моей голове разбегаются. — Только если ты хочешь.

Я опускаю взгляд на Гвен, которая открывает глаза и смотрит в небо. Солнечный свет делает ее ярко-голубые глаза еще ярче. Я почти не выпускала ее из рук с тех пор, как она родилась. Даже мои родители нечасто держали ее на руках, но Райдер — ее отец. Я не могу отказать ему в том, чтобы подержать его ребенка.

— Хорошо, — я киваю, делая шаг к нему. — Тебе просто нужно убедиться, что ее голова надежно зафиксирована. Она пока не может держать шею.

— Понял, дадим ей покачать головой, — он ухмыляется.

Я знаю, что он просто шутит, но тревога в моем нутре только усиливается, когда я осторожно передаю ее в его ждущие руки.

Он прижимает ее крошечное тело к своей широкой груди, а ее голова надежно покоится в изгибе его руки. Она кажется такой маленькой в его руках, но в то же время какой-то... защищенной. Она выглядит так, словно принадлежит ему.

Райдер смотрит на Гвен с обожанием, словно она уже обвела его вокруг пальца.

Постепенно мои тревоги рассеиваются, а на смену им приходит другое чувство.

Любовь.

Райдер

Мне конец. Абсолютно ясно, что мне конец. Это все, о чем я могу думать, глядя на самого маленького ребенка, которого я когда-либо видел. Она такая крошечная и хрупкая на вид. Она фактически ничего не весит в моих руках, но я держу ее так, словно это золотой кирпичик с бриллиантовой корочкой. Словно она самая драгоценная вещь в мире.

У нее бледно-голубые глаза, кожа розового оттенка, а волосы — не более чем светлый пушок, слегка завивающийся на кончиках. Все, что я могу делать, это смотреть на нее в благоговении.

Она совершенна.

Маленький ангел.

Я не могу поверить, что она моя.

Один взгляд на нее, и я уже знаю, что сделаю для нее все. Что угодно, лишь бы она была в безопасности, лишь бы она была счастлива и имела все, что ей может понадобиться.

— Я назвала ее Гвендолин, — голос Пенни заставляет меня поднять глаза, и я понимаю, что она до сих пор не сдвинулась с места. Мгновение спустя слова, которые она только что произнесла, становятся ясными. *Гвендолин.*

— Так звали мою бабушку, — указываю я на очевидное.

Пенни слегка кивает мне и улыбается.

— Мы зовем ее Гвен.

— Гвен, — повторяю я, пробуя имя на слух. — Ей подходит.

— Я принесу вещи, — говорит мне Пенни, и я наблюдаю за ней от двери, когда она проносится по дому, собирая все необходимое.

Она натягивает обувь, вешает сумку с подгузниками на плечо и подходит ко мне. Моджо не отходит от меня с тех пор, как я пришел, и смотрит на нас, склонив голову набок.

— Ты тоже можешь пойти, — говорю я ему, и он охотно следует за мной.

Пенни открывает заднюю дверь, и под ее пристальным взглядом я осторожно усаживаю Гвен в уже установленное автокресло. Я пристегиваю ее, как указано в инструкции, и трижды проверяю ремни безопасности.

Когда я закончил, я поворачиваюсь к Пенни, которая смотрит на меня так, словно у меня выросла вторая голова. Она несколько раз моргает, как будто убеждается, что все это реально, прежде чем обойти грузовик и забраться внутрь.

Моджо запрыгивает в кузов и сворачивается калачиком рядом с автокреслом. Я сам сажусь в грузовик и завожу двигатель.

— Почему ты больше не можешь заботиться о Моджо? — спрашивает Пенни, когда я выезжаю на дорогу.

— Я... — на мгновение я задумываюсь о том, чтобы солгать, но решаю, что если я хочу, чтобы все сработало, мне нужно выложить все свои карты на стол. — Я просто хотел, чтобы он был с тобой. Я знал, что он помогает тебе справиться с тревогой, и я знал, что он оберегает тебя.

— Правда? — она звучит удивленно.

— Да, правда. Не могу поверить, что именно это первый вопрос, который ты мне задаешь. Разве ты не хочешь знать, куда я тебя везу?

— Куда ты нас везешь?

— Увидишь, — я ухмыляюсь. — Это всего в двадцати минутах езды.

Пенни со вздохом откидывается на сиденье. Она выглядит усталой. Счастливой и здоровой, но усталой. Вскоре ее сладкий женский запах, смешанный с ароматом новорожденного, заполняет кабину. Я глубоко вдыхаю, наслаждаясь этим запахом и надеясь, что в будущем он будет окружать меня постоянно.

Когда я бросаю взгляд на Пенни, чтобы спросить ее, высыпается ли она, я замечаю, что она дремлет. Думаю, это ответ на мой вопрос.

Через несколько минут я подъезжаю к дому. Пенни просыпается, когда я паркую машину.

— Где мы? — ее вопрос заканчивается зевком.

— Если мне повезет, то в твоём новом доме, — объясняю я.

— Что ты имеешь в виду? — взгляд Пенни мечется между мной и двухэтажным домом, который я купил для нее.

— Давай я покажу тебе дом изнутри, — нервно говорю я. Черт, не думал, что буду настолько напряжен, но мои мысли не унимаются. Что, если она откажется? Что, если она не захочет этого?

Отгоняя от себя эти мысли, я выхожу из грузовика. Поездка в машине сморила Гвен, поэтому я отсоединяю автокресло от базы и несу ее так.

Я подхожу к дому и достаю из кармана ключ, который изготовил сегодня утром. Пенни следит за каждым моим шагом, с удивлением оглядываясь по сторонам.

Я отпираю дверь и открываю, пропуская Пенни внутрь. Моджо проходит мимо нас и начинает бегать по дому, обнюхивая каждый угол, словно убеждаясь, что внутри нет опасности.

Дом уже обставлен и готов к заселению.

— Я купил его у семьи, которая переехала за границу, и они продали дом со всем своим барахлом. Но их дети были уже взрослыми, поэтому мне пришлось переделать детскую комнату. Хочешь посмотреть?

У Пенни открывается рот, когда она кивает головой. Я думаю, она слишком потрясена, чтобы вымолвить хоть слово.

Я веду ее вверх по лестнице в комнату, в которой, я надеюсь, будет жить наша дочь. Стены уже были розовыми, но мне пришлось купить новую мебель для детской. Белая кровать придвинута к стене, над ней висит мобиль со звездочками. Пеленальный столик и комод расположены с другой стороны. Но самое лучшее в этой комнате — эркер, окруженный книжной полкой.

— Тебе нравится? — нерешительно спрашиваю я.

— Она прекрасна. Я имею в виду, кому бы она не понравилась? — она оглядывает комнату и проводит рукой по перилам детской кровати. — Райдер, что все это значит? Почему ты купил этот дом?

— Я хочу, чтобы вы с Гвен жили здесь... со мной. Я купил этот дом для вас, то есть для нас. Я знаю, что в прошлом я облажался. Я знаю, что у тебя нет причин доверять мне, но я хочу все исправить. Я хочу, чтобы ты и Гвен остались в моей жизни навсегда.

— Вау, — она глубоко вздыхает. — Слишком много, чтобы осознать.

— Я знаю. Тебе не нужно принимать решение прямо сейчас, и если ты не захочешь жить здесь со мной, дом все равно твой.

— Я не знаю, что сказать, — признается она.

Когда она снова поворачивается ко мне лицом, я замечаю, насколько бледной она выглядит.

— Ты в порядке? Ты выглядишь так, будто вот-вот потеряешь сознание.

— Возможно, — она улыбается. — Я почти не спала последнюю неделю, — она трет глаза тыльной стороной ладони.

— Тогда пойдем, ты можешь прилечь здесь ненадолго, — я провожаю ее в комнату рядом с детской. Главная спальня была одной из самых привлекательных в этом доме.

Пенни застонала, когда увидела в комнате кровать королевского размера.

— Я могу отрубиться на несколько дней, если осмелюсь лечь на нее.

— Это лучше, чем вырубиться в детской. Давай, залезай, — приказываю я. — Я не приму отказа.

— Требовательный, как всегда, — Пенни закатывает на меня глаза, но выскользывает из туфель и забирается в кровать.

Моджо заходит в комнату, обнюхивает автокресло, словно проверяя, в безопасности ли ребенок. Когда он кажется удовлетворенным, он находит место под окном, где можно развалиться.

Я отстегиваю Гвен и осторожно вынимаю ее из автокресла, чтобы положить в центр кровати. Пенни сворачивается рядом с ней калачиком и закрывает глаза. Она засыпает почти сразу.

Я снимаю ботинки и медленно забираюсь в кровать, чтобы не разбудить ни одну из них. Лежу, но держу голову повернутой, чтобы наблюдать за ними обеими.

Впервые с тех пор, как я покинул Пенни, я чувствую себя умиротворенным. Я чувствую, что мог бы прожить с ними счастливую жизнь. Мы могли бы стать семьей.

Я просто должен доказать Пенни, что я на это способен. Что я могу любить их так, как они того заслуживают, и что я заслуживаю их любви в ответ.

Пенни

Год спустя.

Я не могу поверить, что это действительно происходит. Мечта, от которой я отказалась много лет назад, наконец-то сбылась. Я поступила в колледж на очное отделение. Я могла бы начать учиться и раньше, но мне очень хотелось проводить все свободное время с Гвен. Я не хотела пропустить ни одной важной вехи в течение первого года ее жизни.

Мне до сих пор немного не по себе от разлуки, но я знаю, что она в надежных руках. В конце концов, она — папина дочка.

— Баба! — она визжит и сползает с дивана, чтобы подойти к Райдеру. Первые шаги она сделала всего две недели назад, поэтому ее походка больше похожа на шатание.

— Ты готова отвести маму на занятия? — Райдер наклоняется и подхватывает Гвен. Она кивает головой и закидывает свои маленькие изящные ручки на толстую шею Райдера.

Смотреть на нее с ним никогда не надоест.

Райдер отвозит меня в колледж, пятьдесят раз повторяя, чтобы я не разговаривала ни с кем из парней и звонила ему, если кто-то попытается ко мне приставать. Я соглашаюсь и целую его, прежде чем перебраться на заднее сиденье, чтобы поцеловать Гвен.

— Я буду здесь, чтобы забрать тебя после окончания занятий, — окликает меня Райдер перед тем, как я закрываю дверь. Я машу ему на прощание и смотрю, как он отгоняет свой грузовик.

Мой первый день прошел так, как я всегда и мечтала. Мои щеки болят от улыбки, и я уверена, что другие люди в классе считают меня чудачкой, раз мне так нравится лекция, но мне все равно. Я просто так счастлива.

Потребовалось немало времени и много работы, но все наконец встало на свои места.

Я сразу же переехала в дом, который купил мне Райдер. Первое время он спал в гостевой комнате, пытаясь предоставить мне немного пространства, но это продолжалось недолго. Он поразил меня до чертиков, причем не одним способом, и продолжает удивлять каждый день.

Он замечательный отец. С самого первого дня он был рядом с нашей дочерью. Будь то ночные кормления, смена подгузников или чтение сказок, — он делал все это.

Есть вещи, в которых мы не сходимся во мнениях. Райдер состоит в МК. Я в курсе, что он занимается незаконными делами, и мне не нравится, что он подвергает себя опасности. К сожалению, он не хочет уходить с клуба. Он говорит, что не может оставить это дело, и обещает держать МК и нашу жизнь порознь, что ему, к счастью, пока удается.

— На сегодня все, — голос профессора вырывает меня из моих собственных мыслей. — Увидимся на следующей неделе.

Я собираю свои вещи и запикиваю все в рюкзак, прежде чем направиться к выходу из здания. Райдер уже ждет снаружи. Засунув руки в карманы, он небрежно прислонился к одной из причудливых клумб.

— Где Гвен? — спрашиваю я, как только подхожу достаточно близко.

— Твоя мама хотела посидеть с малышкой. Поэтому я подумал, что мы можем отпраздновать твой первый день в качестве студентки колледжа, — говорит он мне, пока мы идем к машине. — Но сначала мне нужно знать, разговаривал ли кто-нибудь с тобой

сегодня? Какие-нибудь парни пытались флиртовать? Просто хочу убедиться, что мне не придется кого-то убивать.

— Никто со мной не разговаривал, — я покачала головой. Райдер стал еще большим собственником с тех пор, как родилась Гвен. Иногда он немного перебарщивает, но втайне мне нравится, какой он. Он словно все время боится потерять меня, и я очень хорошо знаю это чувство.

После того как он дважды по сути оттолкнул меня, мне было трудно поверить, что он не поступит так снова.

По дороге домой я рассказываю ему каждую деталь о двух занятиях, которые у меня были сегодня. Должно быть, для него это скучно, но он все равно слушает так, будто это самая интересная история, которую он когда-либо слышал.

К тому времени, как мы возвращаемся домой, я рассказала ему все, что могла придумать, и у меня пересохло в горле от безостановочного разговора.

— Итак, как мы собираемся праздновать? — спрашиваю я, когда мы входим в дом через гараж.

Райдер открывает дверь и молча ведет меня на кухню. Он тянет меня за собой в столовую. Стол уже накрыт, в центре стоит бутылка шампанского и два фужера.

— Я не готовил, потому что ты знаешь, что моя еда отстой, но я купил еду в шикарном ресторане и накрыл стол.

— Это прекрасно... но я не очень голодна до еды.

— И до чего же ты голодна? Пожалуйста, скажи до моего члена, — шепчет он последнее слово, заставляя меня рассмеяться.

— Да, может быть, мы можем подняться наверх и... — я не успеваю закончить предложение, как меня поднимают в воздух. Райдер перекидывает меня через плечо и несет в спальню, преодолевая по две ступеньки за раз.

Он кладет меня на кровать и начинает торопливо снимать с меня одежду. Только когда я полностью обнажена, он раздевается сам. Он сбрасывает брюки, под которыми нет боксеров, затем снимает рубашку.

Мой взгляд сразу же устремляется на его грудь, где я обнаруживаю новую татуировку среди других старых, потускневших татуировок. Она выделяется. Не только потому, что чернила все еще темные, но и потому, что это единственная цветная татуировка. Все остальные его татуировки черные и серые.

— У тебя новое тату?

— Ага, взгляни поближе, — Райдер забирается на кровать рядом со мной, чтобы я могла рассмотреть замысловатое изображение вблизи. Как только я понимаю, что это такое, мое горло сжимается.

Это сова — красивая, детально прорисованная сова, с большими голубыми глазами и нежными перьями. На груди совы — сердце, а внутри сердца написаны наши с Гвен имена.

— Тебе нравится?

— Да, — я киваю головой, пытаюсь сдержать слезы. — Она не очень сочетается с другими твоими татуировками, но мне нравится.

— Я знаю, что не часто это говорю, и знаю, что наша совместная жизнь началась скорее как кошмар, чем сказка, но я люблю тебя. Ты ведь знаешь это, правда?

— Райдер, я знала это еще до того, как ты сам это понял. И хотя ты не часто это говоришь, ты показываешь мне это каждый день, и это гораздо важнее любых слов.

— Ты идеальна, — пробормотал он, прежде чем наклониться и вобрать в рот один из моих сосков. Он сосет так сильно, что мое тело выгибается дугой на кровати.

Райдер перемещает нас и располагается между моих ног, одновременно переключаясь на другую грудь, чтобы уделить ей столько же внимания. Он входит в меня одним сильным толчком.

Моя голова откидывается на подушку, и я цепляюсь за бицепсы Райдера, когда он входит в меня. Удовольствие разливается по моему телу. Он берет меня грубо, его пальцы впиваются в мои бедра, удерживая меня на месте, но его губы мягкие, когда он нежно целует мою шею.

Как всегда, он сам себе противоречит. Мягкий и жесткий. Нежный и грубый.

Внешне Райдер весь в зазубринах, грубый и холодный, но внутри него есть нежность, которую он показывает только Гвен и мне. Свет, который сияет только рядом с нами.

— Я люблю тебя, — прошептал он, касаясь моей кожи.

— Я тоже тебя люблю.

Я люблю каждую его часть, даже уродливую. Так же, как он любит всю меня. В этом и заключается любовь. Вы не можете выбрать какую-то часть кого-то, чтобы любить. Вы должны любить все — и хорошее, и плохое.

Никто не совершенен. Единственное, что совершенно, — это любовь между двумя людьми... и этого у нас достаточно.

КОНЕЦ.

¹ прим ред: Оксикодон (перкоцет, перкосет) — обезболивающий препарат. Оксикодон обычно выписывается для облегчения умеренной или сильной боли.

² прим ред: Адвил — нестероидный противовоспалительный препарат. Оказывает выраженное противовоспалительное, жаропонижающее и обезболивающее действие.

³ прим. ред.: Рогипнол (флунитразепам) — в народе называемый «друг изнасилований на свидании» — стал хорошо известным наркотиком. Хотя препарат используется в лечебных целях, его мощные эффекты все чаще стали использовать в целях выведения из строя женщин во время сексуального насилия, а именно — изнасилования.

⁴ прим. ред.: Walmart («Уолмарт») — американская компания, управляющая крупнейшей в мире сетью оптовой и розничной торговли.